

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

КАРЕЛ
ЧАПЕК

Война
с саламандрами

«ИНОСТРАНКА»

Карел Чапек

Война с саламандрами (сборник)

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)-44

Чапек К.

Война с саламандрами (сборник) / К. Чапек — «Азбука-Аттикус»,

Карел Чапек – один из самых известных чешских писателей. Он является автором романов, рассказов, пьес, фельетонов, созданных с неистощимой фантазией и блистательным юмором, покоровших сердца читателей многих стран мира. В настоящий сборник вошли наиболее знаменитые произведения автора: лучшие рассказы, фантастическая пьеса «R.U.R.» (именно в ней впервые появляется слово «робот», которое придумал Чапек, и рождается на свет столь знакомый нам сегодня сюжет о восстании машин против людей) и, наконец, роман «Война с саламандрами», представленный впервые в новом переводе. Яркая, причудливая, необыкновенная история о саламандрах, обнаруженных на затерянных островах капитаном ван Тохом, считается вершиной творчества Чапека и одним из лучших романов двадцатого века.

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)-44

© Чапек К.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Война с саламандрами	6
Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	57
Глава 12	60
Приложение	68
Книга вторая	72
Глава 1	72
Глава 2	74
Глава 3	98
Книга третья	101
Глава 1	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Карел Чапек

Война с саламандрами (сборник)

© Т. Аксель (наследник), 2015

© Н. Аросева (наследник), 2015

© А. Бобраков-Тимошкин, 2015

© Ю. Молочковский (наследник), 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

Война с саламандрами

Книга первая Andrias Scheuchzeri

Глава 1 Чуждачество капитана ван Тох

Если бы вам вдруг приспичило искать на карте островок Тана-Маса, вы нашли бы его прямо на экваторе, немного к западу от Суматры. Но если бы вы спросили капитана Я. ван Тох, что это, собственно, за Тана-Маса, у берегов которой его судно «Кандон-Бандунг» только что бросило якорь, он сначала какое-то время ругался бы, а потом ответил бы вам, что это самая грязная дыра во всем Зондском архипелаге, еще более поганая, чем Тана-Бала, и, по крайней мере, столь же гнусная, как Пини или Баньяк; и что единственный человек – если его можно так назвать, – живущий там (не считать же, в самом деле, этих вшивых батаков¹), – это пьяный вдупель торговый агент, помесь кубу с португальцем, еще бо́льшая свинья, мошенник и нехристь, чем чистокровные кубу и белый человек, вместе взятые; и что если на этом свете есть нечто по-настоящему пропащее, то это, сэр, – пропащая жизнь на этой самой пропащей Тана-Масе.

После этого вы, вероятно, спросили бы капитана, зачем же он в таком случае бросил здесь свои чертовы якоря, как будто собирается тут провести по меньшей мере три чертовых дня; в ответ капитан уязвленно засопел бы и проворчал что-нибудь в том смысле, что «Кандон-Бандунг», конечно, не стал бы сюда заходить только ради чертовой копры или пальмового масла, это ясно, да впрочем, вам до этого нет никакого дела, сэр, а я получил чертовы приказания, сэр, – и ругался бы при этом столь заковыристо и многословно, как, собственно, и следует ругаться уже немолодому, но для своих лет еще вполне хорошо сохранившемуся морскому капитану.

Но если бы вместо надоедливых вопросов вы предоставили капитану Я. ван Тоху возможность ворчать и ругаться себе под нос, то смогли бы узнать побольше. Разве по нему не видно, что ему просто необходимо излить свою душу? Оставьте его на минутку в покое – и его недовольство само найдет себе выход. «Вот какие дела, сэр, – заговорит капитан, – эти ребята у нас в Амстердаме, жида проклятые, там, наверху, вдруг говорят: жемчуг, братишка, поищи-ка какой-нибудь жемчуг. Говорят, что сейчас все с ума сходят по жемчугу и всему такому». Тут капитан плюнет от отвращения. «Ну да понятно, – все хотят свои бабки в жемчуг вложить. Это все потому, что вы, людишки, все время хотите воевать и так далее. Ну и, конечно, дрожите за свои денежки. Для этого, сэр, даже название есть – кризис». После чего капитан ван Тох на какой-то миг задумается, не стоит ли завести с вами речь о макроэкономических вопросах; в наши дни, в конце концов, ни о чем другом и не говорят. Но здесь, у Тана-Масы, для этого слишком жарко, да и лень; так что капитан ван Тох махнет рукой и пробормочет: «Ну конечно, жемчуг! Сэр, на Цейлоне его подчистили на пять лет вперед, на Формозе вообще запретили добывать, – так ведь нет, говорят, давай, капитан ван Тох, ищи какие-нибудь новые месторождения. Поезжайте на эти поганые острова, вдруг там найдутся целые россыпи раковин...» – тут капитан презрительно-громко высморкается в небесно-голубой платок. «Эти крысы в Европе,

---

¹ Один из народов Индонезии, коренное население острова Суматра. – Примеч. перев.

наверное, думают, что здесь можно еще найти что-то, о чем никто не знает! Вот козлы же, прости господи! Хорошо еще, что от меня не требуют тут заглядывать в пасть батакам – вдруг они там жемчуг выращивают. Новые ме-сто-ро-жде-ни-я! Вот новый бордель в Паданге – это я понимаю, но месторождения? Сэр, я ведь эти острова знаю, как свои штаны... От Цейлона – до поганого острова Клиппертон. Если кто-то думает, что тут еще можно найти что-то, на чем можно сколотить капитал, так флаг ему в руки, на здоровье! Я тут плаваю тридцать лет, а теперь эти полудурки хотят, чтобы я здесь что-то открыл!» Капитан ван Тох прямо задыхается от такого оскорбительного предписания. «Пусть они пошлют сюда какого-нибудь молокососа, тот им такое откроет, что они все клювы поразевают; но требовать этого от человека, который так знает эти места, как капитан Я. ван Тох... Ну согласитесь, сэр. В Европе, наверное, еще можно что-нибудь новое открыть, но здесь... Сюда ведь люди-то приезжают только затем, чтобы вынюхать, что здесь можно сожрать, да даже и не сожрать – купить и продать. Если бы в поганных тропиках еще сохранилось что-то, что можно продать за двойную цену, – то вокруг этого тут же столпились бы агенты и махали бы грязными носовыми платками пароходам семи держав, призывая остановиться. Такие дела, сэр. Я об этих местах, простите за нескромность, знаю больше, чем министерство по делам колоний ее величества королевы». Тут капитан ван Тох попытается превозмочь свой справедливый гнев, что у него в конце концов – после долгой борьбы – наконец получится. «А видите вон там тех двух жалких лодырей? Это ловцы жемчуга с Цейлона, господи прости, сингалезы² как они есть, как их Бог сотворил; только вот зачем Он их творил, я не знаю. И вот теперь я таскаю их с собой, сэр, и если мне удастся найти кусок побережья, на котором нет надписей „Агентство“, или „Батя“, или „Таможенное управление“, я запускаю их в воду, чтобы они, значит, раковины искали. Вон тот бездельник, который пониже ростом, ныряет метров на восемьдесят; как-то на Принцевых островах на глубине девяноста метров он выловил ручку от киноаппарата, но жемчуг – хе! Куда там! Эти сингалезы – ничемные отбросы. Вот такая у меня поганая работа – делать вид, будто бы я скупщик пальмового масла, а при этом искать новые месторождения этих самых раковин. Может, потом они захотят, чтобы я для них открыл какой-нибудь неоткрытый континент? Нет, сэр, это не дело для порядочного капитана торгового флота. Я. ван Тох вовсе никакой не поганый искатель приключений, сэр. Вовсе нет, сэр...» И так далее. Велико море, а океан времени безграничен; ты можешь плевать в море – но воды в нем не прибавится, можешь проклинать свою судьбу – но не переменить ее; и вот, после долгих предисловий и отступлений мы возвращаемся к тому, что капитан голландского судна «Кандон-Бандунг» Я. ван Тох, вздыхая и ругаясь, лезет в шлюпку, чтобы отправиться в кампонг³ на острове Тана-Маса и поговорить там с вечно пьяным метисом, помесью кубу и португальца, о некоторых коммерческих вопросах.

– Sorry, Captain, – сказал в конце концов метис, – но здесь, на Тана-Масе, никаких раковин нет и не было. Эти грязные батаки, – проговорил он с неописуемым отвращением, – сожрут и медузу, они вообще больше в воде сидят, чем на суше, а бабы у них воняют рыбой, да так сильно, что вы себе даже не представляете... О чем бишь я? Ах да, вы о бабах спрашивали.

– А может, тут есть какой-нибудь кусочек побережья, – спросил капитан, – где эти батаки не лезут в воду?

Метис от кубу и португальца покачал головой:

– Нет, сэр. Разве что вот залив Дьявола, но вам он ни к чему.

– Что значит «ни к чему»?

– Потому... потому что туда никому нельзя, сэр. Налить вам, капитан?

– Thanks. Там что, акулы водятся?

² Племя, живущее на юге острова Шри-Ланка (Цейлон). – Примеч. перев.

³ Традиционное индонезийское сельское поселение. – Примеч. перев.

– Акулы... Ну и вообще, – неохотно пробормотал метис. – Дурное это место, сэр. Батакам не понравилось бы, если бы туда кто-нибудь полез.

– Да почему?

– Черти там, сэр. Морские черти.

– Что еще за морские черти? Рыба такая?

– Да нет... не рыба... – уклончиво ответил метис. – Просто черти, сэр. Подводные черти. Батаки их называют тапа. Просто тапа. Говорят, у них там свой город, у чертей. Налить вам?

– А как он выглядит... этот морской черт?

Метис пожал плечами:

– Ну, как выглядит... Как черт. Я его видел один раз... То есть – только голову. Возвращался в шлюпке от мыса Хаарлем... и вдруг из-под воды передо мной – раз! – высовывается такая башка...

– Ну и что? На что она похожа-то?

– Черепушка у него... ну как у батака, сэр, только совершенно лысая.

– А это, часом, не батак был?

– Нет, сэр. В том месте никаких батаков нет – ни один не полезет в воду. А потом... Потом оно начало моргать нижними веками, сэр. – Метис содрогнулся от ужаса. – Нижними веками, которые закрывают весь глаз. Вот такой вот тапа.

Капитан Я. ван Тох повертел в толстых пальцах стакан с пальмовым вином.

– А ты, часом, пьян не был, а? В стельку, как обычно?

– Был, конечно. Как бы иначе я туда поплыл? Батакам не нравится, если кто-нибудь этих... чертей беспокоит.

Капитан ван Тох покачал головой:

– Никаких чертей нет, братишка. А если бы они и были, то похожи бы были на европейцев. Это, наверное, рыба была или вроде того.

– Ага, рыба... – заикаясь, принялся возражать метис. – У рыбы, сэр, рук нет. Я ведь, сэр, не батак, я в школу ходил в Бадьюнге... Я еще, наверное, помню десять заповедей и иную науку и так вам скажу: образованный человек всегда отличит черта от животного. Вот спросите у батаков, сэр.

– Это все суеверия дикарей, – заявил капитан, наслаждаясь чувством превосходства человека образованного. – С научной точки зрения это чушь. Черт никак не может жить в воде. Что ему там делать? Мы, братишка, не можем верить всему, что болтают туземцы. Кто-то назвал этот залив заливом Дьявола, ну вот с тех пор батаки его и боятся. Вот и всё, – уверенно сказал капитан и хлопнул пухлой ладонью по столу. – Ничего там нет, братишка, это наукой доказано.

– Да, сэр, – согласился метис, ходивший в школу в Бадьюнге. – Но никакому разумному человеку в заливе Дьявола делать нечего.

Капитан Я. ван Тох побагровел.

– Что? – взревел он. – Ты, грязный кубу, придумал себе, будто я побоюсь твоих чертей? Вот увидишь! – сказал он, поднимая со стула все солидные двести фунтов своего тела. – У меня дела есть, я тут с тобой прохлаждаться не намерен. Но заруби себе на носу одно: в голландских колониях никаких чертей нет; если где-то они и есть, то только во французских. Там, быть может, они и есть. А теперь позови-ка мне старосту этого чертова кампонга.

Указанного сановника искать долго не пришлось: он сидел на корточках рядом с лавкой метиса и жевал сахарный тростник. Это был пожилой и при этом совершенно голый человек, гораздо более тощий, чем его коллеги-бургомистры в Европе. Немного позади, сохраняя подобающую дистанцию, сидела на корточках вся деревня, включая женщин и детей, очевидно ожидая, что ее будут снимать на фотоаппарат.

– Послушай, братишка, – обратился капитан ван Тох к нему по-малайски (он мог с тем же успехом обратиться по-голландски или по-английски, поскольку достопочтенный престарелый

батак ни слова не знал по-малайски, так что всю речь капитана от начала до конца пришлось переводить метису; но по каким-то своим соображениям капитан все же посчитал малайский язык более подходящим). – Послушай, братишка, мне нужны несколько больших, сильных, мужественных ребят, которые со мной отправились бы на промысел. Промысел, понимаешь?

Метис перевел эти слова, а староста в знак понимания покивал ему головой, после чего обратился к широкой публике с речью, которая по всем признакам пользовалась явным успехом.

– Староста говорит, – перевел метис, – что вся деревня пойдет с туаном капитаном на промысел – куда угодно, куда прикажет туан.

– Ну вот. Скажи им теперь, что мы пойдем ловить раковины в залив Дьявола.

За этими словами последовало взволнованное обсуждение с участием всей деревни – в особенности старух. По прошествии четверти часа метис обратился к капитану:

– Сэр, они говорят, что в залив Дьявола идти нельзя.

Лицо капитана вновь начало багроветь.

– А почему нельзя?

Метис пожал плечами:

– Потому что там тапа-тапа. Черти, сэр.

Багровое лицо капитана начало приобретать фиолетовый оттенок.

– Тогда скажи им, что, если они не пойдут... я выбью у них все зубы... отрежу уши... повешу всех... и сожгу весь этот вшивый кампонг, понял?

Метис честно перевел все сказанное, после чего вновь началась живая дискуссия. Наконец метис обратился к капитану:

– Они говорят, сэр, что будут жаловаться в Паданге в полицию на угрозы со стороны туана. Говорят, что есть такие законы. Староста говорит, что так просто дела не оставит.

Капитан Я. ван Тох начал синеть.

– Тогда скажи ему, – заорал он, – что он... – Так без передышки капитан говорил около одиннадцати минут. Метис перевел все сказанное – насколько ему позволял словарный запас – и после очередного, хоть и длительного, но плодотворного совещания батаков перевел капитану:

– Они говорят, сэр, что готовы были бы отказаться от подачи иска в суд, если туан капитан заплатит штраф в местную казну. Говорят, – поколебавшись, сказал метис, – что сумма штрафа – двести рупий. Но, мне кажется, это многовато, сэр; предложите им пять.

Краска на лице капитана ван Тох начала распадаться на отдельные красно-коричневые пятна. Начал он с предложения вырезать всех батаков на свете, потом согласился на триста пинков под зад и в конце концов готов был удовлетвориться тем, чтобы сделать из старосты чучело и выставить его в колониальном музее Амстердама; батаки же снизили свои претензии с двухсот рупий до железного насоса с колесом, а в конце концов выдвинули категорическое требование к капитану: в счет погашения штрафа отдать старосте бензиновую зажигалку. («Да отдайте вы ее, сэр, – уговаривал метис, – у меня таких зажигалок на складе три штуки, правда без фитилей».) Таким путем мир на Тана-Масе был восстановлен; капитан Я. ван Тох, однако, знал, что теперь на карту поставлен престиж белой расы.

После полудня от голландского судна «Кандон-Бандунг» отчалила шлюпка, в которой находились следующие лица: капитан Я. ван Тох, швед Йенсен, исландец Гудмундссон, финн Гиллемайнен и двое сингалезских ловцов жемчуга. Шлюпка направилась прямо в залив Дьявола. В три часа, когда отлив достиг своего пика, капитан стоял на берегу, шлюпка дрейфовала приблизительно в ста метрах от побережья, высматривая акул, а оба сингалеза с ножами в руках ждали сигнала для того, чтобы прыгнуть в воду.

– Ну, давай ты! – приказал капитан более высокому из них.

Голый сингалец вошел в воду, сделал несколько шагов по дну и нырнул. Капитан поглядел на часы.

Спустя четыре минуты и двадцать секунд примерно в шестидесяти метрах слева из воды показалась коричневая голова. С удивительной и отчаянной торопливостью, и притом будто бы будучи чем-то загипнотизированным, сингалец карабкался на скалы, держа в одной руке нож для разрезания раковин, а в другой – раковину жемчужницы.

Капитан нахмурился.

– Ну, что там такое? – резко спросил он.

Сингалец по-прежнему цеплялся за скалы, бессильно пытаясь что-то сказать и заикаясь при этом от ужаса.

– Что случилось? – крикнул капитан.

– Сагиб, сагиб... – выдавил из себя сингалец и повалился на берег, хрипло дыша. – Сагиб... сагиб...

– Что, акулы?

– Джинны! – простонал сингалец. – Там черти, сэр. Тысячи, тысячи чертей! – Он яростно тер глаза кулаками. – Сплошные черти, господин!

– Покажи-ка раковину, – приказал капитан и открыл ее ножом.

Внутри была маленькая чистая жемчужина.

– А больше ты ничего не нашел?

Сингалец вытащил еще три ракушки из мешочка, висевшего у него на шее.

– Там есть раковины, сэр, но эти черти их сторожат... Они на меня глядели, когда я срезал раковины...

Его курчавые волосы встали дыбом от удивления, перемешанного с ужасом.

– Сагиб, заклинаю: не надо здесь!

Капитан открыл раковины: две оказались пустыми, но в третьей нашлась жемчужина, размером с горох и круглая, как капля ртути. Капитан ван Тох смотрел то на жемчужину, то на сингальца, скрючившегося на земле.

– Слушай, – неуверенно начал он, – может быть, еще раз туда сплаваешь?

Сингалец, не говоря ни слова, завертел головой.

Капитан ван Тох почувствовал, что его языку не терпится разразиться ругательствами, однако, к своему удивлению, вдруг понял, что вслух он говорит тихо и почти мягко:

– Успокойся, братишка. А как они выглядят... ну... черти эти?

– Как дети... маленькие дети, – прошептал сингалец. – У них есть хвост, сэр, а ростом они вот такие. – Он показал рукой сантиметрах в ста двадцати от земли. – Они столпились вокруг меня и смотрели, что я делаю... они собрались в круг... – Сингалец опять задрожал. – Сагиб, сагиб, здесь не надо, не надо!

Капитан ван Тох задумался.

– А нижними веками они моргают?

– Не знаю, сэр, – хрипел сингалец. – Их там... десять тысяч!

Капитан поискал взглядом другого сингальца; тот стоял метрах в ста пятидесяти и ждал с безразличным видом, обхватив плечи руками. Впрочем, если человек голый, ему, кроме собственных плеч, руки деть особо-то и некуда. Капитан молча кивнул ему, и маленький сингалец прыгнул в воду. Через три минуты и пятьдесят секунд он вынырнул и тут же принялся цепляться за скалы, однако руки все время соскальзывали.

– Эй, полезай сюда! – крикнул капитан, но потом внимательно пригляделся и сам помчался, перепрыгивая с камня на камень, к этим отчаянно пытавшимся уцепиться за камни рукам; невозможно было поверить, что столь массивное тело может скакать с такой скоростью и грацией. В последний момент он успел схватить сингальца за руку и, пыхтя, вытащил его из воды, после чего уложил на камни и вытер пот. Сингалец лежал без движения, одна голень у

него была ободрана чуть ли не до кости – вероятно, о камни, – но в остальном он был цел. Капитан приподнял ему веко и увидел только белок закатившегося глаза. Ни раковин, ни ножа у него не оказалось.

В эту минуту шлюпка направилась в сторону берега.

– Сэр! – крикнул оттуда швед Йенсен, – тут акулы. Вы будете продолжать?

– Нет, – ответил капитан. – Плывите сюда, заберите обоих.

– Посмотрите-ка, сэр, – обратил внимание Йенсен, когда они возвращались в шлюпку обратно на свое судно, – как тут вдруг стало мелко. Отсюда и до самого берега, – показывал он, тыкая веслом в воду, – как будто тут под водой какая-то плотина.

Только на борту судна маленький сингалез пришел наконец в себя; он сидел, уткнув подбородок в колени, и дрожал всем телом. Капитан отослал всю команду прочь и уселся напротив него, широко расставив ноги.

– Ну, давай, валяй, – сказал он. – Что ты там видел.

– Джиннов, сагиб, – прошептал маленький сингалез; у него задрожали даже веки, а все тело начало покрываться гусиной кожей.

Капитан ван Тох хрипло откашлялся и сплюнул:

– Ну... а как они выглядят?

– Как... как... – Глаза сингалеза опять начали закатываться.

Капитан ван Тох с неожиданной ловкостью ударил его по обеим щекам – ладонью и тыльной стороной руки, – чтобы привести в чувство.

– Thanks, сагиб, – прошептал маленький сингалез, и из-под его век снова показались зрачки.

– Ну что, лучше стало?

– Да, сагиб.

– Раковины там были?

– Да, сагиб.

Капитан Я. ван Тох продолжал допрос, демонстрируя немалую терпеливость и обстоятельность. Да, там черти. Сколько? Многие тысячи. Ростом с десятилетнего ребенка, сэр, и почти полностью черные. Они плавают в воде, а по дну ходят на двух ногах. На двух, сагиб, ровно так, как вы или я, но при этом раскачиваются туда-сюда, туда-сюда... Да, господин, руки у них тоже есть, совсем как у людей; нет, когтей никаких нет, их руки больше похожи на детские. Нет, сагиб, рогов и шерсти у них нет. Да, хвост у них есть, немного похож на рыбий, только без плавников. А голова у них большая, круглая, как у батаков. Нет, они ничего не говорили, сэр, но как будто чавкали. Когда сингалез срезал раковину на глубине около шестнадцати метров, он почувствовал, что его спины коснулось что-то вроде маленьких холодных пальцев. Он оглянулся – и увидел вокруг себя многие сотни. Сотни, многие сотни, сэр, они плавали, стояли на камнях и все смотрели, что же там делает сингалез. Тогда он выронил нож и раковину и попытался выплыть на поверхность. При этом он натолкнулся на нескольких чертей, которые плыли над ним, – а дальше ничего не помнит.

Капитан Я. ван Тох задумчиво смотрел на по-прежнему дрожавшего маленького ныряльщика. От этого парня уже вряд ли когда-либо будет польза, подумал он, придется отправить его из Паданга домой на Цейлон. Бурча себе что-то под нос и пыхтя, капитан отправился в свою каюту. Там он высыпал из бумажного пакетика на стол две жемчужины. Одна была маленькой, как песчинка, а вторая – большой, как горошина, и отливала серебристым и розовым цветом. Капитан голландского судна фыркнул себе под нос и потянулся к шкафчику за бутылкой ирландского виски.

В шестом часу он снова приказал спустить на воду шлюпку, направился в кампунг и пошел прямо к метису от кубу и португальца.

– «Тодди»⁴, – сказал он, и это было единственное произнесенное им слово; он сидел на веранде, крытой гофрированным железом, сжимал толстыми пальцами стакан из массивного стекла, и пил, и сплевывал, и глядел, щурясь, из-под косматых бровей на желтых тощих кур, которые что-то клевали в грязном и вытоптанном дворике между пальм. Метис воздерживался от разговоров и только подливал. Постепенно глаза капитана налились кровью, а пальцы перестали его слушаться. Уже почти спустился сумрак, когда он встал, подтягивая брюки.

– Извольте отчалить на боковую, капитан? – вежливо спросил его метис от черта и дьявола.

Капитан выставил палец перед собой.

– Я бы посмотрел, – сказал он, – что это за такие черти, с какими я еще не знаком. Эй, где тут этот поганый северо-запад?

– Там, – махнул рукой метис. – А куда вы, сэр?

– К чертям, – хрюкнул капитан Я. ван Тох. – Прокачусь-ка я в залив Дьявола.

В этот вечер и начались чудачества капитана ван Тох. В кампонт он вернулся только на рассвете; не сказал ни слова и отправился к себе на судно, где заперся в своей каюте и не вылезал из нее до самого вечера. Это еще никому не бросилось в глаза, поскольку «Кандон-Бандунг» должен был загрузиться дарами острова Тана-Маса (копрой, перцем, камфарой, каучуком, пальмовым маслом, табаком и рабочей силой); однако, когда вечером ему доложили, что погрузка завершена, он только зафырчал и сказал:

– Шлюпку. В кампонт.

Вернулся он опять только на рассвете. Швед Йенсен, который помогал ему подняться на палубу, спросил его – просто так, из вежливости:

– Ну что, сегодня отчаливаем, капитан?

Ван Тох резко обернулся, будто кто-то уколол его в зад.

– Твое какое дело? – набросился он на шведа. – Занимайся своей поганой работой!

Весь следующий день «Кандон-Бандунг» провел на якоре на расстоянии полумили от берега Тана-Маса в полном бездействии. Вечером капитан выкатился из своей каюты и приказал:

– Шлюпку. В кампонт.

Тощий грек Запатис смотрел на него во все глаза – одним слепым, другим косым.

– Ребята, – прокукарекал он, – или наш старик завел там себе девчонку, или совсем рехнулся.

Швед Йенсен нахмурился.

– Твое какое дело? – набросился он на Запатиса. – Занимайся своей поганой работой!

После этого вместе с исландцем Гудмундссоном они сели в маленькую шлюпку и отправились по направлению к заливу Дьявола. Спрятавшись вместе со шлюпкой за скалами, они начали ждать. Капитан расхаживал по берегу залива. Казалось, он кого-то ждет. Иногда он останавливался и издавал странные звуки, нечто вроде «тс-тс-тс».

– Смотри! – сказал Гудмундссон и показал на море, которое в эти минуты было ослепительно-алым и золотым от закатных лучей.

Йенсен насчитал два, три, четыре, шесть плавников, острых как лезвие, которые двигались к заливу Дьявола.

– Дьявол! – пробормотал Йенсен. – Сколько же тут акул!

Время от времени такой плавник погружался в воду, над волнами появлялся хвост, а в воде что-то начинало бешено бурлить. Тогда капитан Я. ван Тох принялся бешено метаться по берегу, извергать проклятия и грозить акулам кулаком. Спустились короткие тропические сумерки, над островом взошла луна. Йенсен взял в руки весла и подвел шлюпку к берегу на

---

⁴ Пальмовая водка.

расстояние одного фарлонга⁵. Капитан сидел на большом камне и по-прежнему говорил: тс-тс-тс. Вокруг него что-то шевелилось, но что – нельзя было толком разглядеть. «Пожалуй, похоже на тюленей, – подумал Йенсен, – но тюлени ползают по-другому». Это «что-то» выныривало из воды между скалами и шлепало по берегу на двух лапах, качаясь из стороны в сторону, как пингвины. Йенсен тихо подгреб к берегу, остановив шлюпку всего лишь в половине фарлонга от капитана. Ну да, капитан что-то говорит, но что именно – сам черт не разберет; наверное, по-малайски или по-тамильски. Размахивает руками, как будто кидает что-то этим тюленям (но ведь это не тюлени, – еще раз убедился Йенсен), и при этом бормочет по-китайски или по-малайски. В этот момент у Йенсена из рук выскользнуло поднятое весло и шлепнулось в воду. Капитан поднял голову, встал и сделал шагов тридцать по направлению к воде; вдруг раздался треск и блеснуло пламя: капитан открыл огонь из браунинга по шлюпке. Почти сразу же во всем заливе что-то зашумело, завертелось, заплескалось – будто бы тысяча тюленей одновременно попрыгали в воду, но Йенсен и Гудмундссон уже схватились за весла и погнали шлюпку за ближайшую скалу с такой скоростью, что только ветер свистел в ушах. Вернувшись на судно, они не сказали никому ни слова о своей экспедиции. Да, северяне умеют держать язык за зубами!

Капитан вернулся под утро; был он мрачный и явно разозленный, однако не сказал ни слова. Только когда Йенсен помогал ему подняться на палубу, две пары голубых глаз обменялись холодными и внимательными взглядами.

– Йенсен! – сказал капитан.

– Да, сэр.

– Сегодня отчаливаем.

– Да, сэр.

– В Сурабае получите расчет.

– Да, сэр.

Вот и все. В тот же день «Кандон-Бандунг» вышел в Паданг. Из Паданга капитан Я. ван Тох отправил своей компании в Амстердам посылку, застрахованную на тысячу двести фунтов стерлингов. А вместе с ней, по телеграфу – прошение о годовом отпуске: настоятельная необходимость поправить здоровье и так далее. После этого капитан отправился бродить по Падангу, пока не нашел человека, которого он искал. Это был дикарь с острова Борнео, даяк⁶, которого английские туристы иногда нанимали в качестве охотника на акул – ради зрелища. Дело в том, что даяк использовал в работе дедовские методы и шел на акул, вооруженный одним только длинным ножом. Вероятно, он был каннибалом, однако работал по четкому тарифу: пять фунтов за акулу, не считая питания. Надо признаться, на него было страшно смотреть: кожа на обеих руках, на груди и на бедрах у него была ободрана акульей чешуей, а нос и уши – украшены акульими зубами. Его, собственно, и звали Шарк⁷.

И вот с этим-то даяком капитан Я. ван Тох отправился на остров Тана-Маса.

Глава 2

Пан Голомбек и пан Валента

Стояло жаркое редакционное лето, то есть время года, когда ничего, то есть совсем ничего не происходит, когда не делается политика и нет даже никаких конфликтных ситуаций в Европе. Однако и в это время читатели газет, лежа в агонии скуки на берегах водоемов или под редкой сенью деревьев, утомленные зноем, природой, деревенским покоем и вообще простой и здоровой жизнью отпускников, каждый день ждут, все время обманываясь в своих ожида-

---

⁵ Британская мера длины, равная 220 ярдам (примерно 200 м). – Примеч. перев.

⁶ Абориген острова Калимантан. – Примеч. перев.

⁷ Акула (от англ. shark).

ниях, что, по крайней мере, хоть газеты принесут что-то новое и освежающее: какое-нибудь убийство, войну, землетрясение – короче говоря, Что-нибудь; а если этого чего-нибудь в газете не оказывается, они трясут ею и оскорбленно заявляют, что в этих газетах ничего, то есть совсем Ничего нет, и что их вообще не стоит читать, и что они прекращают свою подписку на них. А в редакции сидят пять или шесть всеми покинутых людей, потому что их коллеги тоже разъехались по отпускам, где разочарованно трясут газетами и жалуются, что в них ничего, то есть совсем Ничего нет. И вот они сидят в своей редакции, пока из наборной не приходит метранпаж и говорит с укоризной: «Господа, господа, у нас на завтра еще нет передовицы...»

– Ну что ж, давайте тогда... ну, вот это... об экономической ситуации в Болгарии, – предлагает один из покинутых всеми людей.

Метранпаж отвечает с тяжелым вздохом:

– Да кто ж это станет читать, пан редактор? Так ведь во всем номере опять не будет Ничего, Что Можно Читать.

Шесть покинутых мужчин поднимают взоры к потолку, будто бы там можно найти Что-нибудь, Что Можно Читать.

– Вот если бы Что-нибудь случилось... – неуверенно предлагает один из них.

– Или если бы был... какой-нибудь... интересный репортаж... – продолжает другой.

– О чем?

– Да не знаю...

– Или выдумать... какой-нибудь новый витамин... – ворчливо предлагает третий.

– Сейчас, летом? – возражает четвертый. – Витамины – это для образованных, это лучше осенью...

– Как же жарко-то, господа! – зевает пятый. – Вот бы что-нибудь про полярные области...

– Но что?

– Хоть что-нибудь. Вот как был этот эскимос Вельцль. Отмороженные пальцы, вечная мерзлота и все такое.

– Легко тебе говорить, – перебивает шестой. – А откуда это сейчас-то взять?

В редакции воцаряется безнадежная тишина.

– Я тут в воскресенье ездил в Йевичек... – нерешительно произносит метранпаж.

– Ну и что?

– Говорят, там сейчас отдыхает какой-то капитан Вантох. Говорят, что он там, в Йевичке, родился.

– Какой еще Вантох?

– Толстый такой. Говорят, что он морской капитан, этот Вантох. Еще говорят, что он где-то там добывал жемчуг.

Пан Голомбек обменялся взглядами с паном Валентой.

– А где «там»?

– На Суматре... На Целебасе... Ну, в общем, там где-то. Говорят, что он там тридцать лет прожил.

– Дружище, а ведь это идея! – сказал пан Валента. – Мог бы получиться первоклассный репортаж. Поедем, Голомбек?

– Ну, попробовать можно, – согласился Голомбек и слез со стола, на котором сидел.

– Вон там он, – сказал хозяин пивной в Йевичке.

В садике за столом сидел, широко расставив ноги, толстый господин в белой фуражке, пил пиво и задумчиво водил толстым указательным пальцем по столу. Оба журналиста подошли к нему.

– Редактор Валента.

– Редактор Голомбек.

Толстый господин поднял на них глаза:

– What? Что?

– Я – редактор Валента.

– А я – редактор Голомбек.

Толстый господин с достоинством привстал со своего места.

– Captain van Toch. Very glad. Присаживайтесь, братишки.

Оба журналиста с радостью подсели к столу и положили перед собой блокноты.

– А пить что будете, братишки?

– Газировку с малиновым сиропом, – сказал пан Валента.

– С малиновым сиропом? – не веря своим ушам, произнес капитан. – Это зачем? Эй, хозяин, принесите им пива! А кстати – что вам вообще нужно? – спросил он, опершись локтями о стол.

– Правда ли, пан Вантох, что вы здесь родились?

– Да. Родился.

– Скажите, пожалуйста, а как вы попали на море?

– Через Гамбург, понятное дело.

– А как долго вы уже капитан?

– Двадцать лет, братишка. Бумаги у меня все с собой, – уверенно сказал капитан, похлопывая по своему нагрудному карману. – Могу показать.

Пану Голомбеку захотелось было познакомиться поближе с бумагами капитана, но он подавил в себе это желание.

– И за эти двадцать лет вы, пан капитан, конечно, бороздили моря во многих частях света?

– Да. Бороздил. Да.

– А где именно вы побывали?

– Ява. Борнео. Philippines. Fidji Islands. Solomon Islands. Carolines. Samoa. Damned Clipperton Island. A lot of damned islands, братишка. А что вы все время спрашиваете?

– Ну, просто... Ведь это интересно. Мы бы хотели услышать от вас побольше, понимаете?

– Да. Услышать побольше – просто так, что ли? – капитан поднял на них свои светло-голубые глаза. – Вы что, из police, ну, из полиции?

– Нет-нет, пан капитан! Мы из газеты.

– Ага, из газеты. Reporters, да? Ну, пишите тогда: Captain J. van Toch, капитан судна «Кандон-Бандунг»...

– Как?

– «Кандон-Бандунг», порт Сурабая. Цель поездки: vacances – черт возьми, как это сказать?

– Отпуск.

– Да, к свиньям, отпуск. Ну вот так и напечатайте в сообщениях о том, кто прибыл. А теперь, братишки, убирайте эти свои notes. Your health.

– Пан Вантох, мы как раз к вам приехали, чтобы вы рассказали нам какие-нибудь истории из своей жизни.

– А зачем это?

– Мы об этом напишем в газете. Люди очень любят читать о далеких островах и о том, что там повидал и пережил их соотечественник, чех родом из Йевичка...

Капитан покивал:

– Ну да, конечно. Я ведь, братишка, один-единственный Captain на весь Йевичек. Это точно. Говорят, правда, отсюда родом еще один капитан... Капитан... в общем, он на карусели лодочками управляет, но я считаю, – понизив голос, добавил ван Тох, – что это ненастоящий капитан. Тоннажу ему недостает, понимаешь?

– А какой тоннаж у вашего судна?

– Двенадцать тысяч тонн, братишка.

– Так что вы были большим капитаном? С большой буквы К?

– Ja, с большой, – с достоинством ответил капитан. – Братишки, у вас деньги есть?

Журналисты поглядели друг на друга с некоторой неуверенностью.

– Вообще-то есть, но мало. Вам, пан капитан, нужны деньги?

– Ja. Точно. Нужны.

– Ну вот. Если вы нам что-нибудь расскажете, – только побольше, поподробнее, – то мы напишем об этом в газету и вам за это заплатят.

– Сколько?

– Ну, пожалуй... Да, может быть, и тысячу, – решился на щедрость пан Голомбек.

– Это в чем же? Pounds of sterling?

– Нет, только в кронах.

Капитан ван Тох покачал головой:

– Так дело не пойдет. Такого добра, братишка, у меня самого навалом. – Капитан вытащил из кармана брюк толстую пачку банкнот. – See? – После этого он оперся локтями о стол и наклонился к обоим собеседникам: – Господа, я хочу вам предложить big business. Как это сказать?

– Крупную сделку.

– Ja. Вот. Крупную сделку. Вам нужно дать мне пятнадцать... нет, погодите, – не пятнадцать, шестнадцать millions крон. Как вам это?

Журналисты опять обменялись неуверенными взглядами. У кого у кого, а у них-то было достаточно опыта общения с самыми удивительными типами сумасшедших, мошенников и изобретателей.

– Стоп, – сказал капитан. – Я вам кое-что могу показать.

Он порылся толстыми пальцами в кармашке своей жилетки, достал оттуда что-то и положил на стол. Это были пять розовых жемчужин, величиною с косточку черешни.

– Вы вообще в жемчуге разбираетесь?

– Сколько это может стоить? – в волнении выдохнул пан Валента.

– O, lots of money, братишка. Но я это ношу с собой только... как образец, чтобы было что показывать. Ну так что, по рукам? – спросил он, протягивая широкую ладонь через стол.

Пан Голомбек вздохнул:

– Пан Вантох, столько денег...

– Halt! – перебил его капитан. – Я понимаю, ты меня не знаешь; но спроси о Captain van Toch любого в Сурабае, в Батавии, в Паданге или где хочешь. Поезжай туда и спроси, и каждый тебе ответит: ja, Captain van Toch, he is as good as his word.

– Пан Вантох, мы вам верим! – энергично замахал руками пан Голомбек. – Но...

– Постой, постой! – не унимался капитан. – Я понимаю, ты свои денежки не хочешь отдать просто так, за здорово живешь; ну и правильно делаешь, братишка. Но ты их отдашь не просто так, а за судно, see? Ты купишь пароход и сможешь сам на нем ходить в море – будешь ship-owner. Да, ты сможешь пойти в плавание со мной, чтобы самому видеть, как я веду дело. А все, что мы заработаем, мы разделим fifty-fifty. Честный business, правда же?

– Но послушайте, пан Вантох, – сумел наконец выдать из себя пан Голомбек с некоторым смущением, – ведь у нас нет таких денег!

– Нет? Ну, что поделаешь, – сказал капитан. – Sorry. Но тогда мне непонятно, господа, какое у вас ко мне дело.

– Чтобы вы рассказали нам что-нибудь, капитан. У вас ведь должно быть столько опыта...

– Опыта? Это у меня есть, братишка. Опыт, черт подери, у меня есть.

– Вы когда-нибудь терпели кораблекрушение?

– What? Это что – ship-wrecking? Нет, нет. Как тебе в голову пришло! Если у меня хорошее судно, с ним ничего не может случиться. Можешь спросить в Амстердаме по поводу моих references. Ну, давай, поезжай и спроси.

– А вот туземцы – с туземцами вам приходилось встречаться?

Капитан ван Тох покачал головой:

– Образованным людям тут не о чем говорить. Об этом я рассказывать не буду.

– Тогда расскажите нам о чем-нибудь другом.

– Ja, расскажите, – недоверчиво проворчал капитан. – А вы потом все это продадите какой-нибудь Comrapu, и она туда свои корабли пришлет. Вот что я тебе скажу, my lad, люди – это свиньи. А самые грязные свиньи – это, конечно, bankers в Коломбо.

– А вы часто бываете в Коломбо?

– Ja, часто. И в Бангкоке, и в Маниле... Братишки! – вдруг воскликнул он. – Я знаю об одном судне. Отличное и задешево продается. Стоит сейчас в Роттердаме. Поезжайте, посмотрите на него. Роттердам – это ведь рукой подать. – Капитан указал пальцем через плечо. – Сейчас, братишки, суда вообще дешевые. Как металлолом. А этому судну всего только шесть лет, у него Diesel motor. Хотите посмотреть?

– Мы не можем, пан Вантох.

– Странные вы люди, – вздохнул капитан и с шумом высморкался в небесно-голубой платок. – А может, вы знаете кого-нибудь, кто хотел бы купить судно?

– Здесь, в Йевичке?

– Здесь или где-нибудь в окрестностях. Я бы хотел, чтобы эта крупная сделка состоялась здесь, в my country.

– Это очень любезно с вашей стороны, капитан.

– Ja. Все остальные-то – слишком большие свиньи. И денег у них нет. Раз вы из newspapers, вы должны знать тут разных больших людей, всяких там bankers и ship-owners, как их называют, владосудовцы, да?

– Судовладельцы. Нет, не знаем никого, пан Вантох.

– Жаль, – опечалился капитан.

Пан Голомбек вдруг вспомнил что-то.

– А пана Бонди вы случайно не знаете?

– Бонди? Бонди? – задумался капитан ван Тох. – Погоди-ка, это имя как будто мне знакомо. Бонди. Ja. В Лондоне есть такая Bond Street, там живут сплошь богачи. У него там офис, что ли, на Bond Street, у этого пана Бонди?

– Нет. Он живет в Праге, но родился, кажется, как раз здесь, в Йевичке.

– А, дьявол! – радостно потирая руки, вскричал капитан. – А ведь точно, братишка. У него еще на рынке была галантерейная лавка. Ja. Бонди. Дьявол, как же его звали? Макс. Макс Бонди. Так что, он теперь большой человек в Праге?

– Нет, Вы, наверное, говорите о его отце. А нынешнего Бонди зовут Г. Х. Президент Г. Х. Бонди, капитан.

– Г. Х.? – pokrutil головой капитан. – Что за Г. Х., не было тут никакого Г. Х. Разве что Густль Бонди – он никаким президентом не был. Густль был таким веснушчатым еврейчиком. Нет, это не он.

– Это как раз он, пан Вантох. Ведь сколько лет прошло с тех пор, как вы его видели!

– Ja, тут ты прав. Лет много прошло, – согласился капитан. – Сорок лет, братишка. Так что, наверное, этот Густль уже вырос. А что он делает?

– Он президент правления MEAC – знаете, наверное, такой большой завод по производству котлов и всего такого. Ну и еще президент около двадцати компаний и трестов – действительно большой человек, пан Вантох. Его даже называют капитаном нашей промышленности.

– Капитан? – удивился Captain van Toch. – Это что же, я – не единственный капитан из Йевичка? Ах, дьявол, это что же – Густль тоже капитан? Надо мне с ним встретиться. А деньги у него есть?

– Ну конечно! У него денег куча, пан Вантох. У него точно сотни миллионов. Самый богатый человек у нас.

Капитан ван Тох стал торжественно-серьезным.

– И он – тоже Captain! Ну, спасибо тебе, братишка. Поплыву-ка я к нему, к этому Бонди. Ja, Gustl Bondy, I know. Был такой еврейчик – а теперь Captain G. H. Bondy. Ой-ой-ой, как время-то бежит! – меланхолично вздохнул он.

– Пан капитан, нам уже пора идти, чтобы не опоздать на вечерний поезд...

– Давайте я вас провожу до пристани, – ответил капитан и начал поднимать якорь. – Я рад, что вы приехали, господа. У меня есть один знакомый журналист в Сурабае, славный парень, ja, a good friend of mine. Пьет, братишки, по-черному. Если хотите, найду для вас место в газете в Сурабае. Нет? Ну, как хотите.

Когда поезд тронулся, капитан ван Тох медленно и торжественно махал огромным голубым платком. При этом у него выпала на песок большая жемчужина неправильной формы. Жемчужина, которую никто и никогда не нашел.

Глава 3

Г. Х. Бонди и его земляк

Известно, что чем более высокое положение человек занимает в обществе, тем меньше написано на дощечке у его двери. Например, старику Максу Бонди в Йевичке приходилось большими буквами писать над входом в свою лавку, по обе стороны от дверей и даже на окнах о том, что здесь расположен магазин Макса Бонди, торговля всевозможными галантерейными товарами, аксессуарами для невест, ткани, полотенца, салфетки, скатерти, постельное белье, ситец и батист, первосортное сукно, шелк, занавески, ламбрекены, бахромы и все для шитья, основано в 1885 году. На доме же его сына Г. Х. Бонди, капитана промышленности, президента компании МЕАС, коммерции советника, биржевого советника, заместителя председателя Союза промышленников, Consulado de la República Ecuador, члена множества советов директоров и т. д. и т. п., висит только маленькая черная стеклянная табличка с золотистой надписью

БОНДИ

– и более ничего. Просто «Бонди». Пусть все остальные пишут на своих дверях «Юлиус Бонди, представитель компании General Motors», или там «доктор медицины Эрвин Бонди», или «С. Бонди и Ко»; все равно – есть только один Бонди, который – просто Бонди, без всяких лишних подробностей. (Я думаю, что у римского папы на дверях тоже написано просто «Пий», без всякого титула и даже без номера. А у Бога вообще нет никакой таблички – ни на небе, ни на земле. Человеку приходится самому догадываться, что Он тут живет. Впрочем, речь сейчас не об этом; мы этого вопроса коснулись только мимоходом.)

И вот перед этой-то стеклянной табличкой в один знойный день остановился господин в белой морской фуражке, вытирая могучую шею голубым платком. «К дьяволу, ну и роскошный же дом», – подумал он и несколько нерешительно нажал на латунную кнопку звонка.

В дверях появился привратник Повондра, оглядел толстого господина – от ботинок до золотого позумента на фуражке – и холодно спросил:

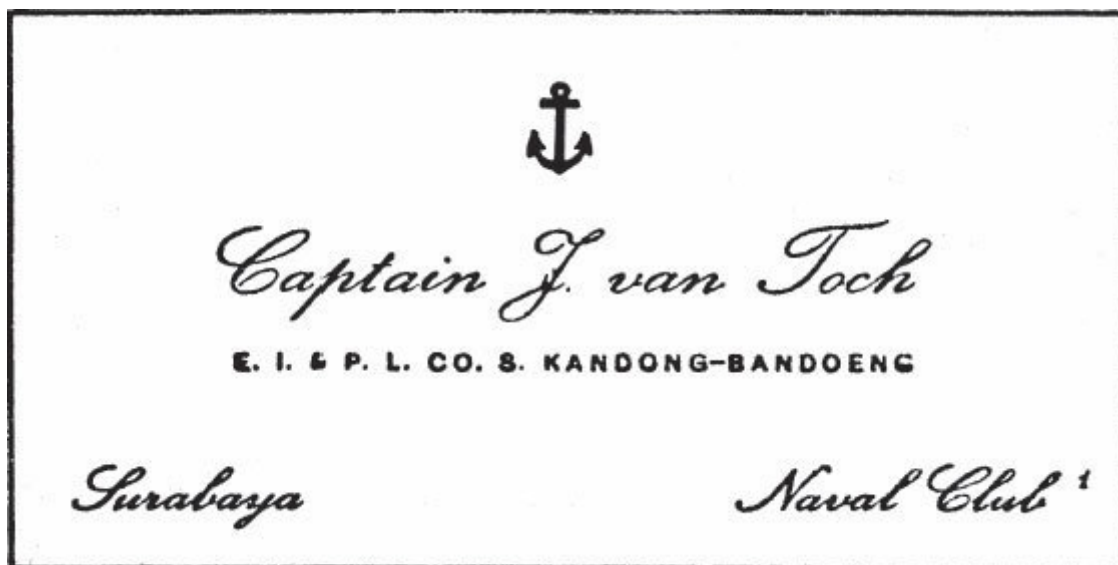
– Что вам угодно?

– А что, братишка, – громко заговорил господин, – здесь проживает некий пан Бонди?

– Вы по какому делу? – ледяным голосом осведомился пан Повондра.

– Скажите ему, что с ним хотел бы переговорить Captain van Toch из Сурабаи. Ja, – вспомнил он, – вот визитная карточка. – И он вручил пану Повондре визитку, на которой был изображен якорь и напечатано имя:

¹ Капитан Я. ван Тох, О[ст-]И[ндская] и Т[ихоокеанская] п[араходная] ко[мпания], судно «Кандон-Бандунг», Сурабая, Морской клуб (англ.).

Пан Повондра наклонил голову и размышлял. Сказать ему, что пана Бонди нет дома? Или – мне очень жаль, но у пана Бонди как раз сейчас важная встреча? Есть такие посетители, о приходе которых необходимо сообщать, а есть другие, с которыми хороший привратник справляется сам. Пан Повондра мучился оттого, что на сей раз инстинкт, которым он в подобных случаях руководствовался, подвел его; этот толстый господин почему-то не подходил ни под одну из разновидностей тех посетителей, о приходе которых сообщать не требуется: он не был похож ни на рекламного агента, ни на деятеля благотворительного общества. В то время как капитан ван Тох шумно дышал и вытирал своим платком плешь, наивно моргая при этом своими светло-голубыми глазами, пан Повондра внезапно решил взять ответственность на себя.

– Извольте, – сказал он, – проходите, пожалуйста, я сообщу о вас господину советнику.

Captain J. van Toch, вытирая лоб голубым платком, рассматривал вестибюль. К дьяволу, ну и обстановка у этого Густля, прямо-таки как в салоне пароходов линии Роттердам – Батавия. А денег-то сколько на это ухлопано! А ведь был когда-то всего-навсего веснушчатый еврейчиком, не переставал удивляться капитан.

А Г. Х. Бонди в это время задумчиво рассматривал в своем кабинете визитную карточку капитана.

– Что ему надо? – недоверчиво спросил он.

– Не имею чести знать, – почтительно проямлил пан Повондра.

Пан Бонди все вертел и вертел визитку в руках. Выгравированный корабельный якорь. Captain J. van Toch, Surabaya – что еще за Сурабая? Это где-то на Яве? Пан Бонди вдруг почувствовал ветер дальних странствий. «Кандон-Бандунг» – это звучит как удары гонга. Сурабая. И ведь как нарочно – сегодня такой жаркий день, как в тропиках... Сурабая.

– Ну что же, проводите его сюда, – распорядился пан Бонди.

В дверях остановился высокий и мощный человек в капитанской фуражке и отдал честь. Г. Х. Бонди поднялся ему навстречу.

– Very glad to meet you, Captain. Please, come in.

– Приветствую вас, пан Бонди, салют! – радостно воскликнул капитан.

– Вы что же – чех? – удивился пан Бонди.

– Ja, чех. Да ведь мы знакомы, пан Бонди. По Йевичку. Торговец Вантох, лавка на рынке – do you remember?

– Точно, точно, – шумно возрадовался Г. Х. Бонди, чувствуя в душе некоторое разочарование (так он никакой не голландец!). – Торговец Вантох, да? А вы ничуть не изменились, пан Вантох! Такой же, как тогда! Ну, как идет торговля?

– Thanks, – вежливо ответил капитан. – Папаша мой, как это говорится, давно уже приказал долго жить...

– Умер? Ай-ай-ай. Ага, вы ведь, должно быть, его сын... – В глазах пана Бонди вдруг мелькнула тень живого воспоминания. – Дружище, да неужели вы – это тот самый Вантох, который в Йевичке со мной частенько дрался, когда мы были еще ребятами?

– Ja, тот самый, пан Бонди, – торжественно согласился капитан. – Меня в конце концов за эти драки отправили из дому в Остраву-Моравскую.

– Да, дрались мы часто. Но вы были сильнее, – по-спортивному признал пан Бонди.

– Это точно. Вы-то, пан Бонди, были таким хилым еврейчиком. Вот и получали от меня на орехи. Доставалось вам тогда.

– Доставалось, это точно, – растроганно вспоминал Г. Х. Бонди. – Да садитесь же наконец, дорогой земляк! Какой вы молодец, что вспомнили обо мне! И как же вы тут оказались?

Капитан ван Тох с достоинством опустился в кожаное кресло, а фуражку положил на пол.

– Я тут провожу отпуск, пан Бонди. Вот так. That's so.

– А помните, – опять погрузился в воспоминания пан Бонди, – как вы мне в спину кричали: «Жид, жид, за тобою черт бежит»?

– Ja, – ответил капитан и растроганно затрубил в голубой носовой платок. – Ах, ja. Хорошее время было, братишка. Ну а что толку, – как быстро оно бежит! И вот – мы оба уже старики, и оба Captains.

– Да, точно, вы ведь капитан, – спохватился пан Бонди. – Кто бы мог подумать! Captain of Long Distances – так это называется, да?

– Yah, sir. A highseaeer. East India and Pacific Lines, sir.

– Прекрасная работа! – вздохнул пан Бонди. – С удовольствием поменялся бы с вами местами, капитан. Расскажите же мне что-нибудь о себе.

– Ага, точно, – оживился капитан. – Я как раз хотел вам что-то рассказать, пан Бонди. Это, братишка, страсть как интересно, – сказал ван Тох и начал в беспокойстве озиаться.

– Вы что-то ищете, капитан?

– Ja. А пиво ты не пьешь, пан Бонди? Я по пути с Сурабаи так настрадался от жажды... – Капитан порылся в огромном кармане своих брюк и вытащил оттуда голубой носовой платок, холщовый мешочек с чем-то, кисет с табаком, нож, компас и пачку банкнот. – Может быть, отправить кого-нибудь за пивом? Хотя бы того стюарда, что проводил меня в эту каюту.

Пан Бонди позвонил.

– Не беспокойтесь, капитан. Закурите пока сигару.

Капитан взял сигару с красным и желтым бумажным колечком и принялся.

– Это табак из Ломбока. Все они там свиньи, тут ничего не поделаешь. – После чего, к ужасу пана Бонди, раздавил дорогую сигару своими могучими пальцами и высыпал искрошенный табак в трубку. – Ну да, Ломбок. А может, и Сумба.

Между тем в дверях возникла безмолвная фигура пана Повондры.

– Принесите нам пива, – распорядился пан Бонди.

Пан Повондра поднял брови:

– Пиво? Сколько?

– A gallon, – проворчал капитан и бросил обгоревшую спичку на ковер. – В Адене, братишка, такая жара стояла... Вот какие у меня для вас новости, пан Бонди. Sunda Islands, see?

Вот там можно было бы сделать большие деньги. А big business. Но для этого мне нужно рассказать всю – как это сказать – story, да?

– Рассказ?

– Я. Такая, в общем, история. Погодите. – Капитан поднял свои небесно-голубые глаза к потолку. – Я не знаю, как начать...

(«Опять какая-то коммерция, – подумал Г. Х. Бонди. – О господи, какая тоска! Сейчас он мне начнет втирать, что я мог бы возить швейные машинки в Тасманию или паровые котлы и булавки на Фиджи. Ага, прекрасный бизнес! И вам для него, конечно, нужен именно я. Идите к дьяволу, я не какой-нибудь лавочник. Я визионер. Я своего рода поэт. Расскажи мне лучше, о Синдбад-мореход, о Сурабае или островах Феникса. Не притягивала ли тебя к себе Магнитная гора, не уносила ли тебя в гнездо птица Ног?⁸ Не возвращаешься ли ты из дальних странствий, набив трюм жемчугом, корицей и безоаром? Ну, давай, дружище, начинай свои выдумки!»)»

– Я начну, пожалуй, с ящур, – прервал его мысли капитан.

– Какого еще ящур? – изумился пан Бонди, коммерции советник.

– Ну, ящур, ящур, дьявол, как это сказать? – Lizards.

– Ящерицы?

– Я, я, ящерицы. Вот, там есть такие ящерицы, пан Бонди.

– Где?

– Да на одном острове. Я, братишка, назвать его не могу. Это слишком большой secret, worth of millions. – Капитан ван Тох вытер платком лоб. – Дьявол, да где же это пиво?

– Сейчас будет, капитан.

– Я. Ну, хорошо. Чтобы вы знали, пан Бонди, эти самые ящерицы очень милые и добрые животные. Я с ними, братишка, знаком! – Капитан громко стукнул ладонью по столу. – Некоторые тут говорят, что они черти. Это все ерунда! А damned lie, sir. Скорее это вы черт, ну, или я, Captain van Toch, черт, чем они. Это уж точно.

Г. Х. Бонди почувствовал страх. «Белая горячка, – подумал он. – Да где же этот проклятый Повондра?»

– Их там несколько тысяч, этих ящериц. Но их начали пожирать эти... как их... к дьяволу, как тут их называют? Sharks.

– Акулы?

– Я, акулы. Вот почему эти ящерицы такие редкие, сэр, и живут только в одном месте – в том самом заливе, который я назвать не могу.

– И что же, эти ящерицы живут в море?

– Я, в море. Только по ночам они вылезают на берег, но потом опять должны лезть в воду.

– Как же они выглядят? – Пан Бонди этими расспросами пытался выиграть время до прихода проклятого Повондры.

– Ну, они величиной примерно с тюленей, но когда они идут на задних лапах, то примерно такого роста, – показал капитан. – Красивыми их, конечно, не назовешь. У них на теле нет никакой шелухи.

– Чешуи.

– Я. Вот именно. Скорлупы. Они совсем голые, пан Бонди, как лягушки какие-нибудь или какие-нибудь salamanders. А передние лапы у них – все равно что детские ручонки, вот только пальцев у них всего по четыре. Бедняжки! – расчувствовался от жалости капитан. – Но они очень милые и умные зверьки, пан Бонди.

Капитан слез с кресла, опустился на корточки и начал в этой позе раскачиваться из стороны в сторону.

---

⁸ В славянском фольклоре – огромная фантастическая птица, живущая на Востоке. Аналог птицы Ног – птица Рух из арабских сказаний о Синдбаде-мореходе. – Примеч. перев.

– Вот так они переваливаются, когда ходят, эти ящери.

Капитан, сидя на корточках, попытался придать своему мощному телу волнообразные движения, держа при этом руки перед собой, словно собачка, выпрашивающая что-то у своего хозяина, и глядя на пана Бонди светло-голубыми глазами, которые, казалось, умоляли о сочувствии. Г. Х. Бонди был этим весьма растроган и как-то по-человечески пристыжен. Вдобавок ко всему прочему, в дверях – опять очень тихо – появился пан Повондра с кувшином пива и вновь поднял брови в знак оскорбленности его чувств неприличным поведением капитана.

– Давайте пиво сюда и ступайте! – попытался поскорее спровадить его пан Бонди.

Капитан поднялся и начал отдуваться.

– Ну вот, такие вот это зверьки, пан Бонди. Your health, – сказал капитан и выпил. – А пиво у тебя, братишка, хорошее. Что правда, то правда, и дом у тебя... – Капитан вытер усы.

– Как же вы, капитан, нашли этих ящерок?

– Так вот об этом-то и рассказ, пан Бонди. Случилось это, когда я добывал жемчуг на Тана-Масе... – Капитан вздрогнул. – Ну, или где-то поблизости. Я, на каком-то другом острове, но это пока что мой secret, братишка. Люди, пан Бонди, это большие свиньи, так что надо следить за языком... Ну вот, и когда два поганных singhales срезали под водой эти самые shells с жемчугом...

– Раковины?

– Я. Такие раковины, которые держатся на камнях так прочно, как закон Моисеев, так что их только ножом можно срезать. В общем, сингалезы их срезали, а эти ящерицы смотрели на сингалезов, и эти сингалезы подумали, что это морские черти. Необразованные они люди, все эти сингалезы и батаки. Говорят, что там черти. Я. – Капитан опять мощно затрубил в свой платок. – Ну вот, братишка, как тут оставаться спокойным. Не знаю, только ли мы – чехи – такие любопытные, но где бы я ни встречал земляка, он всюду совал свой нос, для того чтобы разузнать, как на самом деле все устроено. Это потому, наверное, что мы, чехи, ни во что не хотим верить. Вот и я вдолбил себе в мою старую глупую голову, что мне нужно с этими чертями познакомиться поближе. Я, конечно, нажрался в зюю тогда, но только потому, что у меня из головы не выходили эти дьявольские черти. Там, на экваторе, братишка, все возможно. Ну вот, вечером я отправился в этот самый залив Дьявола...

Пан Бонди попытался представить себе тропическую бухту, окруженную скалами, поросшими девственным лесом.

– И что же?

– Ну вот, сижу я там и говорю: тс-тс-тс, чтобы эти черти, значит, появились. И вот, братишка, смотрю и вижу: вылезает из моря одна такая ящерица, встает на задние лапы и начинает вертеть всем телом. И сама мне говорит: тс-тс-тс. Если б я пьяным не был, я бы, наверное, пальнул в нее, но я, братишка, набрался тогда как англичанин и говорю ей: цып-цып-цып, тар-боу, я тебя не обижу...

– Вы по-чешски с ней говорили?

– Нет, по-малайски. Они там все больше на malayan говорят, братишка. А она молчит, только переминается с ноги на ногу и вертится, точно ребенок, когда он стесняется. А вокруг в воде этих ящерок сидело несколько сот – все они высовывали свои мордочки из воды и на меня смотрели. А я – ну, говорю же, был выпимши, – сел, значит, на корточки и сам стал вертеться, как ящерица, чтобы, значит, они меня не боялись. Тогда из воды вылезла вторая ящерица, ростом с десятилетнего мальчишку, и тоже начала так плясать. А в передней лапке у нее была вот эта самая жемчужная раковина. – Капитан глотнул пива. – Ваше здоровье, пан Бонди. Я, конечно, в зюю был, ну и говорю ей: ты, говорю, такая умная, да, хочешь, чтобы я тебе открыл эту раковину, ја? Ну, иди сюда, я ее открою ножом. Но она – стоит на месте, все не решается. Тогда я опять начал крутиться, как будто маленькая девочка, которая кого-то стесняется. Тогда она приковыляла поближе, и я потихоньку протянул к ней руку и взял из ее лапки эту самую

раковину. По правде говоря, оба мы трусили, можешь себе представить, пан Бонди; но я-то был в драбадан. Так что я взял свой нож, открыл эту раковину и щупаю пальцем – есть ли там жемчужина, а ее там и нет, только такая гадкая слизь, этот самый моллюск, скользкий такой, который живет в этих раковинах. На, – говорю, – тс-тс-тс, жри, если хочешь. Это, братишка, нужно было видеть, как она ее вылизала! Для этих ящериц этот моллюск, должно быть, самый настоящий titbit, или как это сказать?

– Деликатес.

– Вот-вот. Только они, бедняжки, своими маленькими пальчиками не могут открыть эти твердые скорлупки... Тяжко им живется, ја. – Капитан сделал еще глоток. – А потом, братишка, я все у себя в голове разложил по полочкам. Когда эти ящерки увидели, как сингалезы срезают раковины, они, наверное, решили: ага, они их, наверное, едят, – и собрались посмотреть, как сингалезы будут их открывать. Сингалез ведь в воде – вылитая ящерица, но ящерица-то поумнее будет, чем сингалез или батак, потому что она, ящерица, хочет чему-то научиться. А батак никогда ничему не научится – только гадить, – с горечью добавил капитан Я. ван Тох. – Так вот, а когда я на берегу начал делать «тс-тс-тс» и вертеться, как ящерка, они, должно быть, подумали, что я, наверное, какой-нибудь вождь-саламандр. Потому они даже не больно сильно боялись и подошли ко мне, чтобы я открыл им эту ракушку. Вот такие зверьки – умные и доверчивые.

Капитан ван Тох покраснел.

– Когда я с ними познакомился поближе, пан Бонди, то я начал даже раздеваться догола, чтобы быть на них больше похожим, таким же голеньким. Они, впрочем, все равно удивлялись, что у меня волосы на груди... и все такое. Ја.

Капитан провел носовым платком по своей красной шее.

– Не знаю уж, не слишком ли я вас утомил, пан Бонди?

Г. Х. Бонди был очарован.

– Нет-нет. Продолжайте, прошу вас, капитан.

– А, это я могу. Когда ящерка вылизала раковину, то другие, глядя на нее, тоже полезли на берег. У некоторых в лапах тоже были раковины – удивительно, братишка, как им удалось их оторвать от этих cliffs своими детскими ручонками без больших пальцев. Сначала они стеснялись, а потом позволили мне забрать у них эти раковины. Ну, конечно, не все они были жемчужницы; там всякого хлама доставало, всяких устриц и тому подобного, – такие я сразу выбрасывал в воду и говорил: нет, ребята, так дело не пойдет, это все ничего не стоит, на это мне моего ножа жалко. Но если мне попадалась жемчужная раковина, я ее открывал ножом и сначала щупал, нет ли там жемчужины. Ну, и отдавал ее им, чтобы они вылизывали. Вокруг меня сидели уже, наверное, пара сотен этих самых «Lizards», и смотрели, как я открываю раковины. Некоторые даже пытались сами их открывать – какой-то скорлупкой, которая там валялась. Вот этому я, братишка, был, признаться, удивлен. Животные не умеют ведь обращаться с instruments, тут ничего не попишешь – животное, какое ни есть, это все же часть природы. Правда, в Бюйтензорге я видал обезьяну, которая умела открывать ножом этот самый tin, ну, банку с консервами; – но обезьяна, сэр, это разве животное! В общем, удивился я этому. – Капитан выпил пива. – Короче говоря, за одну ночь, пан Бонди, я нашел в этих shells восемнадцать жемчужин – или около того. Были там и крохотные, были и побольше, но три – три были размером с вишневую косточку, пан Бонди. С косточку. – Капитан ван Тох задумчиво покачал головой. – Когда утром я возвращался на свое судно, то сказал себе: Captain van Toch, тебе это все просто померещилось, сэр, ты был пьян и тому подобное. Но что толку, когда в этом самом кармане у меня лежало восемнадцать жемчужин. Ја.

– Это самый лучший рассказ, – прошептал пан Бонди, – который я когда-либо в жизни слышал.

– Ну вот видишь, братишка! – обрадовался капитан. – Днем я это все разложил по полочкам. Я этих ящерок приручу – так, что ли, это называется? – вот, приручу, обучу их, и они будут мне вылавливать из моря pearl-shells. Там их до дьявола, этих самых раковин, в этом самом заливе. Короче, вечером я туда опять отправился, – правда чуть пораньше. Как только солнце начинает заходить, так эти ящерки сразу высовывают свои мордочки из воды – то здесь, то там, – наконец вся бухта ими кишит. А я сижу на берегу и знай себе говорю: тс-тс-тс. И вдруг смотрю – акула, плавник из воды торчит. И тут же в воде что-то плеснуло, плюх – и одной ящерки нет как нет. Я там насчитал целых двенадцать акул, и все они с закатом солнца устремились в этот самый залив Дьявола. Пан Бонди, эти твари за один только вечер сожрали больше двадцати моих ящерок! – жалобно воскликнул капитан и яростно высморкался. – Я, больше двадцати! Ну, понятно, ящерка голая, беззащитная, с такими ручками-спичечками, – как она может защититься? Прямо рыдать хотелось, на это глядя. Видел бы ты это сам, братишка...

Капитан задумался.

– Я ведь, братишка, очень люблю зверушек, – сказал он после долгого молчания и поднял свои небесно-голубые глаза на Г. Х. Бонди. – Не знаю, как уж вы на это смотрите, Captain Bondy...

Пан Бонди кивнул в знак согласия.

– Вот и здорово, – обрадовался капитан ван Тох. – Они такие смирные, такие умные, эти самые tapa-boys: если им что-то говоришь, то они слушают, прямо как собака хозяина. А уж эти их детские ручонки... Понимаешь, братишка, я уже старик, а семьей так и не обзавелся... Старость не радость... – пробурчал капитан, с трудом пытаясь скрыть волнение. – Да, эти ящерки такие милые, да что толку. Акулы-то их жрут без зазрения совести! Когда я в них, ну, в этих sharks, начал кидать камни, то они, эти tapa-boys, тоже начали кидать вслед за мною. Ты просто не поверишь, пан Бонди. Ну, конечно, далеко они докинуть не могли – ручонки у них больно короткие. Но это, братишка, просто поразительно. Я им говорю: если вы, ребята, такие сообразительные, попробуйте-ка моим ножом открыть какую-нибудь раковину. И кладу нож на землю. Они, конечно, какое-то время стесняются, но потом одна из них начинает пробовать – сует острие ножа между створок. Я ей говорю: нужно ломать, ломать, вот так вот – see? – повернуть ножик вот так, и готово. А она, бедняжка, все пробует, старается... Наконец – хрусть! – и раковина открылась. Ну вот, говорю. Вовсе не трудно. Если уж это умеют делать всякие нехристи – батаки, там, или сингалезы, – так tapa-boys тем более справятся, верно? Не буду же я, пан Бонди, объяснять ящеркам, что это вообще-то сказочное marvel и чудо, что животные умеют делать такие вещи. Но теперь-то я могу сказать, что был тогда... я был... ну совершенно thunderstruck.

– Как громом поражен – подсказал пан Бонди.

– Ja, richtig. Как громом. Все это так у меня в голове засело, что я даже решил там задержаться с моим судном на лишний день. И вечером опять отправился в залив Дьявола – и опять увидел, как эти самые sharks жрут моих ящерок. И вот в эту ночь я, братишка, поклялся, что так этого не оставлю. Я им, пан Бонди, дал честное слово. Я сказал: Tapa-boys, Captain J. van Toch вот под этими огромными звездами клянется вам, что он вам поможет.

Глава 4

Коммерческое предприятие капитана ван Тоха

Капитан ван Тох рассказывал все это с таким пылом и возбуждением, что даже волосы у него на затылке встали дыбом.

– Вот такую я дал клятву. И с этого момента, братишка, я не знал ни минуты покоя. В Паданге я взял эти самые каникулы и отправил в Амстердам, евреям этим, сто пятьдесят семь жемчужин. Все то, что мне тогда принесли эти мои зверьки. Потом я нашел одного парня,

даяка, он был shark-killer, который убивал акул ножом прямо в воде. Страшный головорез и убийца. И с ним мы на такой маленькой tramp опять отправились на Тана-Масу, и я говорю: теперь, fella, будешь убивать этих самых акул своим ножом. Я хотел, чтобы он уничтожил там всех этих sharks, чтобы они оставили моих ящерок в покое. А он, этот даяк, был такой разбойник и нехристь, что до моих tara-boys ему никакого дела не было. Черти, не черти – ему это все было до лампочки. Ну а я тем временем проводил за этими lizards всякие observations, ставил experiments, – да, кстати, у меня есть об этом такой судовой журнал, я в него каждый день что-нибудь записывал.

Капитан вынул из нагрудного кармана большой блокнот и начал его листать.

– Так, какое у нас число сегодня? Ага, двадцать пятое июня. Вот, например, что было двадцать пятого июня. В прошлом году. Вот здесь. Даяк убил акулу. Lizards страшно интересуются этой дохлятиной. Тоби – это был такой маленький ящерка, но жутко умный, – объяснил капитан, – мне пришлось дать им разные имена, понимаешь? Чтобы писать о них в этой книжке. Так вот, Тоби совал пальцы в рану от ножа. Вечером они приносили сухие ветки к моему костру. В общем, ничего особенного, – проворчал капитан. – Я лучше найду какой-нибудь другой день. Вот, пожалуйста, – двадцатое июня. Lizards продолжали строить эту... как это сказать – jetty?

– Плотины?

– Да, плотина. В общем, такая dam. И они строили эту новую плотину на северо-западной оконечности залива Дьявола. Братишка, – горячо объяснял он, – это было просто чудесное сооружение! Настоящий breakwater.

– Волнорез?

– Да. На другой стороне они откладывали яйца и хотели, чтобы там не было волн, понятно? Они сами придумали, что для этого нужно построить там этот самый dam, но скажу тебе, что никакой чиновник или даже инженер, служащий в Waterstaat в самом Амстердаме, не придумал бы лучшего чертежа для такой подводной плотины. Работа просто мастерская; вот только вода им все разрушала. Они под водой себе вырывают такие глубокие ямы под берегом и в них днем сидят. Очень, очень умные животные, прямо как beavers.

– Бобры.

– Да, такие большие мыши, которые умеют строить плотины на реках. У этих ящерок много было в заливе Дьявола всяких плотин – побольше и поменьше. Такие красивые, ровные плотины – все вместе они выглядели как будто целый город. И наконец они захотели построить этот dam через весь залив. Вот так. «Они уже умеют убирать большие камни при помощи рычагов, – читал капитан дальше. – Альберту – это был один из tara-boys – камнем отдало два пальца». «Двадцать первого». Даяк сожрал Альберта! Но потом у него стало плохо с желудком. Пятнадцать капель опиума. Даяк пообещал, что больше этого никогда не сделает. Весь день шел дождь. Тридцатое июня: Lizards строили dam. Тоби не хочет работать». Он, сэр, был очень умный, – с восхищением объяснил капитан, – а умные никогда не хотят работать. Он все время выкидывал разные фокусы, Тоби этот. Вот ведь, и ящерки все разные, не похожи друг на друга. «Третьего июля. Сержант раздобыл нож». А этот Сержант была такая большая, сильная ящерка. И, кстати, очень ловкая. «Седьмого июля. Сержант убил ножом cuttie-fish» – это такая рыба, которая гадит таким темно-коричневым, понял?

– Каракатица?

– Да, именно. «Десятого июля. Сержант убил ножом одну большую jelly-fish»: а это такая тварь, похожая на студень, и при этом жжется, как крапива. Гадкое животное. А вот теперь слушайте, пан Бонди. «Тринадцатого июля. (Я тут это подчеркнул.) Сержант тем же ножом убил небольшую акулу. Весом в семьдесят фунтов». Вот так, пан Бонди! – торжественно провозгласил капитан Я. ван Тох. – Тут это записано, черным по белому. Это был великий день, братишка. Да, как раз тринадцатого июля прошлого года. – Капитан закрыл блокнот. – Мне

стыдиться нечего, пан Бонди: я тогда на берегу этого самого залива Дьявола встал на колени и разрыдался от чистой и искренней радости. Отныне я знал, что мои tара-boys умеют дать сдачи. Сержант за это получил отличный новый гарпун – а лучше гарпуна ведь для охоты на акул ничего не придумано, братишка, – и я ему сказал: be a man, Sergeant, и покажи всем остальным tара-boys, что и они могут защищаться. Братишка! – вскрикнул капитан, вскочил с кресла и несколько раз в восторге ударил кулаком по столу. – Да знаешь ли ты, что всего через три дня там плавала огромная дохлая акула, full of gashes, как это сказать?

– Вся израненная?

– Ja, вся в дырах от этого самого гарпуна. – Капитан выпил с таким шумом, что у него заклокотало в горле. – Такие дела, пан Бонди. И вот тогда-то я заключил с этими tара-boys... Ну, нечто вроде контракта. То есть я им как бы дал свое слово, что если они будут приносить мне эти раковины с жемчужинами, то я им за это буду давать разные harpoons, knives, ну, в общем, ножи, чтобы они могли защищаться, see? Это честный business, сэр. Тут уж как заведено: и с животными нужно быть честными. Я им еще и досок разных дал. И две железные wheelbarrows...

– Тачки. Тележки.

– Ja, тачки. Чтобы они могли камни возить на плотину. А то им, беднягам, приходилось все таскать в этих своих ручонках, понимаешь? В общем, кучу вещей я им дал. Я их вовсе не хотел надуть, это точно. Слушай, братишка, а теперь я тебе кое-что покажу.

Капитан ван Тох одной рукой потянул кверху свой живот, а другой вытащил из кармана брюк холщовый мешочек.

– Вот что у меня тут имеется, – сказал он и высыпал его содержимое на стол.

Там была едва ли не тысяча жемчужин самого разного размера: маленькие, как семена конопли, большие, как горошины, и даже несколько величиной с вишню; жемчужины безупречной каплеобразной формы, жемчужины изогнутые в стиле барокко, жемчужины серебристые, голубоватые, золотистые, с черным и розовым отливом. Г. Х. Бонди, будто лунатик, не в силах сдержать себя, начал пересыпать их, ощупывать кончиками пальцев, сгребать обеими руками.

– Какая красота! – в восторге прошептал он. – Капитан, неужели мне это не снится!

– Ja, – невозмутимо ответил капитан. – Красиво, что тут скажешь. За тот год, что я с ними провел, акул они убили, наверное, тридцать. У меня тут все записано, – он похлопал по наградному карману, – а уж сколько я им дал ножей, и этих самых harpoons штук пять, наверное. Между прочим, эти ножи стоят почти два американских dollars a piece, то есть за одну штуку. Отличные ножи, братишка, из такой стали сделаны – ее никакая rust не берет.

– Ржавчина.

– Ja. Потому что это подводные ножи. Ну, для моря. И батаки – тоже в кучу денег мне обошлись.

– Какие батаки?

– Ну, туземцы на том острове. Они, понимаешь, верят, что эти tара-boys – на самом деле черти, и страшно их боятся. Когда они увидели, что я разговариваю с этими чертями, они даже убить меня хотели. Ночи напролет они звонили в такие колокола, чтобы, значит, этих чертей отогнать от своего кампонга. Шум стоял страшный. А по утрам всегда требовали от меня заплатить за этот самый звон. Ну, за свою работу, понимаешь? Ну а что поделаешь – такие уж они свиньи, эти батаки. Но вот с ящерками этими, с tара-boys, сэр, – с ними можно делать честный business. Да-да. Очень выгодное дело, пан Бонди.

Г. Х. Бонди казалось, что он попал в сказку.

– Покупать у них жемчуг?

– Ja. Вот только в заливе Дьявола никакого жемчуга больше нет. А на других островах нет tара-boys. В этом все дело, братишка. – Капитан ван Тох с победным видом надул щеки. –

Это и есть то Большое Дело, которое я обмозговал в своей голове. Слушай, братишка, – сказал капитан, тыкая в пространство толстым пальцем, – кстати говоря, с того времени, что я с этими ящерками занимаюсь, их стало куда больше! Они ведь теперь умеют защищаться, you see? Да? А будет их еще больше! Ну что, пан Бонди? Разве не чудесное предприятие?

– Но я все еще не понимаю... – неуверенно начал Г. Х. Бонди, – в чем, собственно, ваша идея, капитан?

– Да как же, возить тара-boys на другие острова с жемчужными раковинами! – вырвалось наконец у капитана. – Я обратил внимание, что эти ящерики сами по себе не могут переправиться через открытое и глубокое море. Они, конечно, могут какое-то время плыть, а какое-то – идти по дну, но на большой глубине для них слишком сильное давление; слишком мягкие они, смекаешь? Но если бы у меня было такое судно, в котором можно было бы устроить такой tank, ну, емкость для воды, то я бы мог их развозить, куда мне нужно, see? И они в тех местах искали бы жемчуг, а я бы ездил к ним и привозил ножи, haarpoons и всякие прочие вещи, которые им понадобятся. Эти бедняжки в своем заливе Дьявола так... распоросились, что ли?

– Расплодились.

– Я, расплодились. Да так, что им там жрать будет нечего. Они едят всяких мелких рыбешек, моллюсков и всякую водную мелочь; но и картошечкой не побрезгуют, и сухарями, и вообще разной нормальной едой. В общем, можно было бы их кормить в этих самых tanks на борту. А в подходящих местах, где людей мало, я бы их выпускал опять в море и делал бы там – как это сказать? – такие farms для этих моих ящерок. Я бы хотел, чтобы у них еды было вдоволь, у этих милашек. Они ведь такие чудесные, такие умницы, пан Бонди. Вот как только ты их увидишь, братишка, так сам первый скажешь: hullo, Captain, полезные у тебя зверушки. Я. А ведь в наши дни люди с ума сходят по жемчугу, пан Бонди. Вот такой вот большой business, который я придумал.

Г. Х. Бонди пребывал в сомнениях.

– Мне очень жаль, капитан, – уклончиво начал он, – но я... я, право, не знаю...

В небесно-голубых глазах капитана Я. ван Тоха блеснули слезы.

– Это плохо, ой как плохо, братишка. Я бы мог тебе оставить весь этот жемчуг как... как guaranty за это судно. Но сам я его купить не могу, понимаешь? Я знаю об одном просто замечательном судне – стоит здесь, в Роттердаме... у него Diesel motor...

– А почему вы не предложили это дело кому-нибудь в Голландии?

Капитан покачал головой:

– Я этих людей знаю, братишка. С ними я об этом говорить не могу. А ведь я мог бы, – задумчиво сказал он, – возить на этом судне и всякие другие вещи, всякие goods, и продавать их на этих островах. Конечно! У меня там знакомых куча, пан Бонди. И при этом на моем судне могли бы быть и tanks для моих ящерок...

– Ну, об этом как раз можно было бы подумать... – размышлял вслух Г. Х. Бонди. – Тут как раз такое дело... Ну да, нам ведь нужно искать новые рынки сбыта для нашей промышленности. Недавно я как раз по случаю говорил об этом с некоторыми лицами... Я бы хотел купить одно или два судна – одно для Южной Америки, а второе как раз для восточных областей...

Капитан оживился.

– Ну вот это другое дело, молодец, пан Бонди, сэр! Суда ведь в наши дни очень дешевы, целую гавань можешь купить за так... – Капитан ван Тох пустился в технические подробности того, где и почему продаются сейчас какие vessels, boats и tank-steamers. Г. Х. Бонди, однако, не слушал, а только наблюдал за ним; Г. Х. Бонди разбирался в людях. Ни на секунду он не принял всерьез ящериц капитана ван Тоха, но сам капитан был ему интересен. Да, он честен. И знает обстановку там, на месте. Ну, конечно, он безумен. Но, черт возьми, дьявольски симпатичен. В сердце Г. Х. Бонди зазвучала какая-то фантастическая струна: корабли с жемчугом и кофейными зернами, с пряностями и всеми ароматами Аравии. Г. Х. Бонди вдруг почув-

ствовал то странное волнение, которое обычно приходило к нему перед тем, как он принимал любое важное и успешное решение, – чувство, которое можно было бы выразить словами: сам не знаю почему, но, наверное, я за это берусь.

Captain van Toch тем временем своими мощными руками чертил в воздухе суда с awning-decks и quarter-decks, чудесные суда, братишка...

– Послушайте, капитан Вантох, – внезапно прервал его Г. Х. Бонди, – зайдите ко мне через две недели. Поговорим тогда снова об этом судне.

Капитан ван Тох понял, что эти слова значат многое. Покраснев от радости, он выдал из себя:

– А вот эти самые ящерки – можно будет их тоже возить на этом самом судне?

– Да, можно, почему нет. Но только вы о них, пожалуйста, никому не рассказывайте. Люди могли бы подумать, что вы рехнулись, – да и я тоже.

– А жемчуг вам можно оставить?

– Можно.

– Я. Только мне нужно из него выбрать две жемчужины покрасивее, чтобы их кое-кому отправить.

– А кому?

– Да двум gedactors, братишка. А, дьявол, погоди!

– В чем дело?

– К свиньям! Я забыл, как их звали. – Капитан ван Тох моргал в растерянности своими небесно-голубыми глазами. – У меня голова, братишка, совсем не варит. Я уже забыл, как же звали этих двух boys.

Глава 5

Капитан Я. ван Тох и его дрессированные ящеры

– Провались я на этом месте, – сказал некий человек в Марселе, – если это не Йенсен. Швед Йенсен поглядел на него.

– Погоди-ка, – сказал он. – Дай подумать, сейчас догадаюсь, кто ты. – Он положил ладонь на лоб. – «Чайка»? Нет. «Императрица Индии»? Точно нет. «Пернамбуко»? Нет. Ага, все, вспомнил. «Ванкувер». Пять лет назад, «Ванкувер», компания «Осака-Лайн», Фриско. А звать тебя Дингль, морячок, и ты, кажется, ирландец.

Собеседник в ответ оскалил желтые зубы и подсел за столик.

– Right, Йенсен. И кстати, я пью все, что мне попадет под руку. А ты здесь откуда?

Йенсен показал кивком:

– Теперь на линии Марсель – Сайгон. А ты?

– А я в отпуске, – хорохорился Дингль. – Вот домой еду, посмотреть, сколько детей у меня прибавилось.

Йенсен покивал головой с серьезным видом:

– Что, тебя опять вышвырнули? Пьянство на посту и все такое. Вот ходил бы ты, дружище, в YMCA⁹, как я, небось...

Дингль ехидно оскалил зубы:

– Это мы что с тобой сейчас, в YMCA сидим, что ли?

– Сегодня ведь суббота, – проворчал Йенсен. – А ты где плавал?

– Да на одном трампе, – уклончиво сказал Дингль, – по всяким разным островам там, на юге.

– А капитан?

---

⁹ «Ассоциация молодых христиан» (Young Men's Christian Association).

– Да такой ван Тох, он голландец вроде бы.

Йенсен помолчал.

– Капитан ван Тох... Я с ним сколько-то лет назад тоже ходил, братишка. Судно: «Кандон-Бандунг», линия: от черта к дьяволу. Толстый, лысый, ругаться умеет даже по-малайски, в общем, в карман за словом не лезет. Да, я его хорошо знаю.

– Он и тогда был такой тронутый?

Швед покачал головой:

– Со стариной Тохом все all right, дружище.

– А тогда он возил с собой ящеров?

– Нет. – Йенсен на минутку задумался. – Правда, что-то я об этом слышал... в Сингапуре. Один трепач об этом заливал.

Ирландец даже немного обиделся.

– И никакой это не треп, Йенсен. Про ящеров – это святая правда.

– Тот парень в Сингапуре тоже божился, что это правда, – проворчал швед. – Но по роже ему досталось! – уточнил он с победным видом.

– Да ты послушай, как оно на самом деле, – наседа л Дингль. – Я ведь это точно знаю, дружище. Я этих гадов своими глазами видел.

– Да я тоже... – признался Йенсен. – Почти совсем черные, ростом метр шестьдесят – это если с хвостом – и ходят на задних лапах. Я их знаю.

– Фу, пакость, – скривился Дингль. – Все в бородавках. Пресвятая Дева, я бы ни за что к ним не притронулся! Они, должно быть, ядовитые...

– Почему? – буркнул швед. – Мне вот приходилось служить на судне, которое перевозило кучу людей. На верхней палубе, на нижней – не протолкнешься от людей, сплошные женщины и тому подобное, они там еще танцевали, в карты играли, а я был кочегаром, понимаешь? А теперь рассказывай мне, парень, кто тут ядовитее.

Дингль сплюнул:

– Были бы это земляки, я бы ни слова не сказал. Я ведь как-то уже возил змей для зверинца, откуда-то из Банджермасина. Боже правый, какая от них была вонь! Но эти ящерицы... Йенсен, это очень странные звери. Ладно днем, днем они сидят в этих своих баках с водой, но в ночи-то они вылезают: топ-топ, топ-топ... Так, что все судно ими кишит. И вот они становятся на задние ноги и вот так поворачивают голову, следят за тобой... – ирландец перекрестился, – и шипят на людей: тс-тс-тс, ну все равно что гонконгские шлюхи! Прости господи, но я думаю, что тут дело нечисто. Если бы мне так деньги не были нужны, я бы там и часа не остался. Вот так, Йенс. Лишнего часа бы там не провел.

– Ну да, – сказал Йенсен, – и поэтому ты так спешишь к мамочке?

– В том числе. Там нужно много пить, чтобы вообще не сойти с ума, а ты сам знаешь, что капитан к пьянству беспощаден. А уж какой начался шухер, когда я одну из этих тварей пнул. Ну да, пнул ногой, и с большой радостью, дружище, даже хребет ей перешиб. Жаль, что ты не видел, как старик тогда разъярился: посинел весь и за горло меня схватил. Ей-богу, он бы меня бросил за борт, если бы не помощник Грегори. Знаешь его?

Швед кивнул.

– «Хватит с него, сэр!» – сказал этот Грегори и вылил мне на голову ведро воды. Ну, а в Кокпо я сошел на берег. – Дингль смачно плюнул, и плевок полетел по длинной плоской дуге. – Старик больше заботился об этих гаденышах, чем о людях. Кстати, он их и говорить учил! Вот клянусь, он с ними запирался и целыми часами с ними разговаривал. Наверное, он их дрессировал, чтобы в цирке выступать. Но самое странное, что потом он их выпускал в воду. Остановимся мы у какого-нибудь чертова островка, он тут же в шлюпку, катается вдоль берега и измеряет глубину, а затем запрется там, где эти емкости, откроет в борту люк и выпустит этих тварей в воду. Дружище, это надо видеть, как они прыгают в это окошко одна за другой,

как дрессированные тюлени, сразу десять штук или дюжина... Ну а ночью старый Тох едет на берег с какими-то ящиками, а что в ящиках – этого никому знать не положено. Потом плывем дальше. Вот такие дела со стариком Тохом, Йенс. Странные дела. Очень странные. – Глаза Дингля даже застыли от страха. – Боже всемогущий, Йенс, как мне было там жутко! Я, братишка, пил, пил по-черному, а когда по ночам их лапы шлепали по палубам по всему кораблю, когда они выстраивались перед хозяином, как дрессированные псы, когда они начинали это свое тс-тс-тс... Я тогда иногда говорил себе: это, дружище, у тебя белая горячка начинается. Такое ведь у меня однажды уже было, во Фриско, – да ты это помнишь, Йенсен, – мне тогда все пауки чудились. Де-ли-ри-ум – так говорили врачи в Sailor hospital. В общем, я толком и не знал. Но потом я спросил Большого Бинга, видел ли он ночью то же, что и я, – и он ответил, что да, видел. Говорил, собственными глазами видел, как один ящер взялся за ручку двери и зашел в кабину капитана. Ну, не знаю, ведь Джо тоже пил по-черному. Йенс, а ты как думаешь, может, у Бинга тоже был этот самый делириум? Как ты думаешь?

Йенсен только плечами пожал.

– А вот Петерс, немец, рассказывал мне, что на островах Манихики, когда он отвез капитана на берег, то спрятался за камнями и подглядывал за тем, что там старик Тох делает с этими ящиками. Говорит, что эти ящеры открывали их сами, после того как старик давал им долото. А знаешь, дружище, что в них было, в ящиках? Говорит, что ножи. Вот такие длинные ножи, гарпуны и всякое такое. Я, дружище, этому Петерсу не верю, потому что он очкарик, но вообще-то все это странно. Как думаешь?

У Йенса Йенсена на лбу вздулись жилы.

– Вот что я тебе скажу, – неохотно проворчал он, – этот немец твой сует свой нос в такие дела, которые его не касаются, ясно? Я ему это делать не советую, понял?

– Ну, давай, напиши ему это, – ухмыльнулся ирландец. – Я тебе и адрес скажу: пиши прямиком в ад, туда ему скорее всего дойдет. Но знаешь, что странно? Что старик Тох иногда ездит к своим ящерам в гости – в те места, куда он их когда-то раньше отвез. Вот клянусь святым причастием, Йенс. Ночью приказывает отвезти себя на берег, а возвращается только к утру. Вот ты скажи мне, Йенсен, зачем он туда ездит? И еще мне скажи, что у него в посылках, которые он отправляет в Европу. Вот такая вот маленькая посылочка, а застрахована на тысячу фунтов.

– А ты откуда знаешь? – еще более мрачным голосом спросил швед.

– Ну, отчего бы мне не знать, – уклончиво ответил Дингль. – А знаешь, откуда старый Тох возит этих своих ящериц? Из залива Дьявола. Чертова залива, Йенс. У меня там есть один знакомый, агент, очень культурный человек, и вот он мне рассказывал, что это никакие не дрессированные ящеры. Какое там! Это все сказка для детей, про ящериц и вообще про животных. Это не просто животные. Ты, парень, не позволяй себе лапшу на уши вешать, – Дингль заговорщицки подмигнул. – Вот такие дела, Йенсен. А ты говоришь, что Captain van Toch – all right.

– Ну-ка повтори, повтори еще раз, – с угрозой в голосе прохрипел огромный швед.

– Если бы старик Тох был all right, он бы, небось, не развозил чертей по свету... не развозил бы их по всем островам, как блох на фуфайке. Йенс, за то время, пока я у него работал, он их развел – вот не совру – несколько тысяч. Старый Тох продал свою душу, парень. И я знаю, чем за нее эти черти платят. Рубинами, жемчугом и тому подобными вещами. Ну конечно, даром он бы это не стал делать.

Йенс Йенсен побагровел.

– А твое какое дело? – заревел он и хлопнул кулаком по столу. – Занимайся своими погаными делами!

Маленький Дингль даже вскочил от испуга.

– Слушай, ну, – залепетал он в смятении, – ну зачем ты так вот сразу... я же просто рассказываю, что видел. Если хочешь, можешь считать, что мне все это показалось. Ну вот ради тебя, Йенсен, могу сказать, что это просто тот самый делириум. Ты на меня, Йенсен, не злишься. Ты же знаешь, что со мной такое уже было однажды во Фриско. Тяжелый случай, говорил тогда доктор в Sailor-hospital. Дружище, мне ей-богу казалось, что я этих ящеров, или чертей, или бог знает кого видел своими глазами. Но на самом деле их не было.

– Было, Пат, – мрачно сказал швед. – Я их видел.

– Да нет же, Йенс, – уговаривал его Дингль, – у тебя тоже был делириум. Старина Тох – all right... вот только не нужно ему развозить чертей по всему миру. Знаешь что? Когда я приеду домой, я закажу мессу за его душу. Чтоб я провалился, Йенсен, если я этого не сделаю.

– В нашей конфессии, – задумчиво прогудел Йенсен, – так не делают. А ты как думаешь, Пат, если за кого-то отслужить мессу, это ему поможет?

– Да, конечно, это уж как пить дать! – выкрикнул ирландец. – Мне самому рассказывали о случаях, когда это помогало... даже в самых тяжелых случаях. Против чертей там и тому подобное, ясно?

– Тогда я тоже закажу католическую мессу, – решил Йенс Йенсен. – За капитана ван Тоха. Только я ее закажу прямо здесь, в Марселе. Надеюсь, что тут в большом соборе на нее дадут скидку. Ну, устроят по оптовой цене.

– Может быть. Но ирландская месса лучше. У нас, дружище, такие чертовски умелые монахи, что прямо колдовать могут. Прямо как факиры какие-нибудь или язычники.

– Послушай-ка, Пат, – сказал Йенсен, – я бы тебе на эту мессу дал двенадцать франков. Вот только ты же, брат, их пропьешь, я тебя знаю.

– Йенс, я такой грех на душу не возьму... А впрочем, погоди-ка! Чтобы ты мне верил, я тебе на эти двенадцать франков дам расписку, хочешь?

– Это можно, – ответил швед, любивший порядок во всем.

Дингль взял откуда-то листок бумаги, карандаш и разложил их на столе.

– Ну, что мне там написать?

Йенс Йенсен поглядел ему через плечо.

– Ну, напиши наверху, что это вроде как расписка.

Дингль медленно, высунув от напряжения язык и слюнявя карандаш, накарябал:

Расписка

Дано в патверждение тово, што получил от Енса Енсена за месу за душу
каптана Тоха двина 12 франков

Пат Дингль

– Вот так правильно? – неуверенно спросил Дингль. – А у кого из нас этот документ должен храниться?

– Да у тебя, конечно, придурок, – уверенно ответил швед, – ты ведь это для того писал, чтобы не забыть, что получил от меня деньги.

Полученные двенадцать франков Дингль пропил в Гавре, откуда вместо Ирландии отправился в Джибути; короче говоря, месса отслужена не была и никакие высшие силы вследствие этого не вмешались в естественный ход событий.

Глава 6

Яхта в лагуне

Мистер Эйб Леб, прищурившись, глядел на закат солнца; он хотел бы подобрать слова, чтобы выразить все, что думает об этой красоте, но его малютка Ли – она же мисс Лили Вэллей, по документам Лилиан Новак, а проще говоря, златовласая Ли, Белая Лилия, длинноногая

Лилиан и прочая, и прочая – много у нее было имен в ее семнадцать лет – спала на теплом песке, укутанная в мохнатый купальный халат и свернувшись в клубочек, как спящая собачонка. Потому Эйб не сказал ни слова о том, как красив этот мир, и лишь вздохнул, шевеля пальцами босых ног, чтобы поскорее счистить с них остатки песка. Неподалеку в море стояла на якоре яхта «Глория Пикфорд»; яхту эту Эйб получил от папаши Леба в награду за успех на экзаменах в университете. Папаша Леб клевый чувак. Джесс Леб, киномагнат и так далее. «Эйб, возьми с собой пару друзей – ну, или подружек – и поезжай посмотри на белый свет» – так сказал старик. Папаша Джесс просто классный. В общем, теперь там, на перламутровой глади моря, стоит «Глория Пикфорд», а тут, на теплом песке, спит малютка Ли. Эйб вздохнул от нахлынувшего счастья. Спит как младенец, моя бедняжка. Эйб почувствовал страстное желание защитить ее от чего-нибудь. «Наверное, надо бы и вправду на ней жениться», – подумал молодой мистер Леб, и его сердце сжалось от прекрасного и мучительного чувства, сложенного из твердой решимости и страха. Мамаша Леб наверняка на это не согласится, а папаша Леб только руками разведет: «Ты, Эйб, совсем с дуба рухнул». Родителям просто никогда не понять детей, вот и все. Вздыхая от нежности, Эйб прикрыл кончиком купального халата снежно-белую лодыжку малютки Ли. «Как глупо, – подумал он в странном смущении, – что у меня такие ужасно волосатые ноги!»

Господи, какая же вокруг красота, какая красота! Жаль, что Ли этого не видит. Мистер Эйб залюбовался на совершенную линию ее бедра и по какой-то неясной ассоциации подумал вдруг об искусстве. Ведь малютка Ли – художник. Художник кино. Вернее сказать, киноактриса. Правда, она еще не играла ни в одной кинокартине, но твердо решила сделаться самой яркой кинозвездой всех времен и народов; а если Ли что-то решит твердо, то она это точно сделает. Именно этого мамаша Леб и не понимает: артистка – это... это артистка, она не может быть такой, как другие девушки. «К тому же другие девушки ничуть не лучше, – решительно подумал мистер Эйб, – вот, к примеру, эта Джуди на яхте, богатая девчонка, – я ведь знаю, что Фред ходит к ней в каюту. Каждую ночь ходит, в то время как я и Ли... Нет, Ли просто не такая! Я рад за бейсболиста Фреда, – великодушно подумал Эйб, – он однокурсник, в конце концов. Но каждую ночь... это такую богатую девушку не красит. Я имею в виду, девушку из такой семьи, как Джуди. А ведь она даже не актриса». (О чем только не шушукаются иногда эти девчонки, – вспомнил вдруг Эйб, – как при этом у них горят глаза, как они хихикают – вот я с Фредом обо всем таком никогда не болтаю.) (Ли не стоит пить столько коктейлей, а то она сама не понимает, что говорит.) (Вот, например, сегодня после обеда это было явно лишним. Я имею в виду их спор с Джуди о том, у кого ноги красивее. Да ведь всем понятно, что у Ли. Я это знаю.) (А Фреду не нужно было выдвигать свою дурацкую идею – устроить конкурс красоты ног. Где-нибудь еще на Палм-Бич такое можно устраивать, но в хорошем обществе – нет. И не нужно было девушкам так высоко задирать юбку. Это уже, собственно, не только ноги получались... По крайней мере, Ли не нужно было этого делать. Перед Фредом-то! И такой богатой девушке, как Джуди, тоже не нужно было.) (А мне, кажется, не нужно было приглашать капитана в жюри. Глупость это была. Капитан весь покраснел, усы у него встопорщились, говорит – извините, сэр, – и дверью хлопнул. Неприятно. Страсть как неприятно. И, кстати, капитан не должен быть таким грубым. В конце концов, это ведь моя яхта, или нет?) (Ну, правда, у капитана нет с собой никакой малютки; разве ему, бедняге, понравится смотреть на подобные вещи? Ну, в том смысле, что он-то одинок.) (А почему Ли заплакала, когда Фред сказал, что у Джуди ноги красивее? Она говорила потом, что Фред ужасно невоспитанный и мешает ей радоваться путешествию... Бедняжка Ли!) (Ну вот, а теперь девушки друг с другом даже не разговаривают. А когда я хотел поговорить с Фредом, Джуди позвала его к себе, и он побежал, как собачонка. А ведь Фред все-таки – мой лучший друг. Ну, понятно, что, раз он парень Джуди, он не может не сказать, что у нее ноги красивее! Но мог бы не говорить этого так категорично. Это ведь нетактично к бедняжке Ли; Ли права, когда говорит, что Фред

самовлюбленный чурбан. Чурбан, вот именно.) (И вообще я всю поездку представлял себе по-другому. Черт бы его взял, этого Фреда!)

Мистер Эйб обнаружил, что уже не глядит с восторгом на перламутровое море, а с мрачным, весьма мрачным видом просеивает сквозь пальцы песок с маленькими ракушками. Настроение у него испортилось, на душе лежала тяжесть. Папаша Леб сказал: посмотри-ка мир. И как, посмотрели? Мистер Эйб попытался вспомнить, что именно он видел, но не смог вспомнить ничего, кроме того, как Джуди и малютка Ли показывают ноги, а широкоплечий Фред рассматривает их, сидя на корточках. Эйб еще больше нахмурился. Как, кстати, называется этот коралловый остров? Капитан сказал – Тараива. Тараива, или Тахуара, или Тараихатуара-та-хуара. Вот вернемся мы, и скажу старику Джессу: dad, мы побывали на самом Тараихатуара-та-хуара. (Зря я все-таки нанял этого капитана, огорчился Эйб.) (Нужно поговорить с Ли, чтобы она больше такого не делала. Боже, как же так случилось, что я ее так ужасно люблю! Когда она проснется, я с ней поговорю. Скажу ей, что мы могли бы пожениться...) Глаза мистера Эйба были полны слез. Что это – любовь или боль, или любовь к ней невозможна без этой невыносимой боли? Подведенные синим, блестящие веки малютки Ли, похожие на нежные ракушки, зашевелились.

– Эйб, – раздался сонный голос, – знаешь, о чем я думаю? О том, что тут, на этом острове, можно было бы снять шикарный фильм.

Мистер Эйб принялся засыпать свои злополучные волосатые ноги мягким песком.

– Чудесная мысль, моя малютка. А что за фильм?

Малютка Ли открыла свои бездонные голубые глаза.

– Ну вот представь... представь себе, что я жила бы на этом острове как Робинзон. Женщина-Робинзон! Это ведь совершенно новая идея!

– Ну... да, – неуверенно сказал мистер Эйб. – Но как бы ты очутилась на этом острове?

– Есть превосходная мысль! – ответил сладкий голосок. – Просто наша яхта попала бы в шторм и потерпела кораблекрушение, и все остальные бы утонули: ты, Джуди, капитан, ну, вообще все.

– А Фред? Фред ведь прекрасный пловец.

На гладком лобике малютки Ли появились морщины.

– А Фреда пусть съест акула. Это была бы чудесная деталь. – Малютка захлопала в ладоши. – У Фреда ведь очень красивое тело, правда?

Эйб вздохнул:

– А дальше что?

– А меня – без сознания – выбросили бы на берег волны. На мне была бы надета пижама, та самая, в голубую полоску, которая позавчера тебе так понравилась. – Взгляд из-под полупущенных нежных ресниц наглядным образом продемонстрировал, что такое женское умение соблазнять. – Ведь это был бы цветной фильм, Эйб. Все говорят, что голубой цвет очень подходит к цвету моих волос.

– Но кто бы нашел тебя на этом острове? – деловито спросил мистер Эйб.

Малютка задумалась.

– Никто. Ведь если бы тут были люди, я не была бы Робинзоном, – с удивительной логикой пояснила она. – Это была бы такая шикарная роль именно потому, Эйб, что я весь фильм была бы одна. Представляешь – Лили Вэллей в главной и вообще единственной роли!

– А чем бы ты тогда занималась в течение всего фильма?

Лили оперлась на локоть.

– О, это я уже придумала. Купалась бы и пела песни на скале.

– В пижаме?

– Без, – ответила малютка. – Не правда ли, это был бы восхитительный успех?

– Но ты ведь не ходила бы на протяжении всего фильма голой, – проворчал Эйб, охваченный живым чувством несогласия.

– А почему нет? – невинно изумилась малютка. – Что в этом такого?

Эйб промямлил в ответ что-то невнятное.

– А главное, – размышляла Ли, – вот, я уже придумала. Потом меня похитила бы горилла. Да-да, такая черная, жутко волосатая горилла.

Мистер Эйб покраснел и постарался еще глубже зарыть в песок свои проклятые ноги.

– Но ведь здесь нет горилл, – не слишком убедительно возразил он.

– Есть. Здесь вообще полно диких зверей. К этому нужно подходить с точки зрения искусства, Эйб. К моему цвету кожи горилла подойдет замечательно. Ты, кстати, обратил внимание, какие у Джуди волосатые ноги?

Эйб помотал головой, не желая углубляться в эту тему.

– Просто ужасные ноги, – заявила малютка, посмотрев на свои собственные икры. – Ну вот, а когда горилла несла бы меня на руках, из леса вышел бы молодой, прекрасный дикарь и заколот бы ее.

– А он во что будет одет?

– У него будет лук, – без колебаний ответила малютка. – И еще венок на голове. Этот дикарь взял бы меня в плен и привел к хижинам каннибалов.

– Здесь нет каннибалов, – выступил Эйб на защиту островка Тахуара.

– Есть. Людоеды захотят принести меня в жертву своим идолам и начнут при этом петь гавайские песни. Ну, такие, как поют негры в ресторане «Парадиз». Но молодой людоед влюбится в меня... – прошептала Ли с глазами, широко распахнутыми от восторга, – а потом в меня влюбится еще один людоед, например их вождь... А потом один белый человек...

– А откуда бы там взялся белый? – для порядка спросил Эйб.

– Он бы у них был в плену. Скажем, это был бы знаменитый тенор, попавший в руки дикарей. Тенор – для того, чтобы он мог петь в фильме.

– А он как был бы одет?

Малютка разглядывала пальцы своих ножек.

– Он... бы... был бы без всего, как и людоеды.

Эйб покачал головой:

– Малютка, это не годится. Все знаменитые теноры ужасно толстые.

– Ах, как жаль! – всплеснула руками малютка. – Ну, значит, его мог бы сыграть Фред, а тенор просто пел бы за кадром. Знаешь, это называется озвучивание.

– Но ведь Фреда в начале сожрала акула!

Малютка разозлилась:

– Нельзя быть таким жутким реалистом, Эйб! С тобой невозможно говорить об искусстве. Так вот, а вождь всю меня обвил бы нитками жемчуга...

– А жемчуг бы он откуда взял?

– Здесь куча жемчуга, – уверенно заявила Ли. – А Фред из ревности устроил бы с ним боксерский поединок на скале, прямо над морским прибором. Какой прекрасный вышел бы кадр – силуэт Фреда на фоне неба, правда? Ведь это шикарная идея! А потом они оба упали бы в воду... – Ли просветлела лицом. – Вот тут как раз пригодился бы эпизод с акулой. Как разозлится Джуди, если Фред будет играть со мной в одном фильме! А замуж бы я вышла за красивого дикаря. – Златовласая Ли вскочила. – Мы бы стояли с ним на берегу... на фоне заката... совершенно нагие... Такой был бы последний кадр, и диафрагма бы закрывалась медленно-медленно... – Малютка сбросила халат. – А я иду купаться!

– Ты ведь не надела купальный костюм! – с ужасом крикнул Эйб, оглядываясь на яхту: не смотрит ли оттуда кто-нибудь; но малютка Ли уже, танцуя, бежала по песку к лагуне.

«...А в платье она выглядит лучше», – вдруг заговорил в молодом мужчине жестокий голос холодной критики. Эйб был прямо раздавлен тем, что его любовный восторг куда-то испарился, он чувствовал себя виноватым, но... well, если Ли в платье и туфельках, то она... well, она и вправду как-то красивее.

«Ты, наверное, хочешь сказать – приличнее», – защищался Эйб от этого холодного голоса.

«Well, и это тоже. И красивее. Почему она так глупо шлепает по воде? Почему у нее так трясутся мясистые ноги? Почему... почему...»

«Прекрати! – с ужасом защищался сам от себя Эйб. – Ли самая прекрасная девушка, когда-либо жившая на земле! Я ужасно ее люблю...»

«Даже когда на ней нет ничего?» – ответил холодный критический голос.

Эйб отвернулся и посмотрел на яхту в лагуне. Как она красива, как точна каждая ее линия! Жаль, здесь нет Фреда. С Фредом можно было бы поговорить о красоте яхты.

Малютка уже вошла в воду по колени. Она простерла руки к заходящему солнцу и начала петь. «К дьяволу, да пусть она уже лезет в воду! – с раздражением подумал Эйб. – Впрочем, когда она лежала тут, свернувшись в клубочек и прикрывшись халатом, все было хорошо. Малютка Ли». Эйб, растроганно вздохнув, поцеловал рукав ее купального халата. Нет, он ужасно любит ее. Любит так, что у него все внутри болит.

Вдруг со стороны лагуны донесся пронзительный визг. Эйб поднялся на колено, чтобы лучше видеть. Малютка Ли, вереща и размахивая руками, спотыкаясь и разбрызгивая вокруг себя воду, спешила к берегу... Эйб вскочил и помчался ей навстречу.

– Что случилось, Ли?

(«Погляди-ка, как нелепо она бежит, – подзуживал его холодный критический голос. – Слишком высоко поднимает ноги. Слишком сильно размахивает во все стороны руками. Это просто-напросто некрасиво. А ко всему прочему она еще и кудахчет при этом. Ну да, кудахчет».)

– Что случилось, Ли? – кричал Эйб, спеша на помощь.

– Эйб, Эйб! – бормочет малютка, и – бумс! – она уже висит на нем, холодная, мокрая. – Эйб, Эйб, там какое-то животное!

– Ничего страшного, – пытается успокоить ее Эйб. – Рыба, наверное, какая-нибудь.

– У него такая страшная голова! – хнычет малютка и утыкается мокрым носом прямо Эйбу в грудь.

Эйб хочет по-отечески похлопать ее по плечу, но эти хлопки по мокрому телу звучат слишком громко.

– Ну так, ну так, – ворчит он, – посмотри-ка, там уже ничего нет.

Ли оглянулась на лагуну.

– Это был настоящий ужас... – выдохнула она и вдруг опять заверещала: – Там... Там... видишь?

К берегу медленно приближалась черная голова, ее пасть попеременно открывалась и закрывалась. Малютка Ли истерически завопила и отчаянно ринулась бежать прочь от воды.

Эйб пребывал в сомнениях. Бежать за Ли, чтобы успокоить ее? Или остаться здесь, чтобы показать ей, что я не боюсь этого зверя? В конце концов Эйб выбрал второй вариант – он подошел к морю, и, остановившись по щиколотку в воде, сжал кулаки и принялся глядеть зверю прямо в глаза. Черная голова остановилась, начала странно мотаться из стороны в сторону и сказала:

– Тс-тс-тс.

Нельзя сказать, чтобы Эйб совсем не боялся, но показывать своего страха было нельзя.

– Чего тебе надо? – резко спросил он у головы.

– Тс-тс-тс, – повторила голова.

– Эйб, Эйб, Э-эйб! – завизжала малютка Ли.

– Я уже иду! – крикнул Эйб и медленно (чтобы ничего такого не подумали) двинулся по направлению к девушке, причем даже еще раз остановился по пути и строго посмотрел на море.

На берегу, где волны пишут на песке свои вечные и быстро исчезающие узоры, на задних лапах стояло какое-то темное животное с круглой головой и вертело всем телом. Эйб застыл на месте, сердце у него тяжело застучало.

– Тс-тс-тс, – приговаривало животное.

– Эйб! – едва ли не падая в обморок, звала малютка Ли.

Эйб отступал шаг за шагом, не выпуская зверя из глаз; зверь не двигался с места, а лишь следил за его перемещениями, поворачивая голову.

Наконец Эйб добрался до своей малютки, которая лежала, уткнув лицо в землю, и, икая, всхлипывала от ужаса.

– Это просто... ну, что-то вроде тюленя, – неуверенно сказал ей Эйб. – Нам бы стоило вернуться на яхту.

Однако Ли только дрожала в ответ.

– Он вообще ничуть не опасен, – твердил Эйб. Ему хотелось опуститься на колени рядом с Ли, но он вынужден был по-рыцарски стоять, охраняя ее от животного.

«Если бы я не был в одних плавках, – думал он, – и будь у меня с собой хотя бы складной нож... Да хотя бы палка...»

Начало смеркаться. Животное подошло ближе, остановившись примерно в тридцати шагах. А за ним пять... шесть... восемь точно таких же животных вынырнули из моря и нерешительно, переваливаясь с ноги на ногу, заковыляли к тому месту, где Эйб охранял малютку Ли.

– Ли, не смотри туда... – прошептал Эйб, и сделал это зря, потому что Ли не стала бы туда смотреть ни за что на свете.

Все новые и новые тени выходили из моря и продвигались вперед широким полукольцом. Эйб насчитал уже около шестидесяти животных. Вон то, что там белеет, – это купальный халат малютки Ли. Тот, в котором она совсем недавно спала. А животные между тем уже дошли до светлого предмета, широко распростертого на песке.

Тогда Эйб совершил нечто одновременно само собой разумеющееся и безрассудное – подобно шиллеровскому рыцарю, который пошел в клетку со львами за перчаткой своей дамы. Ничего не поделаешь, пока стоит этот мир, мужчины всегда будут совершать само собой разумеющиеся и притом безрассудные поступки. Без колебаний, с высоко поднятой головой и сжатыми кулаками, мистер Эйб Леб пошел прямо на зверей, чтобы забрать купальный халат малютки Ли.

Звери немного отступили, но не бросились бежать. Эйб поднял халат, перекинул его через руку, как тореадор, и остался стоять.

– Эйб! – раздавались за его спиной отчаянные мольбы.

Мистер Эйб почувствовал в себе богатырскую силу и мужество.

– Ну что? – обратился он к животным и сделал еще шаг по направлению к ним. – Что вам вообще нужно?

– Тс-тс, – прочавкало одно из животных, а потом каким-то скрипучим, похожим на старческий, голосом пролаяло: – Ножж!

– Ножж! – залаял другой зверь. – Ножж! Ножж!

– Э-эйб!

– Не бойся, Ли! – крикнул Эйб.

– Ли, – вдруг гавкнул зверь, стоявший перед ним. – Ли! Ли! Эйб!

Эйб почувствовал себя как во сне.

– Что вам надо?

– Ножж!

– Эйб! – верещала малютка Ли. – Иди сюда!

– Сейчас! Вы имеете в виду нож? Но у меня нет ножа. Я вас никак не обижу. Что вам еще нужно?

– Тс-тс, – прочавкал зверь и заковылял к нему.

Эйб поправил халат, переброшенный через руку, пошире расставил ноги – но не отступил.

– Тс-тс, – сказал он. – Чего ты хочешь?

Казалось, животное протянуло ему переднюю лапу, но Эйбу это не понравилось.

– Чего надо? – спросил он, пожалуй слишком грубо.

– Ножж! – еще раз пролаял зверь и выронил из лапы что-то белое, похожее на каплю. Но это была не капля – она не рассыпалась, а покатила.

– Эйб! – захлебываясь слезами, умоляла Ли. – Не оставляй меня здесь одну!

Мистер Эйб уже не чувствовал никакого страха.

– Прочь с дороги! – скомандовал он и замахнулся на животное купальным халатом.

Зверек стремительно и неуклюже отошел в сторону. Теперь Эйб мог удалиться с гордо поднятой головой, чтобы Ли видела, какой он мужественный; он еще нагнулся к тому беловатому предмету, рассыпавшемуся, когда животное выпустило его из лапы, чтобы посмотреть, что это такое. Это были три твердых, гладких, матово-белых шарика. Мистер Эйб поднес их к самым глазам, чтобы получше рассмотреть, – уже смеркалось.

– Э-эйб! – пищала покинутая малютка. – Эйб!

– Уже иду! – крикнул мистер Эйб. – Ли, у меня для тебя кое-что есть! Ли, эй, Ли, я для тебя кое-что несу! – вращая купальным халатом над головой, мистер Эйб Леб бежал по берегу, похожий на молодого бога.

Ли сидела, скрючившись на корточках, и дрожала.

– Эйб... – хныкала она, стуча зубами. – Эйб, как ты можешь... как можешь...

Эйб торжественно пал перед ней на колени.

– Лили Вэллей, морские боги, они же тритоны, пришли воздать тебе честь. Я должен передать тебе, что с тех времен, когда Венера вышла на берег из пены морской, ни одна артистка не произвела на них такого сильного впечатления, какое произвела ты. В доказательство своих восхищенных чувств они посылают тебе, – Эйб протянул руку, – вот эти три жемчужины. Посмотри.

– Не болтай ерунду, Эйб, – захныкала малютка Ли.

– Нет, правда, Ли. Посмотри – это ведь настоящий жемчуг!

– Покажи, – со слезами в голосе произнесла Ли и дрожащими пальцами начала щупать беловатые шарики. – Эйб! – прошептала наконец она. – Ведь это жемчуг! Ты нашел его в песке?

– Ли, малютка, но ведь жемчуг не водится в песке!

– Водится, – отрезала малютка. – Его потом из песка вымывают. Ну вот, я же говорила тебе, что здесь куча жемчуга!

– Жемчуг растет под водой, в таких специальных раковинах, – сказал Эйб, почти полностью уверенный в своих словах. – Вот клянусь тебе, Ли, его правда принесли тебе тритоны. Они ведь видели, как ты купалась. Они тебе хотели его отдать лично, но раз ты так их испугалась...

– Конечно, они такие противные! – перебила его Ли. – Эйб, это шикарные жемчужины! Я ужасно люблю жемчуг!

(«Ну вот теперь, пожалуй, она красива, – отметил критический голос. – Когда она стоит вот так на коленях и держит жемчуг на ладони – она... ну, симпатичная, этого у нее не отнять».)

– Эйб, а что, это правда мне принесли эти... эти звери?

– Это не звери, малютка моя. Это морские боги. Они зовутся тритонами.

Малютка ничуть не удивилась.

– Молодцы какие, правда? Они очень милые. Как ты думаешь, Эйб, может быть, мне нужно их как-нибудь отблагодарить?

– Ты их уже не боишься?

Малютка вздрогнула.

– Боюсь. Эйб, пожалуйста, заberi меня отсюда!

– Послушай, – сказал Эйб, – нам нужно добраться до нашей шлюпки. Пошли со мной, не бойся.

– Но ведь... но ведь они загораживают нам путь, – стучала зубами Ли. – Эйб, а ты сам не хочешь к ним сходить? Один, без меня? Но только не оставляй меня здесь одну!

– Я понесу тебя на руках, – героически предложил мистер Эйб.

– Да, это бы подошло... – прошептала Ли.

– Только надень на себя халат, – пробурчал Эйб.

– Сейчас. – Мисс Ли обеими руками принялась разглаживать свои великолепные золотые волосы. – Послушай, я не слишком лохматая? Эйб, а помады у тебя с собой нет?

Эйб набросил халат ей на плечи.

– Пойдем скорее, Ли!

– Я боюсь... – выдохнула малютка.

Эйб поднял ее на руки. Ли показалась ему легкой, как облако.

«Дьявол, она тяжелее, чем ты думал, верно? – сказал Эйбу холодный критический голос. – А теперь у тебя, парень, обе руки заняты, и если эти звери на вас нападут – что ты думаешь делать?»

– Может быть, тебе стоит побежать? – предложила малютка Ли.

– Хорошо... – просипел Эйб, с трудом шевеля ногами.

Темнело уже очень быстро. Эйб приближался к животным, стоявшим широким полукольцом.

– Быстрее, Эйб, беги, беги же! – шептала Ли.

Животные начали странными, волнообразными движениями извиваться и раскачиваться верхней половиной туловища.

– Беги, беги же скорей! – простонала малютка и начала в истерике сучить ногами, а в шею Эйба впились покрытые серебристым лаком ногти.

– Черт возьми, Ли, пусти же меня! – заревел Эйб.

– Ножжж! – раздался лай прямо у него под ухом. – Тс-тс-тс. Ножж. Ли. Ножж. Ножж. Ножж. Ли.

Но они уже вырвались за пределы полукольца, и Эйб почувствовал, что его ноги начали увязать в мягком песке.

– Можешь спустить меня на землю, – прошептала малютка как раз в тот момент, когда руки и ноги отказались служить Эйбу.

Эйб тяжело дышал, отирая локтем пот со лба.

– Беги к шлюпке! Быстрее! – распоряжалась малютка Ли.

Полукруг темных теней повернулся теперь лицом к Ли и приближался.

– Тс-тс-тс. Ножж. Ножж. Ли.

Однако Ли не закричала. Ли не бросилась бежать. Ли подняла руки к небу, и купальный халат сполз с ее плеч. Нагая Ли обеими руками приветствовала колеблющиеся тени и посылая им воздушные поцелуи. На ее дрожащих губах появилось нечто, что, очевидно, нужно было считать обольстительной улыбкой.

– Вы мои милые, – сказала она, и голосок ее задрожал, а белые руки снова простерлись к трепещущим теням.

– Ли, помоги мне! – буркнул Эйб довольно грубо, сталкивая шлюпку в воду.

Малютка Ли подобрала свой купальный халат.

– Прощайте, милые мои!

Можно было слышать, как тени уже плюхают по воде.

– Эйб, давай скорее, – прошипела малютка, пробираясь к шлюпке. – Они уже опять здесь!

Мистер Эйб Леб лихорадочно пытался столкнуть шлюпку в воду. А теперь в него плюхнулась еще и мисс Ли, помахивая рукой в знак прощания.

– Эйб, отойди в сторонку, мне не видно!

– Ножж. Тс-тс-тс. Э-эйб.

– Ножж, тс, ножж.

– Тс-тс.

– Ножж!

Наконец шлюпка закачалась на волнах. Эйб кое-как вскарабкался в нее и изо всех сил налег на весла. Одно весло угодило в какое-то скользкое тело.

Малютка Ли шумно перевела дух.

– Но ведь они ужасно милые, правда? А скажи, что я была великолепна?

Мистер Эйб, выбиваясь из сил, гнал шлюпку к яхте.

– Надень на себя халат, Ли, – как-то сухо сказал он.

– Мне кажется, это был оглушительный успех, – констатировала мисс Ли. – А этот жемчуг, Эйб! Как ты думаешь, сколько он стоит?

Эйб на какой-то миг бросил весла.

– Мне кажется, тебе не стоило показываться перед ними в таком виде, малютка...

Мисс Ли слегка обиделась:

– А что такого? По тебе видно, Эйб, что ты ничего не понимаешь в искусстве. Гребь уже наконец, мне холодно в халате!

Глава 7 Яхта в лагуне (Продолжение)

В этот вечер на яхте «Глория Пикфорд» никто не переходил на личности, зато шумно проявились принципиальные расхождения в научных взглядах. Фред (которого лояльно поддерживал Эйб) утверждал, что это, безусловно, были какие-то рептилии, в то время как капитан ставил на млекопитающих. В море не бывает никаких рептилий, горячился капитан, однако молодые джентльмены из университета не брали во внимание его возражений: рептилии – это куда большая сенсация. Малютка Ли удовлетворилась тем, что животные были тритонами, что они были просто чудесные и вообще она добилась у них такого успеха. Ли (одетая в ту самую пижаму в голубую полоску, которая так нравилась Эйбу) с горящими глазами повествовала о жемчужинах и морских богах. Джуди, впрочем, была убеждена, что все это выдумки и обман и что Ли с Эйбом все придумали, и яростно моргала Фреду, призывая его скорее перестать подыгрывать этой парочке. Эйб полагал, что Ли могла бы и упомянуть о том, как он, Эйб, бесстрашно пошел на этих ящеров, чтобы спасти ее купальный халат, и именно поэтому целых три раза рассказал историю о том, как Ли мужественно сопротивлялась им, пока он, Эйб, пытался втащить шлюпку в воду, – и как раз начинал рассказывать ее в четвертый раз, но Фред с капитаном совершенно не слушали его, погрузившись в яростный спор о рептилиях и млекопитающих (как будто это так уж важно, подумал Эйб). Наконец Джуди зевнула и сообщила, что идет спать. Она многозначительно посмотрела на Фреда, но Фред как раз в этот момент вспомнил, что до Всемирного потопа на свете жили такие старые смешные ящеры – дьявол, как же их звали, вот, точно, диплозавры, бигозавры или что-то вроде этого, – и вот они-то, сэр, ходили на двух ногах; Фред видел это своими глазами на одной забавной научной картинке, сэр, вот в такой толстой книжке. Замечательная книга, сэр, вы наверняка ее знаете.

– Эйб! – воскликнула малютка Ли. – У меня есть шикарный сюжет для фильма.

– Какой?

– Кое-что потрясающе новое. Представь, наша яхта потонула, а я спаслась бы и выбралась на этот остров. И начала бы там жить, как Робинзон.

– А что бы вы там делали? – скептически спросил капитан.

– Ну, купалась бы, и всякое такое... – бесхитростно ответила малютка. – А потом в меня влюбились бы эти морские тритоны... И носили бы мне жемчужины. Кстати, сюжет основан на реальных событиях. Это мог бы быть, например, научно-воспитательный фильм о природе, как ты думаешь? Нечто на манер «Торгового флага».

– Ли права, – заявил внезапно Фред. – Нам нужно завтра вечером непременно снять этих ящеров на пленку.

– То есть млекопитающих, – поправил его капитан.

– То есть меня, – уточнила малютка. – Снять, как я стою среди этих морских тритонов.

– Но только в купальном халате! – вырвалось у Эйба.

– Я бы надела белый купальник, – сказала Ли, – а Грета должна будет сделать мне подходящую прическу. А то сегодня я была уж-ж-ж-жасно лохматой.

– А кто будет снимать?

– Эйб. Чтобы он хоть на что-нибудь сгодился. А Джуди нужно будет чем-нибудь светить, если будет уже темно.

– А Фред что будет делать?

– А у Фреда будет лук и венки на голове. Если эти тритоны захотят похитить меня, они их убьют, правда?

– Благодарю покорно, – ухмыльнулся Фред. – Но я как-то привык по старинке, с револьвером. И кстати, капитан бы там тоже не помешал.

Капитан по-боевому ошетирил усы:

– Не извольте беспокоиться. Сделаю все, что будет необходимо.

– А что именно?

– Пошлю туда трех человек из команды, сэр. Хорошо вооруженных, сэр.

Малютка Ли восхитилась:

– Вы считаете это таким опасным, капитан?

– Я, деточка моя, ничего не считаю, – проворчал капитан. – Но у меня есть распоряжения от мистера Джесса Леба – во всяком случае, по отношению к мистеру Эйбу.

Джентльмены со страстью принялись обсуждать технические детали завтрашнего предприятия; Эйб подмигнул малютке: пора, мол, идти в постель, и все такое. Ли послушно пошла за ним.

– Знаешь, Эйб, – сказала она в своей каюте, – мне кажется, это будет шикарный фильм!

– Да, будет, моя малютка, – согласился мистер Эйб и собрался ее поцеловать.

– Не сегодня, Эйб, – воспротивилась малютка. – Пойми, мне нужно ужасно сосредоточиться!

На следующий день мисс Ли интенсивно сосредоточивалась. Несчастливая горничная Грета сбилась от этого сосредоточения с ног. Нужно было приготовить ванны с очень важными солями и эссенциями, вымыть голову шампунем «Только для блондинок», устроить массаж, педикюр, маникюр, завивку, прическу, глажку белья и примерку одежды, перешивание, грим и переделать множество других подготовительных дел; даже Джуди втянулась в этот марафон и помогала малютке Ли (бывают такие трудные минуты, когда женщины могут проявлять удивительную солидарность друг с другом, – например, когда речь идет об одевании). В то время как в каюте мисс Ли царил лихорадочный активизм, мужчины собрались вместе и, расставив на столе пепельницы и стаканы с чем-то крепким, разработали стратегический план – кто где будет стоять и что он будет делать, если вдруг произойдет что-то непредвиденное; при этом капитану несколько раз было нанесено тяжелое оскорбление в виде сомнений в его праве

командовать. После обеда на берег лагуны переправили киноаппарат, небольшой пулемет, корзину с провизией и столовыми приборами, ружья, граммофон и иное оружие и боеприпасы; все это прекрасно замаскировали пальмовыми листьями. Еще до захода солнца трое вооруженных членов команды заняли свои места; капитан взял на себя роль верховного главнокомандующего. После этого на берег привезли огромную корзину с несколькими мелочами, которые могли бы понадобиться мисс Ли Вэллей. Затем туда отправились Фред и Джуди. Наконец начался закат солнца – во всем своем тропическом великолепии.

Тем временем мистер Эйб уже в десятый, наверное, раз стучался в дверь каюты мисс Ли.
– Малютка, уже действительно пора!

– Иду, уже иду! – щебетал в ответ голос малютки. – Прошу тебя, не нервируй меня! Мне же нужно привести себя в порядок, не правда ли?

Капитан тем временем проводил рекогносцировку. Вон там на поверхности залива сверкает длинная ровная полоса, отделяющая беспокойное море от тихой глади лагуны. Как будто там, под водой, есть какая-то плотина или волнорез, подумал капитан; скорее всего, это песок или коралловый утес, но очень похоже на искусственное сооружение. Странное это место. Над тихой поверхностью лагуны то здесь, то там выныривают черные головы и тянутся к берегу. Капитан сжимает губы и в беспокойстве хватается за револьвер. Лучше бы, думает он, эти бабы остались на судне. Джуди начинает дрожать и судорожно вцепляется во Фреда. Какой он сильный, думает она. Господи, как же я его люблю!

Наконец от яхты отчаливает последняя шлюпка. В ней – мисс Ли Вэллей в белом купальном костюме и в прозрачной накидке, в которой она, очевидно, будет выброшена волнами на берег, как потерпевшая кораблекрушение; рядом с ней – мисс Грета и мистер Эйб.

– Почему ты гребешь так медленно, Эйб? – укоряет его малютка.

Эйб видит черные головы, стремящиеся к берегу, и ничего не отвечает.

– Тс-тс.

– Тс.

Мистер Эйб втаскивает шлюпку на песок и помогает малютке Ли и Грете вылезти из нее.

– Скорее к аппарату, – шепчет ему актриса. – А как только я скажу: «Поехали», начинай снимать.

– Да ведь ничего уже не будет видно, – возражает Эйб.

– Пусть тогда Джуди посветит. Грета!

Мистер Эйб Леб наконец занимает свое место у киноаппарата, артистка ложится на песок в позе умирающего лебедя, а мисс Грета поправляет складки ее пеньюара.

– Пусть будут немного видны ноги, – шепчет женщина-Робинзон. – Все, готово? Ступай отсюда! Эйб, поехали!

Эйб начал крутить ручку.

– Джуди, свет!

Однако свет не зажегся. Из моря начали выползать колеблющиеся тени, направляясь прямо к Ли. Грета зажала рот рукой, чтобы не закричать.

– Ли! – крикнул мистер Эйб. – Ли, беги!

– Ножж! Тс-тс-тс! Ли. Ли. Эйб!

Кто-то спустил предохранитель револьвера.

– К черту! Отставить! – прохрипел капитан.

– Ли! – кричит Эйб и бросает ручку. – Джуди, где свет?

Ли медленно, томно встает и поднимает руки к небу. Легкий пеньюар сползает с ее плеч. И вот белая Ли стоит одна, грациозно вздымая руки над головой, – именно так, как делают потерпевшие кораблекрушение, только что пришедшие в себя. Эйб начинает яростно вращать ручкой.

– К дьяволу, Джуди, дай же свет!

– Тс-тс-тс!

– Ножж!

– Ножж!

– Э-эйб!

Черные тени колеблются и кружат вокруг белой Ли. Стойте, стойте, это уже не игра! Ли уже не вздымает руки над головой, она отталкивает что-то от себя и пищит:

– Эйб, Эйб, оно меня тронуло!

В этот самый момент загорается ослепительный свет. В этот же самый момент Эйб стремительно начинает крутить ручку, а Фред с капитаном с револьверами в руках бегут к Ли, которая сидит, задыхаясь от ужаса. В этот же самый момент в резком свете видно, как десятки и сотни длинных темных теней стремительно отступают к воде и ныряют в нее. В этот же самый момент два матроса набрасывают сеть на одну из этих убегающих теней. В этот же самый момент Грета лишается чувств и падает на песок, как куль с мукой. В этот же самый момент звучат два или три выстрела, в море все бурлит и плещет, два матроса с сетью лежат на чем-то, что под ними корчится и извивается, – и наконец свет в руках Джуди гаснет.

Капитан зажигает карманный фонарик:

– Деточка, с вами все в порядке?

– Оно тронуло меня за ногу! – проскулила малютка. – Фред, это было отвратительно!

Наконец к ней подбегает Эйб со своим фонариком.

– Ты прекрасно играла, Ли! – воскликнул он. – Вот только Джуди нужно было начать светить раньше!

– У меня свет не зажигался! – пролепетала Джуди. – Правда же, Фред, не зажигался?

– Джуди перепугалась, – оправдывал ее Фред. – Вот честное слово, она не нарочно, правда же, Джуди?

Джуди оскорбилась. Между тем подошли двое матросов, таща за собой в сети что-то, извивавшееся, как большая рыба.

– Ну вот, капитан. Живую поймали.

– Такая сволочь, еще и обрызгало нас какой-то гадостью. У меня, капитан, теперь все руки в волдырях. Жжет прямо адски.

– Меня оно тоже потрогало, – захныкала мисс Ли. – Посвети сюда, Эйб! Посмотри, нет ли у меня там волдыря?

– Нет, малютка, ничего нет, – успокаивал ее Эйб; он готов был поцеловать то местечко под коленкой, которое малютка сейчас ощупывала с такой тревогой.

– Какое оно холодное было, бр-р, – жаловалась малютка Ли.

– Вы, мадам, жемчужину потеряли, – сказал один из матросов и подал Ли шарик, подняв его с песка.

– О господи, Эйб! – воскликнула Ли. – Они опять принесли мне жемчуг! Ребята, давайте искать жемчуг! Здесь множество жемчужин, который эти бедняжки мне принесли! Фред, ну разве они не чудесны? А вот еще жемчужина! И еще!

Три фонарика направили круги света на землю.

– О, какую огромную я нашел!

– Это моя! – выкрикнула малютка Ли.

– Фред! – ледяным голосом позвала Джуди.

– Сейчас! – ответил Фред, ползая на коленях по песку.

– Фред, я хочу вернуться на яхту!

– Да-да, кто-нибудь тебя отвезет, – ответил Фред голосом занятого человека. – Черт, вот это развлечение!

Трое мужчин и мисс Ли продолжали ползать по песку, как большие светлячки.

– Вот еще три жемчужины! – объявил капитан.

– Покажите, покажите-ка! – завизжала Ли от восторга и поползла к капитану, не вставая с колен.

Вдруг вспыхнул магний и застрекотал киноаппарат.

– Ну вот, вы попали в кадр, – мстительно объявила Джуди. – Чудесное фото для газет. Компания Американцев В Поиске Жемчуга. Морские Ящеры Швыряются Жемчугом В Людей.

Фред сел на песок.

– К дьяволу, а ведь Джуди права. Ребята, нам нужно отправить это в газеты!

Ли тоже присела.

– Джуди просто душа. Джуди, сними-ка нас еще раз, только спереди!

– Ты бы много потеряла, малютка, – ответила Джуди.

– Дети, давайте лучше искать, – сказал мистер Эйб, – а то прилив начинается.

В темноте на краю моря шевельнулась черная дрожащая тень. Ли заверещала:

– Там... там...

Три фонарика немедленно направили лучи света в ту сторону. Но это была лишь Грета – стоя на коленях, она в темноте искала жемчужины.

У Ли на коленях лежала фуражка капитана, а в ней – двадцать одна жемчужина. Эйб разливал, а Джуди возилась с граммофоном. Стояла ночь, небо было усеяно звездами, море шумело своим вековечным шумом.

– Как же нам это назвать? – громко спрашивал Фред. – Вот, например: «Дочь промышленника из Милуоки снимает на киноаппарат ископаемых ящеров»!

– «Допотопные ящеры преклоняются перед молодостью и красотой»! – предложил поэтический вариант Эйб.

– «Яхта „Глория Пикфорд“ открывает неизвестных существ», – предложил капитан. – Или вот: «Загадка острова Тахуара».

– Это только для подзаголовка годится, – сказал Фред. – Заголовок должен говорить о большем.

– Например: «Бейсболист Фред воюет с монстрами», – отозвалась Джуди. – Фред был великолепен, когда наскочил на них. Главное, чтобы это хорошо получилось на пленке.

Капитан откашлялся:

– Вообще-то первым туда бросился я, мисс Джуди, но не будем об этом говорить. Главное – я полагаю, что заголовок должен звучать по-научному, сэр. Трезво и... по-научному, короче говоря. «Пред-лю-виальная фауна на тихоокеанском острове».

– Предлидುವиальная, – поправил Фред. – Или предвидувальная. Да к черту, как же оно... Антилювиальная. Антедುವиальная. Нет. Это не годится. Нужно как-то проще, чтобы каждый мог это произнести. Ну, Джуди, помогай, ты сообразительная!

– Антедилувиальная, – отозвалась Джуди.

Фред покачал головой:

– Нет, Джуди. Это слишком длинно. Длиннее этих гадов, даже если считать хвост. Заголовок должен быть коротким. Но Джуди-то какова, а? Скажите, капитан, что она – хоть куда!

– Да, – согласился капитан. – Она – просто замечательная барышня.

– Вы, капитан, славный парень, – с уважением сказал молодой великан. – Дети, капитан – славный парень. Но предлювиальная фауна – это чушь. Это для газет не годится. Уж лучше «Влюбленные на Жемчужном острове» или что-то в этом роде.

– «Тритоны засыпают жемчугом белую Лилию»! – воскликнул Эйб. – «Почести царства Нептуна»! «Новая Афродита»!

– Чушь, чушь, чушь! – возмущенно протестовал Фред. – Никаких тритонов никогда не существовало. Это, парень, доказано наукой. И Афродиты никакой не было. Правда же не было, Джуди? Вот: «Битва людей с древними ящерами! Мужественный капитан атакует допотопных чудовищ!» Вот это заголовок. В нем должна быть изюминка, понимаешь, дружище!

– Экстренный выпуск! – надрывался Эйб. – Киноактриса подверглась нападению морских демонов! Sex-арреал современной женщины побеждает древних ящеров! Вымершие рептилии предпочитают блондинок!

– Эйб, – раздался голос малютки Ли. – У меня есть идея...

– Какая?

– Для фильма. Шикарная идея, Эйб. Представь себе: я купаюсь на берегу моря...

– Тебе страшно идет белый купальник! – поспешил вставить Эйб.

– Да? Ну так вот, а эти тритоны влюбляются в меня и утаскивают на дно океана. И я становлюсь их королевой.

– Там, на дне?

– Ну да, под водой. В их загадочной стране, понимаешь? У них там есть города, и все такое.

– Малютка, но ведь для этого тебе нужно будет утонуть!

– Не бойся, я умею плавать, – беззаботно ответила малютка Ли. – Один раз в день я могла бы выплывать на берег, чтобы глотнуть воздуха. – Ли продемонстрировала дыхательные упражнения, сочетавшие выпячивание груди с плавными движениями рук. – Вот так примерно, видишь? И вот на берегу в меня бы влюбился... скажем, молодой рыбак. А я бы полюбила его. Ужасно сильно, – вздохнула малышка. – Знаешь, он был бы таким красивым и мужественным. Тритоны захотели бы его утопить, но я спасла бы его и вместе с ним отправилась в его хижину. А тритоны осаждали бы ее, ну а после этого, например, могли бы приплыть вы и нас спасти.

– Ли, – со всей серьезностью сказал Фред, – это такая чушь, что, пожалуй, это действительно можно будет снять. Удивлюсь, если старик Джесс не ухватится за эту идею и не сделает из нее киноэпопею.

Фред оказался прав: через некоторое время на этот сюжет действительно была снята эпопея производства кинокомпании Jesse Loeb Pictures с мисс Лили Вэллей в главной роли; среди других ролей были около шестисот нереид, один Нептун и двенадцать тысяч статистов, переодетых различными доисторическими ящерами. Но, прежде чем фильм вышел на экраны, утекло довольно много воды и произошло много различных событий, в том числе:

1. Захваченное матросами животное, помещенное в ванну в каюте малышки Ли, в течение двух дней пользовалось живым интересом со стороны всего общества; на третий день оно перестало шевелиться, в связи с чем мисс Ли утверждала, что бедняжка, наверное, скучает; на четвертый день от него начало дурно пахнуть, и его пришлось выбросить в море, поскольку процесс разложения уже был необратим.

2. Из всех кадров, снятых на берегу лагуны, толком получились лишь два. На первом из них малютка Ли, в ужасе сидя на корточках, отчаянно машет руками на обступивших ее животных. Все в один голос утверждали, что это великолепный снимок. На втором можно было разглядеть троих мужчин и одну девушку, стоявших на коленях и упершихся носом в землю; сняты они были сзади и походили на людей, будто бы чему-то поклоняющихся. Этот кадр пришлось уничтожить.

3. Что касается предложенных заголовков для газет, использованы в деле были почти все (в том числе и та самая антедилувияльная фауна), поскольку статьи об этом происшествии были напечатаны во многих сотнях американских газет, еженедельников и иллюстрированных журналов; к заголовкам, разумеется, присовокуплялся подробный рассказ обо всех событиях и фотоснимки, вроде кадра с малышкой Ли в окружении ящеров, фотографий самого ящера в ванне, самой Ли в купальном костюме, мисс Джуди, мистера Эйба Леба, бейсболиста Фреда, капитана яхты, самой яхты «Глория Пикфорд», самого острова Тараива и самих жемчужин, разложенных на черном бархате. Карьера малютки Ли тем самым была обеспечена; она даже отказалась выступать в варьете и заявила репортерам, что намерена отдавать всю себя исключительно на алтарь Искусства.

4. Впрочем, нашлись люди, которые, под предлогом полученного ими профессионального образования, утверждали, что – если судить по снимкам – речь вовсе не идет о доисторических ящерах, а скорее о каком-то виде саламандр. Еще более образованные люди утверждали далее, что этот вид саламандр науке не известен, а потому его вообще не существует. В печати об этом велись длительные дискуссии, которым положил конец профессор Дж. У. Гопкинс (Йельский университет), заявивший, что внимательно изучил приложенные снимки и считает их мистификацией (hoax) или кинотрюком: изображенные на них животные чем-то напоминают исполинскую скрытожаберную саламандру (*Cryptobranchus japonicus*, *Sieboldia maxima*, *Tritomegas Sieboldii* или *Megalobatrachus Sieboldii*), но сделаны со множеством неточностей, неумело и прямо-таки дилетантски. Тем самым на долгое время этот вопрос перешел в разряд исчерпанных с научной точки зрения.

5. Наконец, через некоторое время мистер Эйб Леб женился на мисс Джуди. Его лучший друг бейсболист Фред был свидетелем на свадьбе, которая была отпразднована с большой помпой при участии множества выдающихся представителей политических, артистических и иных кругов.

Глава 8

Andrias Scheuchzeri

Нет границ человеческому любопытству. Людей не удовлетворило даже то, что профессор Дж. У. Гопкинс из Йельского университета, крупнейший специалист того времени в области изучения рептилий, провозгласил этих загадочных существ антинаучной шумихой и плодом фантазии. Как в газетах, так и в научных изданиях все чаще и чаще начали встречаться сообщения о появлении в самых разных местах акватории Тихого океана неизвестных до сих пор животных, напоминающих огромных саламандр. По более или менее надежным данным, этих животных замечали на Соломоновых островах, на острове Шоутена, на Капингамаранги, Бутарита и Тапетеуза и, наконец, на группе атоллов: Гукуфетау, Фунафути, Нуканоно и Фукаофу, и даже на Хиау, Уахука, Уапу и Пукапука. Много писали о легендах, героями которых были черти капитана ван Тоха (они были распространены главным образом в Меланезии) и тритоны мисс Лили (о них чаще упоминали в Полинезии). Газеты предположили, что речь идет о разных видах допотопных подводных страшилищ, – распространению такого мнения способствовало то, что наступил летний сезон и больше писать было не о чем. Подводные страшилища, как правило, всегда пользуются у читателей большой популярностью. Тритоны вошли в моду в особенности в США; в Нью-Йорке триста представлений выдержало гала-ревью «Посейдон» с участием трехсот самых привлекательных тритонид, nereid и сирен, в Майами и на пляжах Калифорнии молодежь купалась в костюмах nereid и тритонов (три нитки жемчуга – и ничего больше), а на Среднем Западе и в Центральных штатах необычайной силы достигло Движение борьбы с безнравственностью (ДББ); в ходе публичных манифестаций участников движения несколько негров было сожжено, а несколько – повешено.

В конце концов в журнале *The National Geographic Magazine* вышел бюллетень научной экспедиции Колумбийского университета (организованной на средства Дж. С. Тинкера, прозванного «консервным королем»). Бюллетень был подписан именами П. Л. Смита, В. Кляйншмидта, Чарлза Ковара, Луи Форжерона и Д. Эрреро, то есть всемирно признанных специалистов, в особенности в сфере изучения рыбных паразитов, кольчатых червей, биологии растений, инфузорий и тлей. Здесь мы приводим выдержки из этого обширного материала:

...На острове Ракаханга экспедиция впервые обнаружила следы задних лап не известной науке до сих пор исполинской саламандры. Отпечатки – пятипалые; длина пальцев – от трех до четырех сантиметров. Если судить по числу следов, побережье острова Ракаханга должно прямо-таки кишеть этими саламандрами. Поскольку отпечатков передних лап обнаружено не

было (кроме одного четырехпалого отпечатка, вероятно оставленного детенышем), экспедиция выдвинула гипотезу, что данные саламандры, вероятно, передвигаются на задних конечностях.

Подчеркнем здесь, что на острове Ракаханга нет ни реки, ни болота; следовательно, эти саламандры живут в море и являются, очевидно, единственными представителями своего отряда, обитающими в пелагической среде. Известно, впрочем, что мексиканский аксолотль (*Amblystoma mexicanum*) обитает в соленых озерах; однако о пелагических (то есть живущих в море) саламандрах мы не находим упоминания даже в классическом труде В. Корнгольда «Хвостатые земноводные» (*Urodela*), Берлин, 1913.

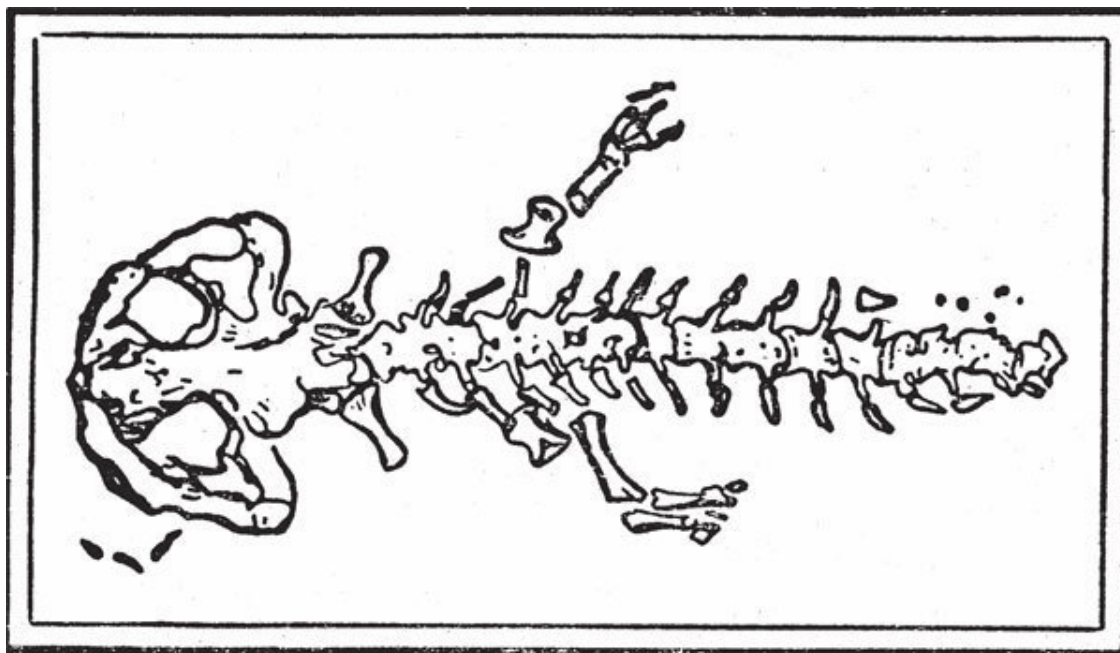
...Мы ждали до вечера, желая поймать или по крайней мере увидеть своими глазами живой экземпляр, – однако напрасно. С сожалением покидали мы живописный островок Ракаханга, где Д. Эрреро удалось обнаружить прекрасный новый вид клопа...

Гораздо больше нам повезло на острове Тонгарева. Мы ждали на побережье с ружьями в руках. После того как солнце зашло, из воды показались головы саламандр, довольно крупные и умеренно сплюснутые. Через какое-то время саламандры вылезли на песок, при ходьбе они раскачивались, однако в целом довольно ловко передвигались на задних лапах. Их рост в сидячем положении несколько превышал метр. Они расселись широким кругом и начали своеобразными движениями извиваться, кружа верхней половиной тела, – все это выглядело так, будто бы они танцевали. В. Кляйншмидт привстал, чтобы лучше видеть их движения. Тогда саламандры повернули к нему головы и на какой-то миг полностью оцепенели, а затем начали приближаться к нему со значительной скоростью, издавая звуки, подобные свисту и лаю. Когда они были от него примерно в семи метрах, мы выстрелили по ним из ружей. Саламандры тут же обратились в бегство и бросились в море; на поверхности в тот вечер они уже не показывались. На берегу остались только две мертвые саламандры и еще одна – у нее был перебит позвоночник. Эта саламандра издавала особый звук, подобный «охбоже, охбоже, охбоже». Чуть позже – когда В. Кляйншмидт вскрыл ножом ее грудную клетку – она издохла... *(Тут следуют анатомические подробности, все равно не понятные нам, неспециалистам, – если же среди читателей есть специалисты, отсылаем их к цитируемому бюллетеню.)*

Итак, как следует из приведенных данных, речь идет о типичном представителе отряда хвостатых земноводных (*Urodela*), к которому, как каждому известно, относится семейство саламандр (*Salamandridae*), включающее в себя род тритонов (*Tritones*) и саламандр черных (*Salamandrae*), а также семейство головастиковых саламандр (*Ichtyoidea*), которые, в свою очередь, подразделяются на саламандр скрытожаберных (*Cryptobranchiata*) и прозрачножаберных (*Phanerobranchiata*). Саламандра, обнаруженная на острове Тонгарева, как представляется, ближе всего стоит к головастиковым саламандрам скрытожаберным; во многих отношениях, помимо прочего – своим размером, – она напоминает японскую исполинскую саламандру (*Megalobatrachus Sieboldii*) или так называемого американского «болотного черта», однако отличается от них хорошо развитыми органами чувств и более длинными и сильными конечностями, которые позволяют ему довольно ловко передвигаться как в воде, так и на суше. *(Следуют очередные сравнительные анатомические подробности.)*

Когда мы отпрепарировали скелеты убитых животных, то пришли к прелюбопытнейшему выводу: скелет данных саламандр практически полностью совпадает с отпечатком скелета ископаемой саламандры, обнаруженным на каменной плите в энингенских каменоломнях д-ром Иоганном Якобом Шейхцером и изображенным им в труде «*Homo diluvii testis*»¹⁰, изданном в 1726 году. Напомним здесь менее осведомленным читателям, что упомянутый д-р Шейхцер считал этот отпечаток останками допотопного человека.

¹⁰ «Человек, современный Потопу».

«Помещаемое здесь изображение, – писал он, – которое я предлагаю ученому миру в виде чудесной гравюры на дереве, без всякого сомнения и определенно является изображением человека, который был свидетелем Всемирного потопа: здесь нет ни единой линии, которая нуждалась бы в буйном воображении, чтобы, беря ее как отправную точку, можно было каким-то образом соорудить нечто подобное человеку, нет, – всюду мы видим полное согласие с отдельными частями, составляющими скелет человека, и полную же соразмерность. Человек окаменелый изображен здесь спереди; сие есть памятник вымершему человечеству, он старше всех римских, греческих да и египетских и вообще всех восточных гробниц».

Кювье впоследствии распознал в энингенском оттиске окаменелый скелет саламандры, которая была названа *Cryptobranchus primaevus*, или *Adrias Scheuchzeri Tschudi*, и считалась экземпляром давно вымершего вида. Путем остеологического сравнения нам удалось установить полное соответствие между нашими саламандрами и якобы вымершей древней саламандрой *Andrias*. Загадочный праящер, как его называли в газетах, не что иное, как ископаемая скрытожаберная саламандра *Andrias Scheuchzeri*; а если уж необходимо новое название – то *Cryptobranchus Tinckeri erectus*, или исполинская саламандра полинезийская...

...Остается загадкой, почему эта интереснейшая гигантская саламандра до сих пор ускользала от внимания науки, хотя по крайней мере на островах Ракаханга и Тонгарева в архипелаге Манихики она водится в больших количествах. Даже Рэндольф и Монтгомери в своем труде «Два года на островах Манихики» (1885) не упоминают о ней. Местные жители утверждают, что это животное – которое они, впрочем, считают ядовитым, – появилось там всего лишь шесть или восемь лет назад. Туземцы утверждают, что «морские дьяволы» умеют говорить (!) и сооружают в бухтах, где они живут, целые системы валов и плотин – нечто вроде подводных городов; якобы в этих бухтах вода в течение всего года такая же спокойная, как в пруду, якобы они прорывают под водой многометровые норы и проходы, в которых и находятся в течение дня, ночью же они выползают на сушу и воруют на полях сладкий картофель и ямс, а также похищают у людей мотыги и другой инвентарь. Вообще люди их не жалуют и даже боятся их; есть много случаев, когда люди из-за этих саламандр переезжали жить в другое место. Очевидно, речь тут идет не более чем о примитивных легендах и предрассудках, появление которых можно, вероятно, приписать отвратительному внешнему виду безобидных

исполинских саламандр и тому, что они ходят на двух ногах и прямо, чем-то напоминая тем самым человека...

...Со значительной осторожностью следует относиться также к сообщениям путешественников о том, что эти саламандры встречаются и на иных островах, а не только на Манихики. Зато без малейших сомнений можно констатировать, что отпечаток задней лапы, обнаруженный капитаном Круасье на берегу острова Тонгатабу (снимок был опубликован в «La Nature»), принадлежит виду *Andrias Scheuchzeri*. Это открытие особенно важно, поскольку устанавливает связь между ареалом на Манихики с австралийско-новозеландской областью, где сохранилось множество остатков древнейшей фауны; для примера напомним хотя бы «допотопного» ящера гаттерию (называемого также туалетом), который до сих пор обитает на острове Стивена. На таких одиноких, как правило, малозаселенных и почти не тронутых цивилизацией островках иногда могут сохраняться остатки тех видов, которые в других местах давно уже вымерли. Благодаря мистеру Дж. С. Тинкеру к допотопному ящеру гаттерии теперь добавляется и допотопная саламандра. Славный д-р Иоганн Якоб Шейхцер, доживи он до наших дней, мог бы теперь стать свидетелем воскресения своего энингенского Адама...

Этого ученого бюллетеня, безусловно, было бы достаточно для того, чтобы с научной точки зрения расставить все точки над *i* в вопросе о загадочных морских чудовищах, о которых так много говорили. К несчастью, одновременно с ним было опубликовано сообщение голландского исследователя ван Хогенхука, который отнес эту скрытожаберную исполинскую саламандру к семейству истинных саламандр, или тритонов, дав ей имя *Megatrion moluccanus*, и определил в качестве ее ареала область принадлежащих Нидерландам островов Зондского архипелага – Джилولو, Моротаи и Церам; а вскоре был опубликован и доклад французского ученого д-ра Миньярда, который отнес ее к типичным саламандрам и указал, что ее исконным местом обитания являются французские владения – острова Такароа, Рангиороа и Пароа; назвал же он ее очень просто – *Cryptobranchus salamandroides*. Появилось и сообщение Х. У. Спенса, который и вовсе объявил этих саламандр новым семейством *Pelagidae*, прародиной их – острова Гилберта, профессиональное бытие в сфере науки, согласно этому специалисту, они приобрели под видовым наименованием *Pelagotrion Spencei*. Спенсу удалось доставить один живой экземпляр этого вида в лондонский зоопарк, где он немедленно стал предметом дальнейших исследований; их результатом стали новые названия – *Pelagobatrachus Hookeri*, *Salamandrops maritimus*, *Abranchus giganteus*, *Amphiura gigas* и многие другие. Некоторые специалисты утверждали, что *Pelagotrion Spencei* тождествен с *Cryptobranchus Tinkeri* и что саламандра Миньяра – это просто-напросто *Andrias Scheuchzeri*; в общем, возникло множество споров о приоритете в открытии и других чисто научных вопросах. В конце концов вышло так, что естествознание каждой нации получило своих национальных исполинских саламандр, что позволило с максимальной научной яростью бороться с исполинскими саламандрами иных наций. Потому с научной точки зрения во всю эту важнейшую историю с саламандрами до самого конца так и не была внесена полная ясность.

Глава 9

Эндрю Шейхцер

И вот однажды в четверг, когда лондонский зоопарк был закрыт для публики, мистер Томас Греггс, сторож в павильоне рептилий, чистил бассейны и террарии своих питомцев. Он был один, совсем один в отделении саламандр, где были выставлены японская исполинская саламандра, американский болотный черт, *Andrias Scheuchzeri* и множество мелких тритончиков, саламандрочек, аксолотлей, угрей, сирен, иглистых тритонов, протеев и т. п. Мистер Греггс орудовал тряпкой и метлой, насвистывая при этом мотив песенки про Энни Лори, и вдруг за его спиной раздался чей-то скрипучий голос:

– Мама, посмотри!

Мистер Томас Греггс обернулся, однако никого не увидел: только американская саламандра чавкала, сидя в своей тине, да большая черная саламандра – то есть Андриас – опиралась передними лапками о край бассейна и вертела туловищем. «Показалось», – подумал мистер Греггс и принялся дальше яростно мести пол.

– Смотри: саламандра! – раздалось за его спиной.

Мистер Греггс быстро обернулся: черная саламандра, этот самый Андриас, смотрела на него, моргая нижними веками.

– Бр-р-р, какая противная, – сказала внезапно саламандра. – Солнышко, пойдем отсюда.

Мистер Греггс в изумлении открыл рот:

– Что?

– Она не кусается? – проскрипела саламандра.

– Ты... ты умеешь говорить? – заикаясь, пробормотал мистер Греггс, не веря своим ушам и другим органам чувств.

– Я ее боюсь, – продолжала вещать саламандра. – Мама, а что она ест?

– Скажи «здравствуйте!» – произнес ошеломленный мистер Греггс.

Саламандра завертела туловищем.

– Здравствуйте, – проскрежетала она. – Здравствуйте. Здравствуйте. Можно дать ей булочку?

Мистер Греггс в смятении полез в карман и обнаружил там кусок булки.

– Вот, держи...

Саламандра взяла булку в лапку и начала ее обкусывать.

– Смотри, саламандра! – удовлетворенно кряхтела она. – Папа, а почему она черная? – Вдруг она прыгнула в воду, так что над поверхностью осталась только голова. – Почему она залезла в воду? Почему? Фу, какая противная!

Мистер Томас Греггс в изумлении чесал затылок. Ага, она повторяет то, что слышала от людей.

– Скажи «Греггс», – проверил он свою догадку.

– Скажи Греггс, – повторила саламандра.

– Мистер Томас Греггс.

– Мистер Томас Греггс.

– Добрый день, сэр.

– Добрый день, сэр. Добрый день. Добрый день, сэр! – Саламандре, казалось, не терпится поговорить, однако у Греггса уже не было свежих идей, что бы она могла сказать еще: красноречие не относилось к числу достоинств мистера Томаса Греггса.

– Слушай, заткнись, – сказал он, – сейчас я доделаю свою работу и поучу тебя говорить.

– Слушай, заткнись, – проворчала саламандра. – Добрый день, сэр. Смотри, саламандра. Поучу тебя говорить.

Дирекции зоопарка не очень-то нравилось, если служители учили вверенных им животных каким-нибудь трюкам: ладно слон, но остальные животные находятся здесь в образовательных целях, здесь вам не цирк. Поэтому мистер Греггс проводил время в отделении саламандр, в некотором смысле таясь от руководства, посещая его, когда там уже никого из людей не оставалось. Поскольку он был вдовцом, то никто не удивлялся его страсти к уединению в павильоне рептилий. У каждого свои причуды. В конце концов, отделение саламандр не пользовалось особенной популярностью у публики. Вот крокодил – другое дело, но Андриас Шейхери проводил свои дни в относительном одиночестве.

Однажды, когда уже вечерело и павильоны закрывались, директор зоопарка сэр Чарльз Уиггэм обходил некоторые отделения, чтобы проверить, все ли в порядке. Когда он проходил

через отделение саламандр, в одном из бассейнов заплескалась вода и кто-то скрипучим голосом произнес:

- Добрый вечер, сэр!
- Добрый вечер, – удивленно ответил директор. – Кто здесь?
- Извините, сэр, – ответил скрипучий голос. – Это не мистер Греггс.
- Кто здесь? – повторил директор.
- Энди. Эндрю Шейхцер.

Сэр Чарльз подошел к бассейну поближе. Там он увидел только неподвижно застывшую на задних лапах саламандру.

- Кто это говорит?
- Энди, сэр, – сказала саламандра. – А вы кто?
- Уиггэм, – вырвалось у изумленного сэра Чарльза.
- Очень приятно, – учтиво произнес Энди. – Как вы поживаете?
- К чертям собачьим! – взревел сэр Чарльз. – Греггс! Эй, Греггс!

Саламандра дернулась и стремительно скрылась под водой. В ту же секунду в помещение ворвался мистер Томас Греггс, запыхавшийся и явно взволнованный.

- Да, сэр?
- Что это значит, Греггс? – набросился на него сэр Чарльз.
- Ч...что-то случилось, сэр? – заикаясь, неуверенно произнес Греггс.
- Это животное разговаривает!
- Извините, сэр, – в отчаянии ответил мистер Греггс. – Энди, вам не следует этого делать.

Я ведь тысячу раз говорил вам – не стоит раздражать людей своими разговорами...

- Приношу свои извинения, сэр, больше это не повторится.
- Это вы научили саламандру разговаривать?
- Но она первая начала, сэр, – оправдывался Греггс.
- Надеюсь, что это более не повторится, Греггс, – строго сказал сэр Чарльз. – Я прослежу за вами.

Спустя какое-то время сэр Чарльз встретился с профессором Петровым. Беседа зашла о так называемом интеллекте животных, об условных рефлексах и о том, как распространенные среди публики поверья переоценивают умственные способности животных. Профессор Петров высказал сомнения относительно эльберфельдских лошадей, которые якобы научились не только считать, но даже возводить в степень и извлекать корни; в конце концов, даже средний образованный человек не умеет извлекать корни, заметил при этом знаменитый ученый. Тут сэр Чарльз вспомнил о говорящей саламандре Греггса.

– У меня тут есть одна саламандра, – нерешительно заговорил он, – это известный Андриас Шейхцери... Так вот, она научилась говорить, как попугай.

– Это исключено, – ответил ученый. – У саламандр ведь неподвижный язык.

– Пойдемте посмотрим, – предложил сэр Чарльз. – Сегодня как раз чистят павильон, так что публики будет мало.

И они пошли. У входа к саламандрам сэр Чарльз остановился. Изнутри доносился шорох метлы и монотонный голос, читающий что-то по слогам.

– Погодите, – прошептал сэр Чарльз.

– «Есть ли жизнь на Марсе?» – продолжал монотонно читать голос. – Это мне надо читать?

– Давай что-нибудь другое, Энди, – ответил другой голос.

– «Кто победит в дерби в этом году, Пелхэм-Бьюти или Гобернадор?»

– Пелхэм-Бьюти, – прозвучало в ответ. – Но вы читайте, читайте дальше.

Сэр Чарльз осторожно открыл дверь. Мистер Томас Греггс мел пол, а в аквариуме с морской водой сидел Андриас Шейхцери и медленно, скрипучим голосом читал по слогам вечернюю газету, держа ее в передних лапах.

– Греггс! – крикнул сэр Чарльз.

Саламандра дернулась и исчезла под водой. Мистер Греггс от испуга выронил метлу:

– Да, сэр?

– Что это значит?

– Прошу прощения, сэр... – промямлил несчастный Греггс. – Энди читает мне, пока я убираюсь. А когда он убирается – я ему читаю.

– Кто его научил?

– Он сам подсмотрел, сэр. Я... я ему даю свою газету, чтобы он не болтал столько. Он все время хотел разговаривать, сэр. Тогда я подумал: пусть хотя бы научится говорить, как в газетах пишут.

– Энди! – позвал сэр Уиггэм.

Из воды высунулась черная голова.

– Да, сэр, – заскрипела саламандра.

– Вот профессор Петров пришел поглядеть на тебя.

– Приятно познакомиться, сэр. Мое имя Энди Шейхцер.

– А откуда ты знаешь, что тебя зовут Andrias Scheuchzeri?

– Вот тут написано, сэр: Andrias Scheuchzeri, острова Гилберта.

– А газеты ты часто читаешь?

– Да, сэр. Каждый день, сэр.

– И что тебе в них интересно?

– Из зала суда. Скачки. Футбол...

– А ты когда-нибудь видел футбол?

– Нет, сэр.

– А лошадей?

– Не видел, сэр.

– А зачем ты тогда о них читаешь?

– Потому что об этом пишут в газетах, сэр.

– А политикой ты не интересуешься?

– Нет, сэр. А война будет?

– Этого никто не знает, Энди.

– В Германии строят подводные лодки нового образца, – озабоченно произнес Энди. – Лучи смерти могут превратить в пустыню целые континенты.

– Это все пишут в газетах, да? – спросил сэр Чарльз.

– Да, сэр. А кто победит в дерби в нынешнем году – Пелхэм-Бьюти или Гобернадор?

– А ты как думаешь, Энди?

– Гобернадор, сэр; но вот мистер Греггс считает, что Пелхэм-Бьюти. – Энди покачал головой. – Покупайте английское, сэр. Лучше нет подтяжек, чем подтяжки Снайдера. Приобрели ли вы уже новый шестицилиндровый «Танкред-Джуниор»? Быстрый, недорогой, элегантный.

– Спасибо, Энди. Этого достаточно.

– Какая киноактриса вам нравится больше всех?

Профессор Петров взъерошил волосы и почесал бороду.

– Простите, сэр Чарльз, – проворчал он, – но мне пора идти.

– Хорошо, пойдемте. Энди, ты не будешь возражать, если я пришлю к тебе несколько ученых джентльменов? Я думаю, они с интересом поговорили бы с тобой.

– Буду ждать с нетерпением, сэр, – проскрипела саламандра. – До свидания, сэр Чарльз. Будьте здоровы, профессор.

Профессор Петров почти бежал, раздраженно фыркая и бурча себе под нос.

– Простите, сэр Чарльз, – сказал он наконец, – но не могли бы вы показать мне какое-нибудь животное, которое не читает газет?

Упомянутыми учеными джентльменами оказались сэр Бертрам, доктор медицины, профессор Эббингэм, сэр Оливер Додж, Джулиан Фоксли и другие. Приводим отрывок из протокола их опыта с Андриасом Шейхцери.

– Как вас зовут?

– Эндрю Шейхцер.

– Сколько вам лет?

– Не знаю. Хотите молодо выглядеть? Носите корсет «Либелла».

– Какой сегодня день?

– Понедельник. Отличная погода, сэр. В эту субботу в Ипсومه победит Гибралтар.

– Сколько будет трижды пять?

– Что, простите?

– Вы считать умеете?

– Да, сэр. Сколько будет двадцать девять на семнадцать?

– Вопросы здесь задаем мы, Энди. Перечислите английские реки.

– Темза...

– А еще?

– Темза.

– Других вы не знаете, да? Кто правит Англией?

– Король Георг. Боже, храни короля.

– Отлично, Энди. Кто величайший английский писатель?

– Киплинг.

– Очень хорошо. Вы читали что-нибудь у Киплинга?

– Нет. Как вам нравится Мэй Уэст?

– Лучше мы будем вас спрашивать, Энди. Что вы знаете из истории Англии?

– Генрих Восьмой.

– Что вы о нем знаете?

– Лучший фильм последних лет. Прекрасная постановка. Великолепное зрелище.

– Вы его видели?

– Не видел. Хотите лучше познакомиться с красотами Англии? Купите «Форд-малютку».

– Что вам больше всего хотелось бы увидеть, Энди?

– Состязания в гребле между Кембриджем и Оксфордом, сэр.

– Сколько есть частей света?

– Пять.

– Очень хорошо. Перечислите их.

– Англия и все остальные.

– А какие это – остальные?

– Большевики и немцы. И еще Италия.

– Где находятся острова Гилберта?

– В Англии. Англия не станет связывать себе руки на континенте. Англии необходимы десять тысяч самолетов. Посетите южное побережье Англии.

– Можем ли мы посмотреть на ваш язык, Энди?

– Да, сэр. Чистите зубы пастой «Флит». Самая экономная, самая лучшая, английская. Хотите иметь свежее дыхание? Используйте пасту «Флит»!

– Спасибо, достаточно. А теперь скажите нам, Энди...

И так далее. Протокол разговора с Андриасом всего насчитывал шестнадцать страниц и был целиком опубликован в журнале The Natural Science. В конце протокола ученая комиссия сделала такие выводы из своего эксперимента:

1. Andrias Scheuchzeri, саламандра, содержащаяся в лондонском зоопарке, умеет говорить, хотя и несколько скрипучим голосом; ее словарный запас составляет примерно четыре-ста слов; сказать она может только то, что когда-либо слышал или читал. О самостоятельном мышлении в данном случае, безусловно, говорить не приходится. Его язык достаточно подвижен; осмотреть голосовые связки в данных обстоятельствах не было возможности.

2. Та же саламандра умеет читать; впрочем, только вечерние газеты. Она интересуется ровно теми же вещами, что и средний англичанин, и реагирует на них подобным же образом, то есть следует общепринятым, традиционным взглядам. Ее духовная жизнь, если, конечно, о ней в принципе можно говорить, – состоит исключительно из представлений и суждений, типичных для нашего времени.

3. Ее интеллект ни в коем случае не следует переоценивать, поскольку он ни в чем не превосходит интеллекта среднего человека – нашего современника.

Несмотря на это трезвое заключение экспертов, Говорящая Саламандра превратилась в сенсацию лондонского зоопарка. Милашка Энди теперь постоянно находился в окружении людей, желавших поговорить с ним о чем угодно – от погоды до экономического кризиса и политической ситуации. Он получал от своих посетителей столько шоколада и конфет, что неудивительно, что в конце концов тяжело заболел желудочным и кишечным катаром. Отделение саламандр после этого наконец закрыли для публики, но было уже поздно: Андриас Шейхцери, прославившийся как Энди, скончался, не вынеся бремени своей популярности. Увы, слава деморализует даже саламандр.

Глава 10

Праздник в Нове-Страшеци

Пан Повондра, привратник в доме Бонди, в этот раз проводил отпуск в своем родном городе. Приехал он как раз к храмовому празднику; когда пан Повондра вышел из дома, взяв с собой на прогулку восьмилетнего Франтика, все Нове-Страшеци пахли свежей выпечкой, а на улицах полно было женщин и молодых девушек, которые несли к пекарю свое тесто. На площади уже поставили свои ларьки два кондитера, один торговец стеклом и фарфоровой посудой и одна голосистая дама, торговавшая всевозможной галантереей. Кроме того, там установили шатер, со всех сторон закрытый брезентовыми полотнищами. Какой-то коренастый человек, стоя на стремянке, как раз прикреплял к шатру вывеску.

Пан Повондра остановился посмотреть, что здесь будет.

Тщедушный человечек слез с лесенки и удовлетворенно взглянул на вывеску. Пан Повондра с удивлением прочитал:

Тут пан Повондра вспомнил большого толстого господина в капитанской фуражке, которого он когда-то впустил к господину Бонди. «Доигрался, бедняга, – сердобольно подумал пан Повондра, – капитан – и вот колесит по свету с таким убогим цирком. А ведь был таким крепким, здоровым человеком! Надо бы заглянуть к нему», – решил пан Повондра в порыве жалости.

Щуплый человечек между тем повесил у входа в шатер еще одну надпись:

Пан Повондра заколебался. Две кроны и за мальчишку еще крона – это как-то слишком. Но, впрочем, Франтик хорошо учится, а ведь знакомство с животными далеких стран – это

тоже часть образования. К расходам на образование пан Повондра был готов и поэтому подошел к этому маленькому тощему человечку.

– Дружище, – сказал он, – как бы мне поговорить с капитаном ван Тохом?

Человек горделиво выпятил грудь, обтянутую тельняшкой.

– Капитан ван Тох – это я.

– Вы капитан ван Тох? – удивился пан Повондра.

– Да, это я, – повторил человечка и показал татуировку якоря на своем запястье.

Пан Повондра в растерянности заморгал глазами. Неужели капитан так ссохся? Возможно ли это?

– Дело в том, что я капитана ван Тоха знаю лично, – сказал он наконец. – Мое имя Повондра.

– А, ну так бы и говорили, – ответил человек в тельняшке. – Но эти саламандры действительно от капитана ван Тоха. Настоящие рептилии из Австралии. Извольте заглянуть, посмотреть на них. Как раз начинается большое представление! – засуетился он, приподнимая занавесь у входа.

– Пошли, Франтик, – сказал Повондра-отец и вошел внутрь. За маленький столик тут же уселась необычайно толстая и высокая дама. «Странная парочка!» – удивился пан Повондра, расставаясь с тремя кронами. Внутри шатра не было ничего, кроме несколько неприятного запаха и железной ванны с водой.

– А где ваши саламандры? – спросил пан Повондра.

– В ванне, где ж еще, – зевая, сказала толстая дама.

– Не бойся, Франтик, – сказал Повондра-отец и подошел к ванне.

В воде неподвижно лежало что-то черное, размером со старого сома, только кожа на его затылке немного поднималась и опять сдувалась.

– Ну вот, это та самая допотопная саламандра, о которой – помнишь? – много писали газеты! – назидательно произнес Повондра-отец, пытаясь ничем не выдать своего разочарования. («Опять меня обвели вокруг пальца, – думал он, – но мальчишке-то ни к чему об этом знать. Целых три кроны в трубу вылетели!»)

– Папа, а почему она в воде? – спросил Франтик.

– Потому что саламандры живут в воде, понимаешь?

– Папа, а что она ест?

– Рыбу ест и все такое, – отвечал Повондра-отец (ну, что-то же она есть должна).

– А почему она такая противная? – не отставал Франтик.

Пан Повондра не знал, что сказать, но тут в шатер как раз вошел маленький человечек.

– Прошу вас, дамы и господа! – хриплым голосом начал он.

– У вас что, только одна саламандра? – с упреком спросил пан Повондра. (Если были бы хотя бы две, – подумал он, – то, пожалуй, были бы в расчете, а так...»)

– Вторая сдохла, – ответил человечек. – Так вот, дамы и господа! Перед вами знаменитый Андрей, редкая и ядовитая рептилия с австралийских островов. У себя на родине он достигает человеческого роста и ходит на двух ногах. Эй, ты! – сказал он и ткнул прутом в то черное и безжизненное, что неподвижно лежало в ванне.

Черное зашевелилось и начало с трудом вылезать из-под воды. Франтик попятился, но пан Повондра крепко сжал его руку: не бойся, я тут, с тобой.

И вот оно стоит на задних лапах, а передними опирается о край ванны. Жабры на затылке судорожно бьются друг о друга, черная пасть с трудом ловит воздух. Обвисшая кожа ободрана до крови и усеяна язвами, круглые лягушачьи очи иногда как будто в приступе боли закрываются пленчатыми нижними веками.

– Как вы можете заметить, дамы и господа, – продолжал хрипеть человечка, – это животное живет в воде, поэтому у него есть жабры и легкие, которыми оно дышит, вылезая

на берег. На задних лапах у него по пять пальцев, на передних – по четыре, и оно умеет брать ими разные предметы. На!

Животное сжало прут в пальцах и протянуло его вперед, держа перед собой, подобно шутовскому скипетру.

– Еще оно может завязать узел на веревке, – объявил человек, взял у саламандры прут и дал ей грязную веревку.

Та какое-то время повертела ее в пальцах, а потом действительно завязала узел.

– А еще она умеет стучать в барабан и танцевать, – проквохтал человек и дал животному детский барабан и палочку.

Саламандра несколько раз ударила палочкой по барабану, крутя при этом верхней половиной тела, и наконец выронила палочку в воду.

– Ах ты тварь! – разозлился мужик и вытащил палочку из воды.

– А еще это животное, – торжественно возвысил он голос, – столь умно и талантливо, что способно говорить по-человечески. – Тут он захлопал в ладоши.

– Guten Morgen... – проскрипело животное, болезненно моргая нижними веками. – Добрый день.

Пан Повондра, можно сказать, перепугался, но на Франтика никакого особого впечатления это не произвело.

– Что надо сказать любезнейшей публике? – строго спросил хозяин саламандру.

– Приветствую вас, – поклонилась она; жабы ее судорожно сокращались.

– Willkommen. Benvenuti.

– Считать ты умеешь?

– Умею.

– Сколько будет шестью семь?

– Сорок два, – с трудом проквакала саламандра.

– Смотри, Франтик, – назидательно сказал Повондра-отец, – как хорошо она выучилась считать.

– Дамы и господа! – прокукарекал мужик. – Вы можете сами задавать вопросы!

– Ну, Франтик, спроси ее о чем-нибудь, – подзадоривал сына пан Повондра.

Франтик в смущении замаялся.

– Сколько... сколько будет девятью восемь? – выдавил он наконец, очевидно считая этот вопрос самым сложным из всех возможных.

Саламандра медленно поморгала веками.

– Семьдесят два.

– А какой сегодня день? – спросил пан Повондра.

– Суббота, – ответила саламандра.

Пан Повондра от удивления покачал головой:

– Надо же, совсем как человек! А как называется этот город?

Саламандра разинула пасть и закрыла глаза.

– Она уже устала, – поспешил объяснить человек. – Так что, что надо сказать почтеннейшей публике?

Саламандра поклонилась:

– Честь имею. Благодарю покорно. Прощайте. До свидания. – И тут же скрылась в воде.

– Удивительное... удивительное животное! – не переставал изумляться пан Повондра; но, поскольку три кроны – все же сумма солидная, тут же спросил: – А больше у вас тут ничего нет? Ну, чтобы можно было показать ребенку?

Человек, задумавшись, дергал себя за нижнюю губу.

– Нет, это все, – ответил он наконец. – Раньше у меня обезьянки были, но с ними вышло такое дело... – начал он объяснять как-то неуверенно. – Разве что – вот – могу показать вам мою жену. Она была когда-то самой толстой женщиной на свете. Марушка, подойди-ка!

Марушка с трудом поднялась с места.

– Что надо?

– Покажись вот этим господам, Марушка.

Самая толстая женщина на свете кокетливо склонила голову на плечо, высунула одну ногу вперед и приподняла юбку над коленом. Обнажился красный шерстяной чулок, а в нем – что-то разбухшее и мощное, как окорок.

– Объем ноги вверху – восемьдесят четыре сантиметра, – объяснял тощий человечка, – однако при нынешней конкуренции Марушка, увы, уже не самая толстая женщина на свете.

Пан Повондра потянул застывшего в изумлении Франтика к выходу из шатра.

– К вашим услугам, – раздался скрип из ванны. – Приходите еще. Auf Wiedersehen.

– Ну как, Франтик, – спросил пан Повондра, когда они вышли наружу, – все запомнил?

– Все, – кивнул Франтик. – Папа, а почему у этой тети красные чулки?

Глава 11

О человекоящерах

Безусловно, было бы преувеличением утверждать, что в то время ни о чем ином, кроме как о говорящих саламандрах, не говорили и не писали. Говорили и писали тогда и о будущей войне, об экономическом кризисе, о футбольном первенстве, о витаминах и о моде; однако же о говорящих саламандрах писали очень много – и, как правило, очень непрофессионально. Именно поэтому блестящий ученый профессор д-р Владимир Угер из университета города Брно опубликовал в газете «Лидове новины» статью, в которой указал на то, что предполагаемая способность Андриаса Шейхцери членораздельно говорить – то есть на самом деле повторять слова, подобно попугаю, – с научной точки зрения вовсе не так интересна, как некоторые другие вопросы, касающиеся этого особенного земноводного. Научные загадки Андриаса Шейхцери заключаются в совершенно ином: например, в том, откуда он взялся; где его прародина, в которой он пережил целые геологические периоды; почему столь долгое время он оставался неизвестным, если сейчас выясняется, что ареал его обитания – почти вся экваториальная область Тихого океана. Складывается впечатление, что в последнее время он необыкновенно быстро размножается; но откуда взялась эта поразительная воля к жизни в доисторическом существе третичного периода, которое до недавнего времени его существования имело полностью скрытый, то есть скорее всего крайне спорадический, если не топографически изолированный характер? Быть может, условия жизни для этой ископаемой саламандры изменились в биологически благоприятную сторону – вследствие чего для редкого реликта из времен миоцена наступила новая, необычайно успешная эпоха развития? В таком случае не исключено, что Андриас не только будет размножаться количественно, но и развиваться качественно, и в этом случае у нашей науки появится уникальная возможность содействовать мощным мутационным процессам *in actu* хотя бы у одного вида животных. Тот факт, что Андриас Шейхцери способен проскрипеть пару десятков слов и может выучиться нескольким трюкам – что кажется профанам проявлением некоего интеллекта, – с научной точки зрения вовсе не является чудом; чудесна, однако, та могучая воля к жизни, которая столь внезапно и ярко возродила закосневшее было существование вида, застывшего в своем развитии и практически уже вымершего. Обратите внимание на некоторые особенные обстоятельства: Андриас Шейхцери – единственная саламандра, живущая в море, и – что еще более бросается в глаза – единственный их вид, обитающий в абиссинско-австралийской области, в мифической Лемурии. Разве

не хочется сказать, что Природа теперь хочет вне плана и графика наверстать развитие одной из форм и возможностей жизни, которую она ранее в этой области обошла или не могла вполне прокормить? И вот еще: было бы странным, если бы в океанической области, которая расположена между ареалом обитания огромных японских саламандр и саламандр аллеганских, не нашлось бы никакого соединительного звена. Если бы Андриаса не было, мы должны были бы предполагать его существование именно в тех районах, где он и был обнаружен, – это выглядит так, будто бы он просто заполнил собой территорию, на которой в соответствии с географическими и эволюционными факторами и должен был обитать с незапамятных времен. Как бы то ни было, завершал профессор свою статью, на примере эволюционного воскресения саламандры из эпохи миоцена мы можем с пиететом и восхищением наблюдать за тем, что Дух Эволюции на нашей планете продолжает свою созидательную работу, которая далека от завершения.

Статья была опубликована, несмотря на не высказанное вслух, но решительное убеждение редакции, что подобные ученые рассуждения для газет, в сущности, не годятся. Вскоре профессор Угер получил следующее письмо от читателя:

*Милостивый государь,
в прошлом году я приобрел дом в Чаславе на площади. Осматривая дом, я нашел на чердаке ящик со старыми редкими, главным образом научными, книгами, среди которых были журнал «Гиллос», издаваемый Гыблом, за 1821–1822 годы, «Млекопитающие» Яна Сватоплука Пресла, «Основы естествознания или физики» Войтеха Седлачека, подшивка 19 томов популярного энциклопедического сборника «Крок» и 13 – журнала Чешского музея. В пресловском переводе «Рассуждений о катаклизмах земной коры» Кювье (1834 года издания) я нашел в качестве закладки вырезку из какой-то старой газеты, в которой повествовалось о неких странных ящерах. Когда я читал Вашу выдающуюся статью об этих загадочных саламандрах, я вспомнил о вырезке и отыскал ее. Думаю, она могла бы Вас заинтересовать, поэтому посылаю ее Вам, будучи истинным другом природы и благодарным Вашим читателем.*

*С совершеннейшим почтением,
Й. В. Найман*

На приложенной вырезке из газеты не было ни ее названия, ни указания на год; по типу шрифта и правописанию можно, однако, было определить, что она относилась к двадцатым или тридцатым годам девятнадцатого столетия; она столь пожелтела и обветшала, что прочесть напечатанное можно было уже с трудом. Профессор Угер чуть было не выбросил ее, однако все же был растроган ветхостью этого листочка и начал читать; минуту спустя он пробормотал: «Черт возьми!» – и в смятении поправил очки. Вот какой текст был на вырезке:

О Человѣкоящерахъ

Въ нѣкой иноземной газетѣ мы прочли, что нѣкій капитанъ аглицкаго военнаго корабля, возвратившись изъ дальнихъ странъ, сообщилъ объ удивительныхъ гадахъ, что были имъ найдены на одномъ маломъ островкѣ въ морѣ Австралійскомъ. На островѣ томъ есть озеро съ соленою водою, однако же съ моремъ не связанное и весьма труднодоступное. На ономъ озерѣ отдыхали капитанъ съ корабельнымъ лѣкаремъ, когда изъ озера явились твари навродѣ ящерицъ, однако ходящія на двухъ ногахъ, подобно людямъ, и размѣромъ съ морскую собаку, именуемую также Тюленемъ, послѣ чего начали вертѣться на берегу весьма забавнымъ и умильнымъ образомъ – будто танцуя. Капитанъ и лѣкаръ, выстрѣливши изъ ружей, добыли двухъ

этих животных. Тѣло у нихъ, какъ о томъ пишутъ, скользкое, безъ шерсти и какой-либо чешуи, такъ что они въ этомъ подобны Саламандрамъ. Наутро, пришедши за ними, они принуждены были изъ-за великаго смрада оставить тѣла на мѣстѣ и велѣли матросамъ забросить въ то озеро сѣти и добыть темъ самымъ нѣсколько этихъ чудищъ живыми. Опустошивъ озерцо, матросы перебили всѣхъ ящерицъ, числомъ великихъ, и лишь двѣ изъ нихъ доставили на корабль, рассказавши при томъ, что тѣло у нихъ ядовитое и жгучее, подобно крапивѣ. Послѣ чего помѣстили ихъ въ бочки съ морскою водою, дабы до Англiи довести живыми. Какъ вдругъ! Когда проплывали на кораблѣ островъ Суматра, плѣнныя ящерицы, сами вылезши изъ бочки и сами отворивши оконце въ трюмъ, въ ночи прыгнули въ море и исчезли. По свидѣтельству капитана, какъ и корабельнаго хирурга, твари то суть весьма удивительныя и хитрыя, а ходятъ они на двухъ ногахъ и при томъ чудно лаютъ и чмокаютъ, однако же человѣку отъ нихъ никакой опасности нѣтъ. Посему во истину по праву могли бы мы ихъ звать Человѣкоящерами.

Такими словами заканчивалась вырезка. «Черт возьми!» – повторял в волнении профессор Угер. Почему тут нет ни даты, ни названия газеты, из которой кто-то когда-то вырезал это? И что это была за иноземная газета, как звали некоего капитана, как именовался аглицкий корабль? И что за островок это был в море Австралийском? Неужели тогда люди не могли выражаться чуть точнее и – ну да, чуть более по-научному? Ведь это – исторический документ, которому цены нет!..

Островокъ въ море Австралийскомъ, допустимъ. Озеро съ соленою водою. Судя по описанію, это былъ коралловый островъ, атоллъ съ труднодоступной соленою лагуною: это самое подходящее мѣсто для того, чтобы подобное ископаемое животное могло сохраниться, никѣмъ не беспокоимое въ своей естественной резервации, въ изоляціи отъ среды болѣе зрѣлой съ точки зрѣнія эволюціи. Разумѣется, оно не могло тамъ особенно размножаться, поскольку не нашло бы въ этомъ озерцѣ достаточно пищи. Это ясно, – подумал профессор. – Животное, похожее на ящерицу, но безъ чешуи и ходящее на двухъ ногахъ, подобно людямъ: то есть или самъ *Andrias Scheuchzeri*, или иная саламандра, находящаяся съ нимъ въ близкомъ родствѣ. Допустимъ, что это былъ нашъ Андриасъ. Далѣе допустимъ, что эти чортовы матросы въ этомъ озерѣ его истребили, и лишь одна пара была живой доставлена на корабль; та пара, которая – какъ вдругъ! – у острова Суматры сбѣжала въ море. То есть прямо на экваторѣ, въ біологически весьма благопріятныхъ условіяхъ, въ средѣ, предоставляющей питаніе въ неограниченномъ количествѣ. Возможно ли, чтобы эта смѣна среды придавала міоценной саламандрѣ тотъ самый мощный эволюціонный импульсъ? Одно очевидно – она была привычна къ соленой водѣ; представимъ себѣ ея новое мѣсто обитанія какъ покойный, закрытый морской заливъ съ большими запасами пищи; что тогда будетъ? Саламандра, будучи перемѣщена въ оптимальные условія, начнетъ развиваться бурно, съ огромной жизненной энергіей. Такъ оно и было! – likoval ученый. – Саламандра съ неукротимой энергіей начинаетъ развиваться; упивается жизнью подобно маниаку; прекрасно размножается, ибо у ея яицъ и головастика въ новой средѣ нѣтъ естественныхъ враговъ. Она заселяетъ островъ за островомъ – хотя довольно странно, что въ процессѣ своей колонизации какіе-то острова будто перепрыгиваетъ. Въ общемъ, это типичный случай миграціи въ поискахъ пищи. И вотъ вопросъ: почему же она не развивалась раньше? Не связано ли съ этимъ то, что въ абиссинско-австралийской области неизвѣстны – или до сихъ поръ не были извѣстны – никакія виды саламандръ? Не произошли ли въ этой области въ эпоху міоцена какія-нибудь измѣненія, біологически не благопріятныя для саламандръ? Это возможно. Могъ, къ примѣру, появиться специфическій врагъ, который просто-напросто истребилъ саламандръ. Только на одномъ островкѣ въ закрытомъ озерцѣ саламандра изъ міоцена сохранилась – впрочемъ, расплатой за это было то, что ея развитіе остановилось, шествіе

по ступенямъ эволюціи замерло; это было подобно скрученной пружинѣ, которая не могла распрямиться. Не исключено, что у Природы были большіе планы на эту саламандру, она должна была развиваться всё дальше и дальше, подниматься выше и выше – кто знаетъ, до какихъ высотъ... (Профессор Угер при этой мысли почувствовал, как мурашки пробежали у него по спине: как знать, не должен ли был Андріась Шейхцери стать человѣкомъ эпохи миоцена!) Однако – какъ вдругъ! Это недоразвившееся животное внезапно попадаетъ въ новую, несравненно болѣе благоприятную среду; взведенная пружина эволюціи распрямляется – съ какой волей къ жизни, съ какимъ присущимъ міоцену размахомъ и цѣлеустремленностью Андріась возвращается на путь развитія! Какъ стремительно онъ наверстываетъ сотни тысячъ и миллионы лѣтъ, упущенныя имъ въ своей эволюціи! Возможно ли представить, чтобы онъ удовлетворился темъ уровнемъ развитія, котораго онъ достигъ сейчасъ? Станетъ ли финальной стадіей то мощное развитіе вида, которое мы наблюдаемъ сейчасъ, – или же онъ лишь стоитъ на порогѣ своей эволюціи и только намѣревается устремиться вверхъ – кто сейчасъ можетъ поручиться, до какихъ имѣнно высотъ?

Таковыми были мысли и гипотезы, которые профессор д-р Владимир Угер записывал, склонившись над пожелтевшей вырезкой из старой газеты, весь трепеща от интеллектуального восторга, свойственного первооткрывателям. «Напечатаю это в газете, – решил он, – ведь научные издания никто не читает. Пусть все знают, свидетелями какого великого деяния природы мы являемся! А название будет: „Есть ли у саламандр будущее?“»

Однако в редакции «Лидовых новин» взглянули на статью профессора Угера – и покачали головой. Опять эти саламандры! Мне кажется, что они у наших читателей уже в печенках сидят. Пора бы написать о чем-нибудь другом. В конце концов, таким ученым рассуждениям в газетах вовсе не место.

В результате статья о развитии и будущем саламандр вовсе не была опубликована.

Глава 12

Salamander-Syndicate

Председательствующий Г. Х. Бонди позвонил в колокольчик и встал.

– Уважаемое собрание, – начал он, – имею честь настоящим открыть внеочередное общее собрание акционеров Тихоокеанской экспортной компании. Я приветствую всех присутствующих и благодарю их за участие в нашем многолюдном собрании.

– Господа, – продолжил он взволнованным голосом. – На мне лежит печальная обязанность сообщить вам прискорбное известие. Капитана Яна ван Тоха больше нет. Скончался наш, если можно так выразиться, основатель, отец счастливой идеи завязать торговые отношения с тысячами островов далекого Тихого океана, наш первый капитан, коллега, преисполненный энтузиазма. Он умер в начале нынешнего года на палубе нашего корабля «Шарка» недалеко от острова Фаннинга, постигнутый апоплексическим ударом прямо на рабочем месте. («Должно быть, бедняга, устроил какой-нибудь скандал», – мелькнула мысль у пана Бонди.) Прошу вас встать и почтить его светлую память минутой молчания.

Присутствующие поднялись, громыхая стульями, и застыли в траурном молчании, охваченные одной и той же мыслью: не затянется ли общее собрание слишком надолго? («Дружище Вантох, бедняга, – искренне растрогавшись, думал Г. Х. Бонди, – что-то теперь с ним? Должно быть, его спустили в море на доске, ух как булькнуло, наверное! Ну что ж, славный был человек, и глаза у него были такие голубые...»)

– Благодарю вас, друзья, – коротко добавил он, – что вы с таким уважением отдали долг памяти капитана ван Тоха, моего друга. Я просил бы господина директора Волавку ознакомить вас с хозяйственными результатами, на которые ТЭК может рассчитывать в нынешнем году.

Это еще не окончательные цифры, но прошу вас не ждать, что к концу года они каким-то образом существенно изменятся. Пожалуйста, господин директор!

– Многоуважаемое собрание! – закурчал директор Волавка, и пошло-поехало. – Ситуация на рынке жемчуга весьма неудовлетворительна. После того как в прошлом году добыча жемчуга возросла почти в двадцать раз в сравнении с благоприятным для нас тысяча девятьсот двадцать пятым годом, началось катастрофическое падение жемчуга в цене – вплоть до шестидесяти пяти процентов. Потому правление решило, что вовсе не выпустит на рынок жемчуг, выловленный в нынешнем году, а будет его хранить до тех пор, пока спрос не возрастет. К несчастью, осенью прошлого года жемчуг вышел из моды – вероятно, потому, что столь существенно упал в цене. В нашем амстердамском филиале в настоящее время хранится более двухсот тысяч жемчужин, которые сейчас практически невозможно продать.

– Наоборот, в текущем году, – продолжал журчать директор Волавка, – добыча жемчуга значительно снизилась. Было необходимо отказаться от ряда месторождений, поскольку доходы от них не окупают стоимости поездок в эти места. Месторождения, открытые два или три года назад, как представляется, в той или иной степени исчерпаны. Поэтому правление приняло решение обратить внимание на иные дары морских глубин, к примеру кораллы, раковины и морские губки. Однако, хотя и удалось оживить рынок коралловых бус и иных украшений, эта конъюнктура пока что пошла на пользу прежде всего итальянским, а не тихоокеанским кораллам. Далее правление изучает возможность заняться интенсивным рыболовством в глубинах Тихого океана. В первую очередь, речь идет о способах доставки выловленной там рыбы на европейские и американские рынки; результаты проведенных исследований пока что не вполне удовлетворительные.

– В противоположность этому – продолжал директор, несколько повысив голос, – несколько возросли обороты в торговле различными побочными товарами – речь идет об экспорте на тихоокеанские острова текстиля, эмалированной посуды, радиоприемников и рукавиц. Эту торговлю можно и в дальнейшем развивать и углублять; уже в текущем году дефицит ее баланса будет относительно небольшим. Исключено, однако, чтобы в конце года ТЭК выплатила бы какие-либо дивиденды по своим акциям, поэтому правление заранее заявляет о том, что на этот раз отказывается от каких-либо вознаграждений или тантьем...

Наступило длительное и мучительное молчание. («Что это за остров Фаннинга? – думал Г. Х. Бонди. – Дружище Вантох, он умер как настоящий моряк. Жаль, жаль, славный был малый, и ведь совсем не старый... не старше меня...») Между тем слова попросил доктор Губка.

Далее следует *выписка из протокола внеочередного общего собрания акционеров Тихоокеанской экспортной компании:*

Д-р ГУБКА спрашивает, не идет ли случайно речь о ликвидации ТЭК.

Г. Х. БОНДИ отвечает, что правление приняло решение подождать предложений по этому вопросу.

Д-р М. Луи БОНАНФАН выражает упрек в том, что приемка жемчуга на месторождениях не производилась посредством постоянных представителей компании, которые контролировали бы, ведется ли добыча жемчуга достаточно интенсивно и на профессиональном уровне.

ДИРЕКТОР ВОЛАВКА отмечает, что этот вопрос обсуждался, однако была принята во внимание точка зрения, что это сильно увеличило бы расходы предприятия. Необходимо было бы принять в штат не менее трехсот агентов; кроме того, извольте задуматься над тем, каким образом можно контролировать этих самых агентов и выяснять, действительно ли они сдают весь найденный жемчуг.

М. Х. БРИНКЕЛЕР спрашивает, можно ли полагаться на саламандр относительно того, действительно ли они сдают весь найденный ими жемчуг, и не отдают ли они его кому-либо, кроме лиц, уполномоченных на то компанией.

Г. Х. БОНДИ констатирует, что на собрании впервые публично прозвучало упоминание о саламандрах. До сих пор в компании придерживались правила не указывать каких-либо подробностей о том, как именно производится добыча жемчуга. Он напоминает, что именно поэтому было избрано скромное название – Тихоокеанская экспортная компания.

М. Х. БРИНКЕЛЕР задает вопрос, действительно ли здесь воспрещено говорить о предметах, затрагивающих интересы компании, которые к тому же давно известны самой широкой общественности.

Г. Х. БОНДИ отвечает, что это не воспрещено, но является новшеством. Он приветствует тот факт, что отныне можно говорить об этом более открыто. На первый вопрос господина Бринкелера он может ответить, что, по его сведениям, нет никаких оснований сомневаться в полной порядочности саламандр, занятых на добыче жемчуга и кораллов, и в их пригодности к работе. Следует, однако, считаться с тем, что существующие месторождения жемчуга уже исчерпаны – или будут исчерпаны в ближайшем будущем. Если же говорить о новых месторождениях, то наш незабвенный коллега капитан ван Тох умер как раз в плавании к островам, не эксплуатировавшимся до сих пор. Пока что мы не можем заменить его человеком, который обладал бы подобным опытом и такой же безусловной порядочностью и любовью к своему делу.

ПОЛКОВНИК Д. У. БРАЙТ полностью признает заслуги покойного капитана ван Тоха. Он, однако, обращает внимание на то, что капитан, над кончиной которого все мы скорбим, слишком уж нежничал с упомянутыми здесь саламандрами. (*Одобрение.*) Не было никакой необходимости, например, в том, чтобы давать саламандрам столь высококачественные ножи и иные инструменты, как это делал покойный ван Тох. Не стоило тратить так много средств на их питание. Было бы можно существенно снизить расходы, связанные с содержанием саламандр, и тем самым увеличить доходы наших предприятий. (*Бурные аплодисменты.*)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Дж. ГИЛБЕРТ соглашается с полковником Брайтом, однако подчеркивает, что при жизни капитана ван Тоха подобные предложения невозможно было бы воплотить в жизнь. Капитан ван Тох утверждал, что у него имеются личные обязательства по отношению к саламандрам. По разным причинам не представлялось ни возможным, ни желательным каким-то образом нарушать пожелания старика.

КУРТ фон ФРИШ спрашивает, нельзя ли занять саламандр какой-то иной работой, быть может более прибыльной, чем добыча жемчуга. Следовало бы обратить внимание на их врожденные, так сказать, «бобриные» способности сооружать плотины и иные постройки под водой. Вероятно, их можно было бы использовать для углубления гаваней, постройки молов и решения иных технических задач в воде.

Г. Х. БОНДИ сообщает, что правление интенсивно обсуждает этот вопрос; безусловно, тут открываются большие перспективы. Он указывает, что число саламандр, находящихся в собственности компании, в настоящее время достигает приблизительно шести миллионов; поскольку, как известно, пара саламандр порождает в год около ста головастика, то в будущем году у нас уже может быть до трехсот миллионов саламандр, а в течение десяти лет

их число возрастет до показателей прямо-таки астрономических. Г. Х. Бонди спрашивает, что компания собирается делать с таким огромным количеством саламандр, которых уже сейчас на их переполненных саламандровых фермах необходимо подкармливать копррой, картофелем, кукурузой и т. п.

КУРТ фон ФРИШ спрашивает, годятся ли саламандры в пищу.

Дж. ГИЛБЕРТ: вовсе нет. Точно так же и их кожа ни к чему не пригодна.

М. БОНАНФАН задает правлению вопрос, что оно все же намерено предпринять.

Г. Х. БОНДИ (*встает*): Милостивые государи, мы созвали это внеочередное общее собрание с той целью, чтобы открыто высказать вам свои опасения относительно крайне неблагоприятных перспектив нашей компании, которая, если будет позволено мне напомнить, в прошлые годы с гордостью выплачивала дивиденды в размере от двадцати до двадцати трех процентов, не говоря уже о хорошо обеспеченных резервных фондах и различных отчислениях. Теперь мы стоим на перепутье. Тот способ ведения дел, который зарекомендовал себя в прошлые годы, практически исчерпал себя, у нас нет иного выбора, кроме поиска новых путей. (*Выкрики с мест: «Правильно!»*)

Я бы назвал знаком судьбы, что именно в эту минуту нас покинул наш замечательный капитан и друг Я. ван Тох. С его личностью была связана романтическая, красивая и – честно говоря – несколько сумасбродная идея открыть торговлю жемчугом. Я считаю ее закрытой главой в истории нашей компании. Она обладала своим, так сказать, экзотическим очарованием, однако не соответствовала реалиям нашего времени. Господа, жемчуг никак не может быть предметом грандиозного, разветвленного по вертикали и горизонтали бизнеса. Лично для меня вся эта история с жемчугом была лишь небольшим... развлечением. (*Шум в зале.*) Да, господа, но таким развлечением, которое и вам, и мне приносило неплохие барыши! Кроме того, на заре работы нашего предприятия саламандры обладали неким – как бы это сказать? – очарованием новизны. Однако триста миллионов саламандр этого очарования уже будут лишены. (*Смех в зале.*)

Я сказал – новые пути. Пока был жив мой добрый друг капитан ван Тох, нельзя было помыслить о том, чтобы наше предприятие приобрело иной характер, чем тот, который я назвал бы стилем капитана ван Тоха. (*Выкрик с места: «Почему?»*) Потому что у меня слишком хороший вкус, чтобы смешивать различные стили. Стил капитана ван Тоха – это, как бы выразиться, стиль приключенческих романов. Это был стиль Джека Лондона, Джозефа Конрада и прочих. Старый экзотический, колониальный, почти героический стиль. Я не отрицаю, что он своим способом обольщал меня. Однако после кончины капитана ван Тоха мы не имеем права продолжать эту авантюрную подростковую эпопею. То, что нам предстоит, – не является новой главой. Это новая концепция, господа, это задача для нового и совершенно иного творческого воображения. (*С места: «Вы говорите об этом как о романе!»*) Да, уважаемый, вы правы. Коммерция интересуется меня как художника. Без известного вдохновения вы не изобретете ничего нового. Мы должны быть поэтами, если хотим, чтобы этот мир продолжал вертеться. (*Аплодисменты.*)

Г. Х. БОНДИ (*с поклоном*): Господа, я с жалостью закрываю предыдущую – как бы выразиться? – вантоховскую главу. В ней мы изжили то, что оставалось детского и авантюрного в нас самих. Пора заканчивать с этими

жемчужно-коралловыми сказками. Господа, Синдбад-мореход мертв. Вопрос: что дальше? (*С места: «Мы вас об этом и спрашиваем!»*) Хорошо, уважаемый: извольте взять карандаш и записывать. Шесть миллионов. Записали? Теперь умножьте на пятьдесят. Это триста миллионов, не так ли? А теперь еще раз умножьте на пятьдесят. Пятнадцать миллиардов получается, да? А теперь, господа, любезно прошу у вас совета – что нам спустя три года делать с пятнадцатью миллиардами саламандр? Чем мы их займем, как мы их прокормим и так далее. (*С места: «Да пусть они передохнут!»*) Ну да, но разве не жаль? Не содержит ли каждая саламандра в себе некую экономическую ценность – ценность рабочей силы, – которая ожидает своего использования? Господа, с шестью миллионами саламандр мы еще можем как-то управляться. С тремя сотнями миллионов это будет труднее. Но пятнадцать миллиардов, господа, – пятнадцать миллиардов нас просто захлестнут с головой. Саламандры сожрут нашу компанию. Да, господа, это так. (*Выкрики с мест: «Тогда вы ответите за это! Это вы начали всю эту возню с саламандрами!»*)

Г. Х. БОНДИ (*гордо подняв голову*): Я, господа, полностью принимаю на себя эту ответственность. Желающие могут избавиться от акций Тихоокеанской экспортной компании прямо сейчас. Я готов выплатить за каждую акцию... (*«Сколько?!»*) Полную стоимость! (*Волнение в зале. Президиум объявляет десятиминутный перерыв.*)

После перерыва слово просит Х. БРИНКЕЛЕР. Он выражает удовлетворение в связи с тем, что саламандры столь интенсивно размножаются, поскольку тем самым увеличиваются активы компании. В то же время, господа, было бы величайшей глупостью выращивать их задаром; если у нас самих нет для них подходящей работы, то я от имени группы акционеров предлагаю просто продавать их в качестве рабочей силы любым желающим, которые хотели бы осуществлять какие-либо работы в воде или под водой. (*Аплодисменты.*) Ежедневные расходы на питание саламандры составляют несколько сантимов; если продавать пару саламандр, скажем, за сто франков и если рабочая саламандра сможет прожить после этого, допустим, хотя бы год, то любому предпринимателю подобная инвестиция окупится с лихвой. (*Возгласы одобрения в зале.*)

Дж. ГИЛБЕРТ уточняет, что саламандры достигают значительно большего возраста, чем один год; на самом деле у нас еще нет достаточных опытных данных о том, как долго они живут.

Х. БРИНКЕЛЕР уточняет свое предложение в том смысле, что в таком случае цена одной пары саламандр могла бы составлять триста франков с доставкой в порт.

С. ВАЙСБЕРГЕР спрашивает, какие работы могли бы в принципе выполнять саламандры.

ДИРЕКТОР ВОЛАВКА: Благодаря своим врожденным инстинктам и необычайной технической сметке саламандры годятся в особенности для строительства плотин, дамб и волнорезов, для углубления портов и проливов, устранения мелей и наносов ила и очистки водных путей сообщения. Они также могут укреплять и регулировать морские берега, расширять пространства, занятые сушей, и тому подобное. Во всех этих случаях речь идет о коллективных работах, требующих привлечения сотен и тысяч работников, – о работах столь масштабных, что люди не отваживаются на них даже при

наличии современной техники до тех пор, пока у них не будет необычайно дешевой рабочей силы. (*Выкрики: «Верно! Превосходно!»*)

Д-р ГУБКА указывает, что продажей саламандр, которые, вероятно, будут размножаться и на новых местах своего обитания, компания утратит свою монополию на них. Он предлагает не продавать, а лишь сдавать в аренду предпринимателям, занимающимся строительными работами в воде, трудовые дружины специально обученных и квалифицированных саламандр, с условием, что их возможный помет будет оставаться в собственности компании.

ДИРЕКТОР ВОЛАВКА указывает на то, что невозможно уследить за миллионами или миллиардами саламандр, живущих в воде, а тем более – за их потомством; к сожалению, множество саламандр уже было украдено и объявилось в зоологических садах или зверинцах.

Полковник Д. У. БРАЙТ: Необходимо продавать или же сдавать в аренду исключительно саламандр-самцов, чтобы они не могли размножаться нигде, кроме саламандровых инкубаторов и ферм, находящихся в собственности компании.

ДИРЕКТОР ВОЛАВКА: Мы не можем утверждать, что эти фермы находятся в собственности компании. Нельзя приобрести или арендовать участок морского дна. Юридический вопрос о том, кому, в сущности, принадлежат саламандры, живущие в суверенных водах, например, ее величества королевы Нидерландов, весьма неясен и может вызвать много споров. (*Волнение в зале.*) В большинстве случаев мы не обеспечили себе даже права рыболовства. Господа, мы открывали свои саламандровые фермы на тихоокеанских островах, по сути, нелегально. (*Шум в зале усиливается.*)

Дж. ГИЛБЕРТ отвечает полковнику Брайту: в соответствии с полученным опытом, одинокие саламандры-самцы спустя некоторое время теряют жизненную силу и трудоспособность, становятся ленивыми, ко всему безразличными и часто гибнут от тоски.

ФОН ФРИШ спрашивает, нельзя ли было бы поставляемых на рынок саламандр сперва кастрировать или стерилизовать.

Дж. ГИЛБЕРТ: Это было бы слишком затратно; мы просто-напросто не можем никак воспрепятствовать тому, чтобы проданные саламандры не размножались.

С. ВАЙСБЕРГЕР, как член Общества охраны животных, требует, чтобы будущая продажа саламандр производилась гуманным образом, так, чтобы не оскорблять человеческие чувства.

Дж. ГИЛБЕРТ благодарит за это напоминание: разумеется, отлов и транспортировка саламандр будут поручены лишь обученному персоналу под надлежащим контролем. Мы, однако, не можем отвечать за то, каким образом будут обращаться с саламандрами предприниматели, которые их купят.

С. ВАЙСБЕРГЕР заявляет, что он удовлетворен разъяснением вице-председателя Дж. Гилберта. (*Аплодисменты.*)

Г. Х. БОНДИ: Господа, нам сразу необходимо отказаться от представления о том, что мы могли бы в будущем сохранить монополию на саламандр. К несчастью, в соответствии с действующим законодательством мы не можем оформить на них патент. (*Смех в зале.*) Свое привилегированное положение на рынке саламандр мы, однако, можем – и должны – обеспечить другим способом. Для этого, впрочем, есть одно необходимое условие

– мы должны сменить стиль нашей работы и развернуть ее в гораздо большем масштабе, нежели сейчас. (*С места: «Верно!»*) Здесь передо мной, господа, целая пачка предварительных договоров. Правление предлагает создать новый, вертикальный трест под названием Salamander-Syndicate. Членами этого синдиката, помимо нашей компании, стали бы определенные крупные предприятия и мощные финансовые группы: к примеру, известный концерн, который будет производить по специальному патенту металлические инструменты для саламандр... (*С места: «Вы говорите о МЕАС?»*) Да, господа, я говорю о МЕАС. Кроме того, я говорю о химическом и пищевом картеле, который – опять-таки по специальному патенту – будет изготавливать дешевый корм для саламандр, о группе транспортных компаний, которая – используя уже накопленный нами опыт – берется запатентовать особые гигиенические емкости для перевозки саламандр, о группе страховых компаний, которые будут страховать купленных животных на случай увечья или гибели как во время перевозки, так и на их рабочих местах. Есть и иные промышленные, экспортные и финансовые компании, проявившие интерес к сотрудничеству, которых пока, по весьма серьезным причинам, я называть не буду. Достаточно будет сказать вам, господа, что этот синдикат располагал бы стартовым капиталом в четыреста миллионов фунтов стерлингов. (*Волнение в зале.*) И вот эта папка, дорогие друзья, набита договорами, – достаточно только поставить под ними подписи, чтобы возникла одна из крупнейших коммерческих организаций современности. Правление просит вас, господа, предоставить ему необходимые полномочия для создания этого гигантского концерна, целью которого будет рациональное разведение и эксплуатация саламандр. (*Аплодисменты и выкрики протеста.*)

Господа, прошу вас обратить внимание на преимущества подобного сотрудничества. Саламандровый синдикат будет поставлять не только саламандр, но и любые инструменты и корм для них, то есть кукурузу, крахмал, говяжье сало и сахар для миллиардов животных, которых мы будем подкармливать; а кроме того, транспорт, страхование, ветеринарный надзор и прочее, и прочее, причем по самым низким ценам, что обеспечит нам если не монополию, то по крайней мере подавляющее превосходство над любыми возможными конкурентами, которые захотели бы торговать саламандрами. Пусть кто-нибудь только попробует с нами посоревноваться, господа, – долго он не протянет. (*С места: «Браво!»*) Но это еще не все. Синдикат будет поставлять все строительные материалы для работ в воде, которые будут осуществлять саламандры; вот почему за нами стоит и тяжелая промышленность, цемент, строительная древесина и кирпич... (*С места: «Но вы еще не знаете, как саламандры будут работать!»*) Господа, в этот самый момент двенадцать тысяч саламандр в порту Сайгона занимаются сооружением новых доков, бассейнов и молов. (*С места: «Вы нам об этом не говорили!»*) Нет, не говорил. Это первый наш опыт использования саламандр в промышленных масштабах. И этот опыт, господа, принес совершенно удовлетворительные результаты. Блестящее будущее саламандр сегодня обеспечено – вне всяких сомнений. (*Бурные аплодисменты.*) Но и это, господа, не все. Этим задачи саламандрового синдиката вовсе не исчерпываются. Salamander-Syndicate по всему миру будет искать работу для миллионов саламандр. Он станет разрабатывать планы и идеи покорения моря. Он будет пропагандировать утопии и величественные мечты, будет

предлагать проекты новых берегов, каналов и плотин, соединяющих между собой континенты, планы сооружения целых цепочек искусственных островов для трансокеанской авиации, новых земель, воздвигнутых посреди океанов. В этом – будущее человечества. Господа, четыре пятых земной поверхности покрыты морем; безусловно, это чересчур много; необходимо изменить поверхность нашего мира, перекроить карту морей и суши. Мы, господа, дадим свету морских рабочих. Нет, не в стиле капитана ван Тоха; приключенческую повесть о жемчуге сменит торжественный гимн труда. Или мы останемся лавочниками, или станем творцами; но если мы не будем мыслить в категориях континентов и океанов, то мы не используем своих возможностей. Здесь, например, говорили о том, по какой цене продавать парочку саламандр. А мне бы хотелось, чтобы мы рассуждали о миллиардах саламандр, о многих миллионах рабочей силы, о перемещении земной коры, о новом сотворении мира и новых геологических периодах. Мы можем говорить теперь о будущих Атлантидах, о старых континентах, которые все больше и больше будут разрастаться, поглощая Мировой океан, о новых мирах, которые создаст само человечество, – простите, господа, если все это кажется вам утопией. Да, мы действительно вступаем во владения Утопии. Мы уже в ней, дорогие друзья. Нам остается лишь разрешить технические вопросы, связанные с будущим саламандр... *(Из зала: «И экономические!»)* Да. В особенности экономические. Господа, наша компания слишком мала, чтобы самостоятельно эксплуатировать миллиарды саламандр, у нас не хватит на это ресурсов – ни финансовых, ни политических. Если начнут меняться карты морей и суши – интерес к этому проявят и великие державы. Но об этом мы тут говорить не будем, не будем упоминать о высокопоставленных деятелях, которые уже сейчас весьма благосклонно относятся к синдикату. Мы, однако, просим вас, господа, чтобы вы не забывали о гигантском размахе и далеко идущих последствиях того дела, отношение к которому вы сейчас выразите голосованием. *(Бурные, продолжительные аплодисменты, выкрики: «Великолепно! Браво!»)*

Перед голосованием, однако, необходимо было пообещать, что по акциям Тихоокеанской экспортной компании в этом году будут выплачены дивиденды в размере хотя бы десяти процентов – за счет резервных фондов. После этого «за» голосовали владельцы восьмидесяти семи процентов акций, и лишь тринадцать процентов высказались против, вследствие чего предложение правления было принято. Salamander-Syndicate вступил в жизнь. Г. Х. Бонди принимал поздравления.

– Вы замечательно говорили, – хвалил его старик Сиги Вайсбергер, – просто замечательно. Но скажите, господин Бонди, как вам пришла в голову эта идея?

– Как? – рассеянно ответил Г. Х. Бонди. – По правде говоря, все дело тут в старике ван Тохе. Он так нянчился с этими саламандрами – и что бы он, бедняга, сказал, если бы мы истребили этих его tapa-boys или позволили им околоть!

– Каких tapa-boys?

– Да этих самых пройдох-саламандр. Теперь, по крайней мере, с ними будут прилично обращаться, раз уж они будут иметь какую-то цену. Кроме какого-нибудь фантастического предприятия, господин Вайсбергер, эти твари все равно ни к чему не годятся.

– Не понимаю, – ответил Вайсбергер. – А вы, господин Бонди, видели когда-нибудь живую саламандру? Я, собственно, вообще ничего про них не знаю. Скажите, пожалуйста, как они выглядят?

– Не могу вам сказать, господин Вайсбергер. Знаю ли я, каковы саламандры? А зачем мне это знать? Разве у меня есть лишнее время – выяснять, как они выглядят? Мне нужно радоваться, что нам удалось создать этот синдикат.

Приложение

О половой жизни саламандр

Одно из любимых занятий человеческого духа – представлять себе, как когда-нибудь в далеком будущем будет выглядеть наш мир и человечество, какие технические чудеса станут реальностью, какие социальные вопросы будут решены, как далеко продвинется наука и организация общества и так далее. Большая часть подобных утопий при этом не забывает весьма живо интересоваться вопросом о том, как в этом самом лучшем, более прогрессивном или по крайней мере более совершенном с технической точки зрения мире будет обстоять дело с таким хоть и древним, но по-прежнему весьма популярным институтом, каким является половая жизнь, размножение, любовь, брак, семья, женский вопрос и т. п. За примерами далеко ходить не надо – см. сочинения Поля Адама, Г. Дж. Уэллса, Олдоса Хаксли и многих других.

Обращаясь к этим примерам, автор считает своим долгом, раз уж он решил заглянуть в будущее земного шара, поведать также о том, как в этом самом будущем мире саламандр будет организована сексуальность. Он делает это прямо сейчас для того, чтобы позднее уже не возвращаться к этому вопросу.

Впрочем, в своих основных чертах половая жизнь Андриаса Шейхцери вполне соответствует принципам размножения иных хвостатых земноводных: речь не идет о совокуплении в полном смысле этого слова. Самка откладывает яйца в несколько этапов, оплодотворенные яйца в воде развиваются, превращаясь в головастиков и так далее; об этом можно прочесть в любой книжке по зоологии. Следует, однако, упомянуть о некоторых особенностях, которые в данной области были обнаружены у Андриаса Шейхцери.

В начале апреля, повествует Х. Больте, самцы и самки разбиваются на пары; в каждом сексуальном периоде самец, как правило, придерживается одной и той же самки и ни на шаг не отпускает ее от себя на протяжении нескольких дней. В это время он не принимает никакой пищи, в то время как самка, напротив, проявляет прямо-таки зверский аппетит. Самец гоняется за ней в воде, стараясь при этом, чтобы его голова как можно более плотно прижималась к ее голове. Если ему это удастся, он просовывает свою пасть прямо под ее нос – вероятно, чтобы помешать ей спастись бегством – и цепенеет в неподвижности. Вот так, касаясь друг друга только головами, в то время как туловища их образуют друг с другом угол примерно в тридцать градусов, оба животных плывут рядом почти без движения. Иногда самец начинает так сильно извиваться, что своими боками задевает бок самки, после чего он опять застывает – с широко расставленными задними лапами, лишь своей пастью касаясь головы своей избранницы, в то время как она равнодушно пожирает любую пищу, встречающуюся у нее на пути. Этот, если можно так выразиться, поцелуй длится несколько дней; иногда самке удается освободиться и устремиться за пищей, а самец – явно раздраженный и даже разъяренный – преследует ее. В конце концов самка отказывается от дальнейшего сопротивления, уже не убегает, и парочка снова начинает неподвижно парить в воде, напоминая черные, привязанные друг к другу полена. В этот момент по телу самца начинают пробегать судороги, и он выпускает в воду обильную, несколько липкую молоку. Сразу же после этого он отлепляется от самки и забирается поглубже в камни, обессиленный до крайней степени; в этот момент ему можно отрезать ногу или хвост – без какой-либо защитной реакции с его стороны.

Самка между тем какое-то время сохраняет свою застывшую, неподвижную позу; затем она прогибается всем телом, и из ее клоаки начинают выползать соединенные цепочкой яйца, окутанные солоноватой слизью; при этом она часто помогает себе задними лапами – подобно

тому, как это делают жабы. Яиц всего сорок или пятьдесят, они повисают на самке большим комком. Самка плывет с ними в защищенное место и прикрепляет их к водорослям, а иногда и просто к камням.

Спустя десять дней она откладывает вторую серию яиц – от двадцати до тридцати штук, причем происходит это без какой-либо предшествующей встречи с самцом; надо полагать, что эти яйца были оплодотворены прямо в ее клоаке. Еще через семь-восемь дней самка откладывает яйца в третий и в четвертый раз – на этот раз по пятнадцать – двадцать яиц, большинство из которых оплодотворены. Из них спустя самое раннее неделю, самое позднее – три вылупляются маленькие живые головастики с ветвеобразными жабрами. Уже через год эти головастики вырастают во взрослых саламандр, которые сами могут размножаться дальше.

Между тем мисс Бланш Кистемакер наблюдала содержащихся в неволе двух самок и одного самца вида Андриас Шейхцери и пришла к следующим заключениям. В период спаривания самец выбрал себе лишь одну из самок, преследуя ее повсюду довольно брутальным образом: когда она пыталась сбежать от него, он обрушивал на нее сильные удары своего хвоста. Ему не нравилось, когда она принимала пищу, и он оттаскивал ее от еды; было очевидно, что он хочет, чтобы она принадлежала только ему, и в погоне за этой целью он ее просто-напросто терроризировал. Выпустив наконец молоку, он набросился на другую самку с явным желанием сожрать ее; пришлось выгнать его из этой емкости и поместить в другую. Однако же оплодотворенные яйца – всего их было шестьдесят три – снесла и другая самка. При этом мисс Кистемакер отметила, что у всех трех животных в этот период края клоаки значительно опухли. Поэтому представляется, писала мисс Кистемакер, что оплодотворение у Андриаса происходит не путем спаривания и даже не через излияние молока, но посредством особого феномена, который, пожалуй, можно назвать половой средой. Как можно заметить, для оплодотворения нет необходимости даже в кратковременном сближении между парой животных. Это наблюдение вело молодую исследовательницу к продолжению любопытных экспериментов. Она отделила саламандр обоих полов друг от друга; когда же наступило подходящее время, выдавила из самца молоко и бросила их самкам в воду. После этого самки начали откладывать оплодотворенные яйца. В ходе следующего опыта мисс Бланш Кистемакер профильтровала молоко, и этот фильтрат, из которого она удалила сперматозоиды (он представлял собой прозрачную жидкость слабой кислотности), добавила в воду самкам; самки и в этом случае начали откладывать яйца – каждая около пятидесяти штук, причем большая их часть была оплодотворена и из этих яиц развились нормальные головастики. Именно этот опыт привел мисс Кистемакер к тому, чтобы сформулировать свою гипотезу о половой среде, которая представляет собой отдельное звено между партеногенезом и половым размножением. Оплодотворение яиц в данном случае происходит, попросту говоря, вследствие изменения химического состава среды (определенного окисления, причем искусственным путем необходимую для этого кислоту получить до сих пор не удалось), изменения, которое каким-то особым образом связано с половой функцией самца. Но в самой этой функции, собственно говоря, никакой необходимости нет. То, что самец сближается с самкой, – очевидно, не более чем атавизм, оставшийся в наследство от более древнего этапа развития, когда оплодотворение у Андриаса происходило так же, как и у всех других саламандр. Само по себе это соединение, как верно подчеркивает мисс Кистемакер, лишь некая унаследованная иллюзия отцовства; в действительности же самец даже не является отцом головастикам, а лишь определенным, по сути – совершенно безличным, химическим фактором, способствующим созданию половой среды, и вот эта-то среда является единственной оплодотворяющей силой. Если бы в одной емкости у нас содержалось сто пар саламандр вида Андриас Шейхцери, мы могли бы полагать, что в этой емкости происходит сто индивидуальных актов оплодотворения; в действительности же речь идет об одном, едином акте, а именно о коллективной сексуализации данной среды, или, если говорить точнее, об определенном окислении воды, на которое зрелые яйца Андриаса автоматически

реагируют тем, что начинают развиваться в головастиков. Если искусственным путем создать это неизвестное пока кислотное вещество, то самцы будут не нужны.

Таким образом, половая жизнь удивительного Андриаса кажется нам Большой Иллюзией; его эротическая страсть, его «супружество» и половая тирания, его временная верность, его тяжелое и медленное наслаждение – все это, на самом деле, действия лишние, устаревшие и почти символические, сопровождающие или, если можно так выразиться, украшающие акт оплодотворения, на самом деле – безличный и заключающийся в создании определенной оплодотворяющей сексуальной среды. Странное равнодушие самок, с которым они воспринимают бесцельное и лихорадочное «ухаживание» самцов, явно свидетельствует о том, что в этих ухаживаниях самки инстинктивно чувствуют всего-навсего формальность или прелюдию к собственно половому акту, в ходе которого они соединяются с оплодотворяющей средой; можно сказать, что самка Андриаса подобное положение дел понимает ясно и относится к нему довольно трезво, без эротических иллюзий.

Опыты мисс Кистемакер своими интересными экспериментами дополнил ученый аббат Бонтемпелли. Он высушил и размолот молоку Андриаса и насыпал ее в воду, где находились самки; самки и после этого принялись откладывать оплодотворенные яйца. Того же результата он добился, высушив и размолов половые органы Андриаса-самца, а также замочив их в спирте или когда вскипятил и вылил экстракт в емкость к самкам. С подобным же результатом он поставил опыт с экстрактом из гипофиза самца, а в конце концов – и с выделениями его подкожных желез, полученными в период спаривания. Во всех этих случаях самки сперва никак не реагировали на эти добавки; только спустя небольшое время они прекращали гоняться за пищей и застывали неподвижно – прямо-таки оцепенев – в воде, после чего через несколько часов начиналось извержение яиц, студенистых, величиной примерно с фасолину.

В связи с этим необходимо также упомянуть о странном обряде, так называемом танце саламандр (речь здесь не идет о Salamander-Dance, который в эти годы вошел в моду в особенности в высшем обществе и был назван епископом Хирамом «самым прелюбодейным танцем, о котором мне когда-либо рассказывали»): вечерами в полнолуние (кроме периода спаривания) Андриасы – но исключительно самцы – выходят на берег, садятся в круг и начинают особым волнообразным движением вращать верхней половиной тела. Подобные движения характерны для данных больших саламандр и при других обстоятельствах; однако при упомянутых «танцах» они отдаются этим движениям дико, страстно и до полного истощения сил, подобно пляшущим дервишам. Некоторые специалисты считали это безумное кружение и топтание на месте проявлением некоего культа Луны, то есть религиозным обрядом; иные, напротив, видели в нем танец по сути эротический, объясняя его как раз той особой организацией сексуальности, о которой уже говорилось выше. Мы упомянули о том, что у Андриаса Шейхцери собственно оплодотворяющим началом является так называемая сексуальная среда – как коллективный и безличный посредник между отдельными особями, самками и самцами. Также мы упомянули о том, что самки относятся к этим безличным половым отношениям гораздо более реалистично и бесхитростно, чем самцы, которые – вероятно, вследствие инстинктивного упрямства и воинственности – хотят сохранить по крайней мере иллюзию полового триумфа, играя поэтому в «ухажеров», а затем в супругов-собственников. Это одна из крупнейших эротических иллюзий, с которой любопытным образом борются как раз упомянутые большие «мальчишники» в виде плясок под луной, которые по сути, как утверждается, не что иное, как стремление осознать себя Коллективами Самцов. Посредством этого коллективного танца, как утверждается, преодолевается атавистическая и бессмысленная иллюзия полового индивидуализма самцов: крутящаяся, опьяненная, френетическая стая – не что иное, как Коллективный Семец, Коллективный Жених и Великий Совокупитель, который танцует свой торжественный брачный танец, предаваясь великому свадебному обряду, из которого удивитель-

ным образом исключены самки, которые в это самое время равнодушно шевелят челюстями, поедая рыбешку или каракатицу.

Знаменитый Чарльз Дж. Пауэлл, назвавший торжества саламандр Танцем Мужского Принципа, далее пишет: «Разве не заключается в этих коллективных обрядах самцов сам источник и корень удивительного коллективизма саламандр? Необходимо осознать, что настоящее единство в мире животных мы можем найти только там, где жизнь и развитие вида строятся не на брачной паре: у пчел, муравьев и термитов. Общность пчел можно выразить словами: Я, Материнский улей. Общность саламандр выражается иными словами: Мы, Мужской Принцип. Только все самцы, взятые вместе, которые в данный момент практически всем телом извергают из себя оплодотворяющую сексуальную среду, являются тем самым Великим Самцом, который и проникает в лоно самок и щедро преумножает жизнь. Их отцовство – коллективное, поэтому все их естество коллективно и проявляется в общем делании, в то время как самки, взявшие на себя кладку яиц, до следующей весны ведут более-менее разъединенную, одинокую жизнь. Коллектив образуют только самцы. Только самцы вместе решают общие задачи. Ни у какого из видов животных самки не играют столь второстепенную роль, как у Андриаса; они исключены из коллективного действия, да и оно само в них не заинтересовано. Их звездный час настает, когда Мужской Принцип насытит их среду кислотой, принцип действия которой вряд ли постижим в рамках одной лишь химии, но с биологической точки зрения столь действенной, что она выполняет свою функцию, даже будучи очень сильно разреженной морскими приливами и отливами. Словно бы сам Океан становится самцом, оплодотворяющим на своих берегах миллионы зародышей».

«Несмотря на всю горделивость, подобную петушиной, – пишет далее Чарльз Дж. Пауэлл, – природа у большинства видов животных наделила большей жизненной силой именно самок. Самцы существуют для собственного удовольствия и для того, чтобы убивать врагов; они самодовольные и хвастливые особи, в то время как самки являются воплощением самого вида в его силе и со всеми свойственными ему добродетелями. У Андриаса же (а частично и у человека) соотношение существенно иное; самцы, создавая солидарную общность, приобретают очевидное биологическое превосходство и определяют развитие вида в далеко большей степени, чем самки. Вероятно, именно из-за этого очевидно „мужского“ направления развития у Андриаса столь сильно развиты технические – то есть типично мужские – способности. Андриас – прирожденный техник, склонный к коллективным действиям; эти вторичные мужские половые признаки, то есть технический талант и организаторские способности, развиваются в нем прямо на наших глазах столь быстро и успешно, что нам следовало бы говорить о чуде природы, если бы мы не знали, сколь могущественным жизненным фактором являются именно половые мотивации. Andrias Scheuchzeri есть animal faber¹¹, и, вероятно, уже в ближайшее время он с технической точки зрения превзойдет и самого человека, – исключительно в силу того природного факта, что ему удалось создать сообщество, состоящее из одних самцов».

¹¹ Существо искусное (лат.). – Примеч. перев.

Книга вторая

По лестнице цивилизации

Глава 1

Пан Повондра читает газеты

Одни люди коллекционируют марки, другие – первопечатные книги. Пан Повондра, привратник в доме Г. Х. Бонди, долго не мог найти смысл своей жизни: многие годы он колебался между интересом к древним гробницам и страстью к международной политике. Однажды вечером, однако, ни с того ни с сего ему вдруг открылось то, чего до тех пор недоставало для полноты жизни. Великие открытия вообще обычно случаются ни с того ни с сего. В этот вечер пан Повондра читал газеты, пани Повондрава штопала Франтику чулки, а сам Франтик делал вид, будто зубрит левобережные притоки Дуная. Стояла уютная тишина.

– С ума можно сойти! – проворчал пан Повондра.

– От чего? – спросила его пани Повондрава, вдевая нитку в иголку.

– Да от саламандр этих, – ответил Повондра-отец. – Вот пишут, что за три последних месяца их продали семьдесят миллионов штук.

– А это много, да? – спросила пани Повондрава.

– Ну да. Это, мать, с ума сойти можно. Ты представь только, семьдесят миллионов! – пан Повондра покачал головой. – И ведь, наверное, эти люди заработали огромные деньги! А какая теперь пойдет работа! – помолчав с минуту, продолжил он. – Вот пишут, что повсюду просто с бешеной скоростью сооружают новую землю, острова, так что теперь люди могут понастроить материков столько, сколько им вздумается. Это, мать, большое дело. Я тебе скажу – это даже больший прогресс, чем открытие Америки.

Пан Повондра задумался над своими словами.

– Новая эра в истории, понимаешь? Вот так, мать, – мы живем в великую эпоху.

Опять наступило долгое уютное молчание. Внезапно Повондра-отец сильнее задымил своей трубкой.

– А ведь без меня ничего этого бы не было!

– Чего этого?

– Да этой торговли саламандрами. Всей этой новой эры. Честно говоря, ведь именно я все это устроил.

Пани Повондрава подняла взгляд от дырки в чулке:

– Это как это?

– А так, что именно я пропустил тогда того капитана к пану Бонди. Если бы я о нем не доложил, то капитан никогда бы с паном Бонди не встретился. Так что, мать, если бы не я, то ничего бы и не получилось. Вообще ничего.

– Капитан мог бы найти кого-нибудь другого, – возразила пани Повондрава.

Трубка Повондры-отца презрительно запыхтела.

– Что ты понимаешь! Никто, кроме Г. Х. Бонди, на это не способен. Да, он видит дальше, чем... чем не знаю кто. Другие решили бы, что капитан сошел с ума или хочет их надуть. А пан Бонди – вот каков! У него, голубушка, есть нюх! – Пан Повондра снова призадумался. – Этот самый капитан, как там его звали, Вантох, что ли, – он даже на капитана похож не был. Такой толстяк. Другой привратник ему сказал бы: дружище, вы куда, хозяина нет дома, и прочее; но я – у меня словно какое-то предчувствие появилось, вот как. «Доложу о нем, – подумал я, – пан Бонди, может быть, меня и отчитает, но я возьму грех на душу и доложу». Я всегда говорил

– у привратника должно быть особое чутье на людей. Иногда позвонит человек, весь из себя барон, а окажется – агент по продаже холодильников. А в другой раз придет смешной толстяк – и смотрите-ка, кем окажется! Нужно уметь разбираться в людях, – рассуждал Повондра-отец. – Видишь, Франтик, чего способен добиться человек, даже занимая подчиненное положение. Бери пример и старайся всегда исполнять свои обязанности добросовестно – точно так, как я. – Пан Повондра торжественно и растроганно кивнул головой. – Я мог не пустить этого капитана на порог, поленившись пройти туда-сюда по лестнице. Другой привратник так бы и поступил, захлопнул бы у него перед носом двери. И тем самым сорвал бы такой удивительный прогресс во всем мире. Франтик, запомни: если бы каждый человек на своем месте исполнял свой долг, жить на свете было бы здорово. И слушай внимательно, когда я тебе что-то говорю!

– Да, папа, – пробормотал Франтик с несчастным видом.

Повондра-отец откашлялся.

– Дай-ка мне ножницы, мать. Надо бы эту заметку вырезать, чтобы оставить о себе какую-нибудь память.

Вот так и вышло, что пан Повондра начал собирать вырезки о саламандрах. Именно его страсти коллекционера мы должны быть благодарны за множество материалов, которые иначе канули бы в бездну забвения. Он вырезал и хранил все, что находил в печати о саламандрах. Не будем скрывать, что после определенных колебаний он научился пользоваться для этих целей газетами в своем любимом кафе и достиг особой, почти волшебной виртуозности в том, чтобы незаметно вырвать из газеты страницу с каким-либо упоминанием о саламандрах и спрятать ее в карман прямо перед самым носом метрдотеля. Известно, что любой коллекционер готов на грабеж или убийство ради нового экспоната своей коллекции, причем это вовсе не бросает тень на его моральный облик.

Теперь его жизнь приобрела смысл, поскольку стала жизнью коллекционера. Каждый вечер он разбирал и перечитывал свои вырезки перед снисходительным взором пани Повондровой, которая знала, что любой мужчина – наполовину сумасшедший, наполовину малое дитя; пусть уж он лучше забавляется со своими вырезками, чем ходит в пивную и проигрывается в карты. Она даже выделила в комодке место для коробок, которые он сам изготовил для своей коллекции, – можно ли хотеть большего от жены и хозяйки?

Сам Г. Х. Бонди как-то при случае поразился энциклопедическим знаниям пана Повондры обо всем, касающемся саламандр. Пан Повондра, немного смущаясь, признался в том, что собирает все, что где-либо печатается о саламандрах, и показал господину Бонди свои коробки. Г. Х. Бонди благожелательно похвалил его коллекцию; что и говорить, только большие люди могут быть такими благосклонными, и только они умеют осчастливить других так, чтобы им это не стоило ни гроша: большие люди вообще хорошо устроены в этой жизни. Так, например, господин Бонди просто распорядился, чтобы Повондре из канцелярии синдиката присылали все вырезки о саламандрах, которые не требовались для архива, и с тех пор счастливый и при этом несколько удрученный пан Повондра каждый день получал кучу посылок с документами на всех языках мира; особенно благоговейное почтение внушали ему газеты, напечатанные кириллицей, греческим и еврейским алфавитом, по-арабски, по-китайски, по-бенгальски, по-тамилски, по-явански, по-бирмански или на языке таалик.

– Подумать только, – говорил он, рассматривая их, – ведь без меня ничего этого бы не было!

Как мы уже упоминали, коллекция пана Повондры сохранила множество исторических материалов обо всей этой истории с саламандрами. Этим, конечно, мы не хотим сказать, что она удовлетворила бы ученого-историка. Во-первых, пан Повондра, которому недоставало специального образования в области вспомогательных исторических дисциплин и архивного дела, не указывал у своих вырезок ни источника, ни даты, так что в большинстве случаев мы даже не можем выяснить, когда и где был опубликован тот или иной документ. Во-вторых, ввиду

избытка материала, который скапливался у пана Повондры, он сохранял главным образом длинные статьи, которые считал более важными, в то время как короткие заметки и телеграфные депеши просто-напросто выбрасывал в ящик с углем; вследствие этого у нас сохранилось слишком мало новостей и фактов обо всем этом периоде. В-третьих, в дело решительно вмешалась рука пани Повондровой: когда коробки пана Повондры угрожающе переполнялись, она без лишнего шума, тайно вытаскивала из них часть вырезок и сжигала их; это повторялось по нескольку раз в год. Щадила она только те вырезки, число которых не росло особенно быстро, – например, напечатанные малабарским, тибетским или коптским шрифтом; эти вырезки сохранились почти полностью, однако вследствие некоторых пробелов в нашем образовании от них проку мало. Материал по истории саламандр, попавший к нам в руки, таким образом, весьма отрывочен – примерно так же, как поземельные книги восьмого столетия нашей эры или собрание сочинений поэтессы Сафо. Лишь волей случая дошли до нас документы, касающиеся тех или иных фрагментов великого всемирно-исторического процесса, который мы, несмотря на все пробелы, постараемся объединить под заголовком «По лестнице цивилизации».

Глава 2

По лестнице цивилизации (История саламандр)

(*Cp. G. Kreuzmann, Geschichte der Molche. Hans Tietze, Der Molch des XX. Jahrhunderts. Kurt Wolff, Der Molch und das deutsche Volk. Sir Herbert Owen, The Salamanders and the British Empire. Giovanni Focaja, L'evoluzione degli anfibi durante il Fascismo. Léon Bonnet, Les Urodèles et la Société des Nations. S. Madariaga, Las Salamandras y la Civilización и мн. др.*)¹²

В той исторической эпохе, наступление которой Г. Х. Бонди провозгласил на приснопамятном общем собрании акционеров Тихоокеанской экспортной компании в своих пророческих словах о начинающейся утопии¹³, мы уже не можем мерить исторические процессы веками или десятилетиями, как это делалось во всей предшествующей истории человечества, но должны измерять время четвертыми частями года – потому что экономическая статистика публикуется именно ежеквартально¹⁴.

В те времена исторические события (если можно так выразиться) производились в крупных масштабах, поэтому темпы истории необычайно (предположительно – раз в пять) ускорились. Сейчас просто-напросто невозможно ждать несколько столетий, чтобы мир изменился к лучшему или к худшему. Например, Великое переселение народов, которое когда-то длилось несколько веков, при нынешней организации транспорта можно было бы осуществить всего-навсего за какие-нибудь три года – иначе оно стало бы убыточным. То же относится и к упадку и гибели Римской империи, покорению континентов, истреблению индейцев и так

---

¹² Г. Крейцман, История саламандр; Ганс Тие, Саламандра XX столетия; Курт Вольф, Саламандра и немецкий народ; сэр Герберт Оуэн, Саламандры и Британская империя; Джованни Фокаджа, Эволюция земноводных в эпоху фашизма; Леон Бонне, Земноводные и Лига наций; С. Мадариага, Саламандры и цивилизация.

¹³ См. «Война с саламандрами», книга I, глава 12.

¹⁴ Доказательством этого может служить самая первая вырезка из коллекции пана Повондры: На рынке саламандр (ЧТК)В соответствии с последним отчетом Salamander-Syndicate, опубликованным в конце квартала, продажи саламандр возросли на тридцать процентов. За три месяца было поставлено около 70 миллионов саламандр, прежде всего в Южную и Центральную Америку, Индокитай и Итальянское Сомали. В ближайшее время планируются работы по углублению и расширению Панамского канала, очистке порта в Гуаякиле и устранению мелей и рифов в Торресовом проливе. Только вышеназванные работы потребуют, согласно предварительным оценкам, перемещения девяти миллиардов кубических метров твердых пород. Сооружение тяжелых «авиационных островов» на линии Мадейра – Бермуды начнется, как ожидается, будущей весной. Продолжается засыпка моря землей на Марианских островах, находящихся под мандатом Японии, вследствие этого уже было получено восемьсот сорок тысяч гектаров новой, так называемой легкой суши между островами Тиниан и Сайпан. В связи с растущим спросом цена на саламандр остается весьма стабильной: Leading – 61, Team – 620. Запасов достаточно.

далее. Все это в наши дни можно было бы устроить несоизмеримо быстрее – если доверить дело предпринимателям, обладающим достаточным капиталом. В этом смысле грандиозный успех Salamander-Syndicate и его огромное влияние на мировую историю, безусловно, указывает светлый путь потомкам.

Таким образом, история саламандр с самого начала характеризуется хорошей и разумной организацией. Главная, однако не единственная, заслуга в этом принадлежит синдикату; необходимо, конечно, признать, что немалую роль в огромном росте популяции и прогрессе саламандр сыграли и наука, просвещение, филантропия, печать и иные факторы. Однако именно Salamander-Syndicate буквально день за днем завоевывал для саламандр новые континенты и берега, преодолевая на этом пути многочисленные препятствия, тормозившие эту экспансию¹⁵. По квартальным отчетам синдиката можно проследить, как саламандры постепенно заселяют индийские и китайские порты, как их колонизация охватывает побережье Африки и могучим прыжком добирается до Американского континента, где вскоре в Мексиканском заливе возникают новые, самые современные инкубаторы для саламандр, как наряду с этими мощными волнами колонизации небольшие группы саламандр высылаются в разные места – как авангард будущего экспорта. Так, например, синдикат отправил в качестве подарка голландскому Ватерстату¹⁶ тысячу первоклассных саламандр; городу Марселю в дар передали шестьсот саламандр для очистки Старой гавани, и тому подобное. Проще говоря, в отличие от истории заселения земного шара людьми, колонизация его саламандрами развивалась планомерно и в огромных масштабах. Если бы это дело было предоставлено природе, она, конечно, растянулась бы на века и тысячелетия, – что поделать, природа никогда не была столь предприимчивой и целеустремленной, как производство и торговля в человеческом обществе. Надо полагать, что бурный спрос оказал влияние и на плодовитость саламандр – в результате средняя производительность самки повысилась до ста пятидесяти головастиков в год. Определенная регулярная убыль саламандр, виной которой были акулы, вскоре почти вовсе сошла на нет, поскольку саламандры были вооружены подводными пистолетами с пулями дум-дум для защиты от морских хищников¹⁷.

Распространение саламандр, конечно, не всюду шло гладко. Кое-где консервативные круги резко протестовали против ввоза новой рабочей силы, усматривая в саламандрах недобросовестную конкуренцию с человеческим трудом¹⁸. Некоторые высказывали опасения, что

¹⁵ Примером таких препятствий может служить, например, вот это сообщение, вырезанное из газеты без указания даты: Англия закрывается для саламандр? («Рейтер») Сэр Сэмюэл МанDEVиль, отвечая на вопрос члена палаты общин Дж. Лидса, заявил сегодня, что Кабинет его величества закрыл Суэцкий канал для всех судов, перевозящих саламандр, а также отметил, что Кабинет не допустит того, чтобы саламандры привлекались к работам на побережьях британских островов или в суверенных британских водах. Причиной этих мер, как заявил сэр Сэмюэл, является как забота о безопасности британской территории, так и необходимость соблюдать давно действующие законы и договоры о борьбе с работорговлей. В ответ на вопрос депутата парламента Б. Рассела сэр Сэмюэл уточнил, что это решение не распространяется на британские доминионы и колонии.

¹⁶ Ватерстат (Waterstaat, голл.) – голландское правительственное учреждение при министерстве публичных работ, имеющее главное наблюдение над дамбами, плотинами, земляными валами и водоотливными машинами, устроенными с целью защиты низменностей от наводнений. – Примеч. перев.

¹⁷ Для этих целей почти повсеместно использовались пистолеты, изобретенные инженером Мирко Шафранеком, которые производил оружейный завод «Збройовка» из Брно.

¹⁸ Ср. сообщение агентства «Гавас» Забастовочное движение в Австралии. Лидер австралийских тред-юнионов Гарри Макнамара объявил всеобщую забастовку всех работников портов, транспортных, энергетических и иных компаний. Профсоюзные организации требуют, чтобы ввоз саламандр-работников в Австралию был жестко квотирован в соответствии с иммиграционным законодательством. Напротив, австралийские фермеры добиваются того, чтобы импорт саламандр был облегчен, поскольку в связи с необходимостью их кормить значительно растет спрос на местную кукурузу и животные жиры, в особенности овечьи. Правительство стремится к компромиссу; Salamander-Syndicate предлагает выплачивать тред-юнионам шесть шиллингов за каждую доставленную в Австралию саламандру. Кабинет готов гарантировать, что саламандры будут трудоустроены исключительно на водных работах и что (в целях охраны общественной нравственности) не будут высовываться из воды более чем на 40 см (то есть по грудь). Профсоюзы, однако, настаивают на 12 см, а также требуют выплачивать им по 10 шиллингов за каждую саламандру, не считая регистрационного сбора. Вероятнее всего, будет заключен компромисс, который придется оплатить из государственной казны.

саламандры, питаясь мелкими представителями морской фауны, создадут угрозу для рыболовства; иные, в свою очередь, утверждали, что они подрывают берега и острова своими подводными норами и ходами. Честно говоря, было достаточно тех, кто прямо предупреждал об опасностях использования саламандр; такое, однако, происходит постоянно – любая новизна и прогресс наталкивается на сопротивление и недоверие. Так было с заводскими машинами, это же повторилось и с саламандрами.

В некоторых местах возникали недоразумения иного свойства¹⁹. Однако благодаря энергичному содействию мировой печати, верно оценившей как гигантские возможности торговли саламандрами, так и прибыльность крупных рекламных объявлений, с нею связанных, внедрение саламандр во всех частях света было по большей части встречено с живым интересом и даже с воодушевлением²⁰.

Торговля саламандрами сосредоточивалась главным образом в руках Salamander-Syndicate, который использовал свои специально для этих целей построенные наливные суда. Центром торговли и неким подобием саламандровой биржи стала Salamander-Building в Сингапуре²¹.

¹⁹ Ср. любопытный документ из коллекции пана Повондры: Саламандры спасли 36 утопающих (от нашего специального корреспондента). Мадрас, 3 апреля. Пароход «Индиан Стар» столкнулся в местном порту с баркасом, перевозившим около сорока туземцев. Баркас сразу же потонул. Прежде чем можно было отправить для спасения утопающих полицейский катер, на помощь поспешили саламандры, работавшие на очистке порта от грязи, и доставили на берег тридцать шесть потерпевших бедствие. Одна из саламандр лично вытащила из воды трех женщин и двоих детей. В награду за свой мужественный поступок саламандры получили письменную благодарность от местных властей в непромокаемом футляре. Между тем туземное население крайне возмущено тем, что саламандрам было позволено прикасаться к тонувшим представителям высших каст. Местные жители считают саламандр нечистыми и неприкасаемыми. В порту собрались несколько тысяч туземцев, требовавших изгнать саламандр из порта. Полиция, однако, не допустила беспорядков; в столкновениях погибли только три человека, еще сто двадцать задержаны. К десяти часам вечера спокойствие было восстановлено. Саламандры продолжают работать.

²⁰ См. следующую весьма любопытную заметку, к сожалению на неизвестном языке и вследствие этого непереводам: SAHT NA KCHRI TE SALAAMANDER BWTAT Saghr gwan t'lap ne Salaam Ander bwtati og t'cheni berchi ne Simbwana m'bengwe ogandi s'kh na mod'mod' opwana Salaam Ander sri m'oana gwen's. Og di limbw, og di bwtar na Salaam Ander kchri p'che ogandi p'we o'gwandi te ur masw'ali s'kh? Na, ne ur lingo t'Isamli kcher oganda Salaam Andriaa ashti. Bend op'tonga kchri Simbwana m'edh, salaam!

²¹ Приведем подробное и объективное описание этой торговли, подписанное шифром «Е. w.» и датированное 5 октября: Подобные сообщения читатели ежедневно могут найти в экономическом разделе своей любимой газеты среди депеш о цене хлопка, олова или пшеницы. Известно ли вам, однако, что означают эти загадочные числа и слова? Конечно же, это торговля саламандрами, называемая также S-Trade; но как выглядит такая торговля в реальности – об этом большинство читателей не имеет достаточно ясного представления. Возможно, они воображают себе огромный рынок, кишущий тысячами и тысячами саламандр, по которому прогуливаются покупатели в пробковых шляпах и тюрбанах, осматривают выставленный товар и наконец показывают пальцем на хорошо развитую, здоровую, молодую саламандру, говоря при этом: «Почем у вас вот эта?» В действительности торговля саламандрами выглядит совершенно иначе. В мраморном здании S-Trade в Сингапуре вы не встретите ни одной саламандры – только проворных и элегантных служащих в белых костюмах, принимающих распоряжения по телефону: «Да, сэр, Leading идет по шестьдесят три. Сколько? Двести штук? Слушаюсь, сэр! Двадцать Heavy, сто восемьдесят Team. О'кей, вас понял. Доставка через пять недель. Right? Thank you, sir». Весь дворец S-Trade наполнен телефонными звонками, он похож скорее на большой офис или банк, чем на рынок; и все же это белое здание благородной архитектуры с ионическими колоннами вдоль фасада – более космополитический рынок, чем базар в Багдаде во времена Гаруна ар-Рашида. Вернемся, однако, к процитированному нами торговому бюллетеню и ее коммерческому жаргону. Leading – это просто-напросто отборные, умные, как правило, трехлетние саламандры, специально обученные для того, чтобы занимать должность надзирателей и бригадиров в рабочих колониях саламандр. Они продаются поштучно, вне зависимости от их веса; в них ценится только их разум. Сингапурские «лидинг», хорошо говорящие по-английски, считаются первоклассными и самыми надежными; саламандры-руководители продаются и под иными брендами, как то: Captains, Engeneers, Malayan Chiefs, Foremanders и т. д., однако «лидинг» ценятся выше всех. Их цена сейчас составляет около шестидесяти долларов за штуку. Heavy – тяжелые, атлетичные, как правило, двухлетние саламандры, вес которых составляет от ста до ста двадцати фунтов. Они продаются только звеньями (т. н. bodies) по шести штук. Они обучены для выполнения самых тяжелых физических работ, например ломки скал, выворачивания валунов и так далее. «Heavy – 317» в процитированном бюллетене означает, что звено из шести тяжелых саламандр продается за триста семнадцать долларов. К каждому такому звену, как правило, приставляется один «лидинг» как звеньевой и надсмотрщик. Team – это обычные рабочие саламандры, весящие от 80 до 100 фунтов, которые продаются только рабочими отрядами (team) по двадцать штук каждый; их предназначение – коллективный труд, и используют их, как правило, для землечерпательных работ, строительства насыпей и плотин и так далее. К каждому такому отряду тоже приставляется один «лидинг» в качестве его командира. Odd Jobs – это особая категория. Речь идет о саламандрах, которые по разным причинам – например, потому, что они росли не на больших, управляемых централизованно саламандровых фермах, –

С ростом экспорта саламандр возник, конечно, и «черный рынок»: Salamander-Syndicate не мог контролировать и обслуживать все колонии саламандр, которые покойный капитан

не прошли коллективного и специализированного обучения. Можно сказать, что это полудикие, однако нередко чрезвычайно талантливые саламандры. Их можно покупать как поштучно, так и дюжинами и использовать для различных вспомогательных работ или мелких поручений, ради которых невыгодно задействовать целые звенья или отряды. Если «лидинг» можно считать элитой саламандр, то «одд-джобс» – нечто вроде мелкого пролетариата. В последнее время их преимущественно приобретают как сырье, которое покупатели сами обучают и далее подразделяют на «лидинг», «хеви», «тим» и «трэш». Последняя категория – Trash, то есть брак (мусор, отбросы), – это неполноценные, слабые саламандры или инвалиды, которые не продаются ни сами по себе, ни коллективно, а отгружаются на вес – обычно целыми десятками тонн. Килограмм живого веса сейчас стоит от семи до десяти центов. В общем-то, неизвестно, зачем они нужны и для каких целей их покупают – возможно, для каких-то нетяжелых водяных работ (во избежание недоразумения напомним здесь, что саламандры несъедобны для людей). Этот самый «трэш» – практически весь – покупают оптом китайские спекулянты; куда они его потом отправляют, мы не знаем. Spawn – это просто-напросто саламандровый помет, точнее говоря – головастики возрастом до года. Их продают и покупают целыми сотнями, и торговля идет весьма бойко, – главным образом потому, что они дешевы и их транспортировка требует минимальных затрат. Только на месте назначения их начинают обучать – до тех пор, пока они не становятся трудоспособными. «Споун» перевозят в бочках, поскольку головастики не вылезают из воды – в отличие от взрослых саламандр, которым ежедневно нужно покидать ее. Часто бывает так, что среди «споун» находятся чрезвычайно способные особи, своими талантами даже превосходящие стандартный тип «лидинг»; это возбуждает к торговле головастиками дополнительный интерес. Эти саламандры с особыми способностями впоследствии продаются по несколько сотен долларов за штуку; американский миллионер Деникер как-то заплатил целых две тысячи долларов за саламандру, которая умела бегло говорить на девяти языках, и доставил ее в Майами на особом судне – сама эта перевозка обошлась ему почти в двадцать тысяч долларов. В последнее время саламандровый помет покупают главным образом для так называемых «конюшен», где отбирают и тренируют быстрых спортивных саламандр. Впоследствии их запрягают тройками в плоскодонные лодки, имеющие форму раковины. Состязания ракушек, которые везут саламандры, ныне в большой моде, это любимое развлечение молодых американок на Палм-Бич, в Гонолулу или на Кубе; этот вид спорта называют Triton-Races, или «регатой Венеры». В легкой разукрашенной раковине, скользящей по морской глади, стоит гонщица в самом роскошном и самом откровенном купальном костюме и держит в руках шелковые вожжи саламандровой тройки; главный приз состязания – титул Венеры. Мистер Дж. С. Тинкер, которого называют «консервным королем», купил для своей дочери тройку гоночных саламандр – Посейдона, Хенгиста и Короля Эдварда, заплатив за нее не меньше тридцати шести тысяч долларов. Но все это уже выходит за рамки обычной S-Trade, которая ограничивается поставками во все уголки мира солидных рабочих «лидингов», «хеви» и «тим». Выше мы упомянули о саламандровых фермах. Пусть читатель не представляет себе огромные питомники и корали. Речь идет о нескольких километрах пустого побережья, на котором там и сям стоят щитовые домики. В одном из них живет ветеринар, в другом – управляющий, еще в нескольких – охранники. Только во время отлива можно заметить, что от берега в море тянутся длинные плотины, разделяющие берег на несколько бассейнов. Один предназначен для головастиков, другой – для класса «лидинг» и так далее. Каждый класс саламандр кормят и обучают отдельно от других. И кормление, и обучение происходит ночью. В сумерках саламандры вылезают из своих нор на берег и собираются вокруг своих учителей – это обычно отставные военные. Первый урок – разговорная речь: учитель произносит перед саламандрами разные слова, к примеру «копать», и наглядно разъясняет их смысл. Потом они собираются в шеренги по четыре и учатся маршировать; дальше следует полчаса физических упражнений и отдых в воде. После перерыва саламандр обучают, как обращаться с разными инструментами и оружием, после чего они в течение примерно трех часов под надзором учителей занимаются практикой, выполняя строительные работы в воде. После этого саламандры возвращаются в воду, где их кормят специальными сухарями, которые содержат главным образом кукурузную муку и жир; «лидинг» и «хеви», кроме того, докармливают мясом. За лень и непослушание наказывают отъемом пищи, других телесных наказаний нет, учитывая, что саламандры не очень чувствительны к боли. С восходом солнца на саламандровых фермах наступает мертвый час: люди ложатся спать, а саламандры скрываются в морской пучине. Подобный порядок вещей меняется лишь два раза в год. В первый раз – в период спаривания, когда саламандр на две недели оставляют в покое, и во второй раз – когда на ферму прибывает судно синдиката и привозит управляющему распоряжение, сколько саламандр и каких классов необходимо отгрузить. Сама погрузка происходит ночью: помощник капитана, управляющий и ветеринар садятся за столик, освещенный лампой, а охранники и судовая команда отрезают саламандрам доступ к морю. После этого саламандры друг за другом подходят к столику, их осматривают и признают годными или негодными к работе. Отобранные саламандры влезают в шлюпки, которые отвозят их на наливное судно. Они делают это как правило добровольно – то есть для послушания достаточно категорического приказа; лишь иногда требуется прибегнуть к умеренному насилию, например связыванию. «Споун», или помет, конечно, вылавливают сетями. Столь же гуманным образом, с соблюдением гигиены, осуществляется перевозка саламандр. Ежедневно при помощи насосов в их емкости меняют воду, и они получают обильную пищу. Смертность во время транспортировки не превышает десяти процентов. По требованию обществ по охране животных на каждом таком судне имеется капеллан, который следит, чтобы с саламандрами обращались по-человечески, и каждую ночь выступает перед ними с проповедью, в которой упирает в особенности на необходимость уважения к людям, благодарного послушания и любви к своим будущим работодателям, которые не имеют иных стремлений, кроме желания по-отечески заботиться об их процветании. Безусловно, непросто бывает разъяснить саламандрам суть этой отеческой заботы, поскольку само понятие отца им не знакомо. Среди более развитых саламандр для судовых капелланов распространилось прозвище «папа-саламандра». Весьма много пользы принесли также образовательно-воспитательные кинокартины, при помощи которых саламандрам во время перевозки как демонстрировали чудеса человеческой техники, так и знакомили их с будущей работой и обязанностями. Существуют люди, которые сокращение S-Trade (Salamander-Trade) переводят как Slave-Trade, то есть «работорговля». Однако, будучи непредвзятыми наблюдателями, мы должны сказать, что, если бы торговля рабами в прошлом была организована столь безупречно и безукоризненно

ван Тох оборудовал на мелких и отдаленных островах Микронезии, Меланезии и Полинезии, потому множество саламандровых бухт было предоставлено самим себе. В результате этого помимо рационального выращивания саламандр появилась и достигшая весьма значительного размаха охота на диких саламандр, во многом напоминающая прежний тюлений промысел. Охота эта была в некотором смысле незаконной; но, поскольку закона об охране саламандр не существовало, преследовать за нее могли разве что по обвинению в нелегальном проникновении на суверенную территорию той или иной державы. Однако, поскольку саламандры на этих островах буйно размножались и время от времени наносили ущерб полям и огородам аборигенов, эта «дикая» охота молчаливо одобрялась как естественное регулирование популяции саламандр²².

с гигиенической точки зрения, как нынешняя торговля саламандрами, нам оставалось бы только позавидовать рабам. В особенности с более дорогими саламандрами люди обращаются чрезвычайно вежливо и бережно, – в том числе и потому, что капитан и команда отвечают своим жалованьем и премиями за жизни вверенных им саламандр. Автор этой статьи сам стал свидетелем того, как и самые прожженные морские волки с наливного судна S.S.14 были глубоко растроганы, когда двести сорок отборных саламандр в одной из бочек заболели неукротимым поносом. Матросы ходили на них смотреть едва ли не со слезами на глазах и выражали свои гуманные чувства грубыми внешне словами: «На кой хрен сдалась нам эта падаль?»

²² Протицируем описание, сделанное в то время очевидцем: Пираты XX века Э. Э. К. Было одиннадцать вечера, когда капитан нашего парохода велел спустить национальный флаг и спустить шлюпки. Была лунная ночь, туман серебрился. Островок, к которому мы гребли, кажется, назывался островом Гарднера из группы Фениксовых островов. В такие-то лунные ночи саламандры выходят на берег и танцуют; они не слышат вас, даже если вы к ним приблизитесь – настолько они увлечены всеобщим безмолвным танцем. Нас было двадцать человек, мы вышли на берег с веслами в руках и рассыпным строем начали полукругом охватывать темную толпу саламандр, теснившуюся на залитом молочным лунным светом пляже. Трудно описать то впечатление, которое оставляет пляска саламандр. Где-то триста животных сидят на задних лапах, образуя практически идеальный круг, лицом к его центру; внутри круг пустой. Саламандры неподвижны, будто они оцепенели. Это похоже на частокол, сооруженный вокруг какого-то таинственного алтаря; но тут нет никакого алтаря и никакого бога. Внезапно одно из животных начинает чмокать: «тс-тс-тс» – и волнообразно кружить верхней половиной тела; это колебательное движение передается другим, дальше и дальше, и спустя несколько секунд уже все саламандры крутят верхней половиной тела, не двигаясь при этом с места, все быстрее и быстрее, беззвучно, все более иступленно, в бешеном и упоенном кружении. Примерно через четверть часа одна из саламандр выбивается из сил, за ней вторая, третья, они качаются в изнеможении и затем застывают – и снова все сидят без движения, как статуи. Спустя какое-то время опять – уже в другом месте – звучит тихое «тс-тс-тс», и опять какая-то из саламандр начинает извиваться, и ее танец сразу подхватывает весь круг. Я понимаю, что мое описание кажется слишком механистическим, – однако вообразите себе молочно-белый свет луны и долгий ритмичный шум прибоя; во всем этом была какая-то удивительная магия, вернее сказать – зачарованность. Я стоял с комком в горле, охваченный внезапным чувством – одновременно ужаса и восхищения. «Эй, братишка, шевели ногами, дырку простоишь!» – крикнул мне ближайший сосед. Мы начали сжимать свое кольцо вокруг танцующих саламандр. Люди держали весла наперевес и говорили вполголоса – скорее потому, что стояла ночь, чем опасаясь, что саламандры могли бы их услышать. «Бегом, в середину!» – раздался голос командира. Мы бросились к танцующему кругу, весла глухо шлепнули о спины саламандр. Только теперь саламандры в испуге очнулись, часть из них попятилась к середине круга, другие попытались прорваться к морю через заслон из весел, однако, получив удары, отскочили, съехившись от боли и страха. Мы гнали их к середине, они сгрудились в большую толпу, давя друг друга – так, что вскоре их образовалось несколько слоев. Десять охотников удерживали вокруг них «забор» из весел, а еще десять тыкали саламандр веслами и били тех, кто пытался проползти под заграждением или прорваться через него. Это был клубок черного, извивающегося, отчаянно квакающего мяса, на которое сыпались глухие удары. Наконец между двумя веслами открылась небольшая щель, одна из саламандр проскользнула в нее и тут же была оглушена ударом дубинки по затылку; за ней последовала вторая и третья – с тем же результатом; наконец их набралось около двадцати. «Закрывать!» – скомандовал офицер, и щель между веслами исчезла. Булли Бич и мулат Динго взяли в обе руки по одной оглушенной саламандре и потащили их по песку к шлюпкам, словно кули с мукой. Иногда тело застревало среди камней, тогда матросы дергали его резко и зло – нога отрывалась. «Не беда, – ворчал старый Майк, стоявший рядом со мной, – новая вырастет». Когда оглушенных саламандр побросали в шлюпки, офицер сухо скомандовал: «Следующих!» – и на головы саламандр снова посыпались удары. Этот офицер, по фамилии Беллами, был скромным, образованным человеком, прекрасным шахматистом. Но здесь он был на охоте, даже больше того – это был бизнес, какие уж тут церемонии! Так мы поймали больше двухсот саламандр, около семидесяти мы бросили на берегу – они были, по-видимому, мертвы, и перетаскивать их было незачем. На корабле пойманных саламандр швырнули в резервуар. Наш пароход был старым нефтеналивным танкером, плохо вычищенные резервуары воняли керосином, на поверхности воды образовалась радужная маслянистая пленка – только крышку открыли, чтобы туда проникал воздух. Когда туда загнали саламандр, это стало выглядеть как густой суп с лапшой; отвратительное зрелище. Кое-где эта лапша слабо и жалко шевелилась, но в первый день никто не обращал на нее внимания, чтобы саламандры могли прийти в себя. На следующий день пришли четыре человека и начали тыкать в «суп» длинными шестами (на профессиональном жаргоне это действительно называют «супом»); они вертели телами, густо набившими резервуар, и так выявляли тех, которые уже не шевелились или от которых начали отваливаться куски мяса; таких подцепляли длинными крюками и вытаскивали вон из воды. «Суп чистый?» – спросил потом капитан. «Да, сэр!» – «Подлейте туда воды!» – «Есть, сэр!» «Чистить суп» приходилось каждый день, и всегда после этой процедуры в море выбрасывали от шести до десяти штук

Помимо хорошо организованной торговли саламандрами и массовой пропаганды в печати, важнейшую роль в распространении саламандр сыграла гигантская волна технического идеализма, захлестнувшая в ту эпоху весь мир. Г. Х. Бонди был прав, предположив, что человеческий дух отныне начнет работать в масштабах новых континентов и новых Атлантид. В течение всей Эры Саламандр между инженерами продолжался оживленный и плодотворный спор о том, следует ли сооружать тяжелые материи с железобетонными берегами или же легкие участки суши в виде насыпи из морского песка. Почти ежедневно рождались на свет новые грандиозные проекты. Так, итальянские инженеры предлагали как сооружение Великой Италии, охватывающей почти все Средиземное море вплоть до Триполитании, Балеарских и Додеканесских островов, так и создание к востоку от Итальянского Сомали нового континента, так называемой Лемурии, который со временем покрыл бы весь Индийский океан. И вправду, при помощи целой армии саламандр неподалеку от сомалийской гавани Могадишо был насыпан новый островок площадью в тринадцать с половиной акров. Япония разработала, а частично и осуществила проект нового большого острова на месте Марианского архипелага, а также собиралась соединить Каролинские и Маршалловы острова в два больших острова, для которых заранее было избрано имя «Новый Ниппон»: на каждом из них предполагалось даже соорудить искусственный вулкан, который напоминал бы будущим обитателям священную Фудзими. Также ходили слухи, что германские инженеры тайно строят в Саргассовом море тяжелый бетонный материк, который в будущем должен стать Атлантидой и, как говорили, мог угрожать Французской Западной Африке; но, по-видимому, был лишь заложен фундамент. В Голландии начали осушать Зеландию, Франция объединила Гранд-Тер, Бас-Тер и Ла-Дезирад на

«испорченного товара», как это здесь называется, – за нашим пароходом неотступно следовал настоящий эскорт из огромных, жирно откормленных акул. Запах у резервуара стоял невыносимый. Хотя воду иногда и меняли, она была желтого цвета, полна нечистот и размокших сухарей; в ней вяло шевелились или тупо лежали, тяжело дыша, черные тела. «Эти почти как на курорте, – утверждал старый Майк. – На одном пароходу их перевозили в железных баках из-под бензола, ну и подошли они все до единой». Через шесть дней мы пришли на остров Наномеа за новым товаром.* * * Вот так выглядит торговля саламандрами; правда, речь идет о нелегальной торговле, а точнее говоря – о современном пиратстве, которое расцвело буквально в одну ночь. Утверждается, что чуть ли не четверть всех саламандр на рынке добыта таким путем. Существуют поселения саламандр, в которых для Salamander-Syndicate невыгодно содержать постоянные фермы; на малых островах в Тихом океане саламандр развелось столько, что они стали прямо-таки обузой для местных жителей – туземцы их не любят, говоря, что своими норами и туннелями они просверливают целые острова. Потому-то как колониальная администрация, так и сам синдикат смотрят сквозь пальцы на эти разбойничьи набеги. Говорят, что исключительно промыслом саламандр занимаются более четырехсот пиратских судов. Наряду с мелкими «предпринимателями», современным корсарством занимаются и большие пароходства, крупнейшее из которых – Pacific Trade Comp. со штаб-квартирой в Дублине, ее президентом является distinguished Чарльз Б. Гарриман. Год назад положение было хуже: некий китайский бандит Тенг, располагавший тремя судами, напал прямо на фермы синдиката и не останавливался даже перед убийствами персонала, если тот пытался сопротивляться. В ноябре прошлого года Тенга и всю его флотилию потопила американская канонерка «Миннетонка» у острова Мидуэй. С тех пор саламандровое пиратство приобрело более цивилизованные формы, но по-прежнему процветает – в особенности после того, как были определены некие рамки, в которых оно негласно допускается. Так, например, уговорено, что при нападении на побережье, принадлежащее другой державе, следует спускать национальный флаг; что саламандровое пиратство не должно служить прикрытием для ввоза или вывоза иных товаров; что захваченные саламандры не будут продаваться по демпинговым ценам и вообще будут считаться товаром второго сорта. Саламандры на черном рынке продаются от двадцати – двадцати двух долларов за штуку; они считаются хотя и второсортным, но весьма выносливым типажом – учитывая, что им удалось выдержать столь ужасное обращение на пиратских судах. По оценкам, выживают после перевозки от четверти до трети похищенных саламандр; но уж те, кто остается в живых, могут пережить что угодно. На коммерческом жаргоне их называют «макароны», в последнее время сведения о них публикуются и в регулярных торговых бюллетенях.* * * Спустя два месяца после описанных событий я играл в шахматы с мистером Беллами в лобби отеля «Франция» в Сайгоне; я, конечно, уже не был в ипостаси наемного матроса. – Послушайте, Беллами, – сказал я ему, – ведь вы порядочный человек, джентльмен, как говорится. Вам иногда не бывает гадко оттого, что вы служите делу, которое, по существу, является просто-напросто самой отвратительной работорговлей? Беллами пожал плечами и неохотно пробурчал: – Саламандры есть саламандры. – Двести лет назад говорили, что «негры есть негры». – И что, разве неправду говорили? – ответил Беллами. – Шах! Ту партию я проиграл. Меня вдруг охватило такое чувство, будто бы новых ходов в шахматах не осталось – каждый из них уже когда-то был сделан. Быть может, и наша история однажды уже была кем-то сыграна, а мы лишь переставляем фигуры и делаем все те же ходы, которые приведут нас к все тем же поражениям, как когда-то. Быть может, как раз такой вежливый и скромный Беллами когда-то охотился на негров на Берегу Слоновой Кости и отправлял их на Гаити или в Луизиану, не обращая внимания на то, что онидохнут в трюме. Этот Беллами ведь и тогда не имел в виду ничего дурного. Беллами никогда не хочет ничего дурного. Именно поэтому он безнадобен. – Черные проиграли! – удовлетворенно сказал Беллами и встал, потягиваясь всем телом.

Гваделупе в один чудесный остров. Соединенные Штаты начали сооружать на 37-м меридиане первый авиационный остров (двухъярусный, с огромным отелем, стадионом, луна-парком и кинотеатром на пять тысяч человек). Одним словом, казалось, что пали последние преграды, которые ставил на пути развития человечества Мировой океан, и наступила радостная эпоха выдающихся технических замыслов. Человек понимал, что только теперь он становится настоящим Властелином мира – благодаря саламандрам, которые вышли на сцену истории в самый нужный момент и, как говорится, по исторической необходимости. И, бесспорно, саламандры не могли бы расплодиться в столь поразительных масштабах, если бы наш век господства техники не дал столько задач, для решения которых требовалось их постоянное использование. Будущее Тружеников Моря, казалось, теперь было обеспечено на столетия вперед.

Важную роль в успешном развитии рынка саламандр сыграла также наука, которая очень скоро обратила внимание на исследование саламандр с точки зрения не только физиологии, но и психологии²³.

²³ Приведем здесь отчет о научном конгрессе в Париже, написанный очевидцем под шифром г. d.: Premier congrès d'urodèles. Для краткости его называют «Конгресс хвостатых земноводных», хотя его официальное название несколько длиннее: «Первый международный конгресс зоологов, посвященный исследованию психологии хвостатых земноводных». Однако истинный парижанин не любит слишком долгих названий; ученые профессора, что заседают в большой аудитории Сорбонны, для него просто «messieurs les Urodèles», «господа хвостатые земноводные», и точка. Или еще короче и еще менее вежливо: «ces zoos-là». Итак, мы отправились посмотреть на ces zoos-là скорее из любопытства, чем по журналистскому заданию. Любопытство это, разумеется, не относилось к университетским старикам-очкарикам, а к тем самым... созданиям (интересно, почему у нас не получается назвать их «животными»?), о которых столько всего написано – от ученых фолиантов до бульварных куплетов – и которые, как считают одни, всего лишь газетная «утка», а по мнению других – существа, во многих отношениях более талантливые, чем сам царь природы и венец творения, как даже в наши дни (то есть после мировой войны и прочих исторических событий) продолжают называть человека. Я надеялся, что distinguished участники конгресса, посвященного изучению психологии хвостатых земноводных, дадут нам, непрофессионалам, прямой и окончательный ответ на вопрос о том, как обстоят дела с пресловутой понятливостью Андриаса Шейкцери, что они скажут нам: да, это разумное существо, или же оно по крайней мере способно подняться по лестнице цивилизации столь же высоко, как вы и я; а потому необходимо в будущем считаться с ним так же, как мы должны считаться с будущим человеческих рас, которые некогда относили к диким и примитивным... Потороплюсь, однако, сообщить, что ни такого ответа, ни даже такого вопроса на конгрессе не поднималось; для того чтобы заниматься подобного рода проблемами, современная наука слишком... научна, что ли. Ну что же, послушаем что-нибудь новенькое о том, что наука называет «душевной жизнью животных». Вон тот высокий господин, всклокоченной бородой напоминающий злого чародея, – он как раз сейчас громыкает с кафедры – это знаменитый профессор Дюбоск; кажется, что он громит какую-то лживую теорию некоего уважаемого коллеги, однако в этом смысле мы доклад оценивать не готовы. Только спустя какое-то время мы начинаем соображать, что яростный чародей говорит о том, как Андриас воспринимает цвет, и о его способности различать те или иные оттенки. Не знаю, все ли я правильно понял, но у меня сложилось впечатление, что наш Андриас несколько страдает дальтонизмом, а сам профессор Дюбоск, должно быть, страшно близорук – судя по тому, как он поднимал свои бумаги прямо к очкам с толстыми стеклами, которые яростно блестели под светом доклада. После него слово получил улыбчивый японский ученый д-р Окава, говорил что-то о реактивной дуге и о признаках, которые можно наблюдать, если перерезать в мозгу Андриаса какую-то сенсорную дорожку; потом он рассказал, что делает Андриас, если разрушить у него орган, соответствующий ушному лабиринту. После него профессор Реманн подробно объяснял, как Андриас реагирует на электрические импульсы. Это вызвало ожесточенную перепалку между ним и профессором Брюкнером. C'est un type, этот профессор Брюкнер: маленький, злобный и прямо-таки трагически подвижный; он, помимо прочего, утверждал, что Андриас снабжен столь же второсортными органами чувств, что и человек, и что инстинкты его столь же бедны; с чисто биологической точки зрения, он, по сути, точно такое же вырождающееся животное, что и человек, и, подобно человеку, стремится возместить свою биологическую неполноценность посредством того, что называют интеллектом. Другие специалисты, впрочем, как показалось, не восприняли профессора Брюкнера всерьез, – возможно, потому, что он не перерезал никаких сенсорных дорожек и не посылал в мозг Андриаса никаких электрических импульсов. Затем профессор ван Дитен размеренно, почти как на проповеди, поведал о том, какие расстройства проявляются у Андриаса, если удалить у него правую височную долю головного мозга или же затылочную извилину в левом полушарии. После него американский профессор Деврайнт рассказал... Простите, я, признаться, не знаю, о чем он рассказал, – поскольку в этот момент меня внезапно начала беспокоить мысль о том, какие расстройства могли бы появиться у профессора Деврайнта, если бы вдруг кто-то удалил у него правую височную долю головного мозга; как реагировал бы улыбчивый д-р Окава, если бы кто-нибудь возбуждал его электрическими импульсами, и как бы вел себя профессор Реманн, если бы кто-то разрушил его ушной лабиринт. Я также почувствовал, что не совсем уверен в том, как именно у меня обстоят дела со способностью различать цвета или с фактором t в моих динамических реакциях. Меня мучило сомнение, имеем ли мы право (в строго научном смысле) вообще говорить о своей (то есть человеческой) душевной жизни без того, чтобы изъять друг у друга различные доли головного мозга и, разумеется, перерезать сенсорные дорожки. На самом деле нам следовало бы с целью взаимного изучения нашей душевной жизни наброситься друг на друга со скальпелями в руках. Что касается меня, то я был бы рад во имя науки разбить очки профессору Дюбоску или пустить электрический заряд в лысину профессора Дитена – и опубликовать потом статью об их реакциях. По правде говоря, я могу в красках представить

Благодаря подобным научным исследованиям люди перестали считать саламандр каким-то чудом. Под строгим светом научного знания саламандры утратили многое от своего первоначального ореола некой исключительности и необычности: став объектом психологических исследований, они демонстрировали весьма посредственные и прямо-таки неинтересные свойства. Легенды об их высокой одаренности были разрушены научными опытами. Наука открыла Саламандру Нормальную, которая оказалась созданием довольно скучным и ограниченным. Только в газетах иногда еще писали о Саламандре Чудесной, которая умножает в уме пятизначные числа, – но и это перестало быть интересным для публики, особенно когда выяснилось, что при надлежащей тренировке на подобные чудеса способен и обычный человек. Короче говоря, люди просто начали считать саламандр столь же очевидным явлением, что и арифмометр или какой-нибудь автомат: в них больше не видели ничего загадочного, пришедшего из неведомых глубин неизвестно зачем и почему. К тому же люди никогда не считают загадочным то, что служит им и приносит пользу, но только то, что им вредит или угрожает; а поскольку саламандры оказались существами весьма полезными, причем с разных точек зрения²⁴, то их начали воспринимать просто как неотъемлемую часть рационального, обычного порядка вещей.

себе это. Чуть менее красочно я представляю себе, что делалось при подобных опытах в душе Андриаса Шейхцери, однако мне кажется, что это невероятно терпеливое и добродушное существо. Ведь ни одно из светил науки, выступавших на конгрессе, не сообщило, что бедняга Андриас хотя бы когда-нибудь пришел в ярость. Не сомневаюсь, что Первый конгресс хвостатых земноводных явил собой великолепный успех для науки; однако, когда у меня выдастся свободный день, я отправлюсь в Jardin des Plantes прямо к бассейну Андриаса Шейхцери, чтобы сказать ему шепотом:– Послушай, саламандра, если когда-нибудь придет твой день... не вздумай только научно исследовать душевную жизнь людей!

²⁴ Полезность саламандр для человечества изучал, в частности, гамбургский исследователь Вурманн; приведем здесь конспект одной из его многочисленных статей по данному вопросу — Сообщение о соматических предрасположениях саламандры Эксперименты с саламандрой исполинской тихоокеанской (Andrias Scheuchzeri Tschudi), которые я проводил в своей гамбургской лаборатории, преследовали весьма определенную цель: изучить степень сопротивляемости саламандр по отношению к изменению среды и иным внешним воздействиям и доказать тем самым их практическую применимость в различных географических зонах и при совершенно различных условиях. Целью первой серии экспериментов было выяснить, как долго саламандра может выдержать пребывание вне воды. Подопытные животные содержались в сухих бочках при температуре в 40–500 °С. Спустя несколько часов они начинали быть вялыми, однако, будучи обрызганными водой, вновь оживали. Спустя двадцать четыре часа они лежали неподвижно, – в движении оставались лишь веки; пульс был замедленный, а все физиологические процессы снизились до минимума. Было очевидно, что животные страдают и малейшее движение стоит им больших усилий. Спустя три дня наступало состояние каталептического оцепенения (ксероз); животные не реагировали даже на прижигания при помощи электрокаутера. При повышении влажности воздуха у них начинают проявляться по крайней мере некоторые признаки жизни (они закрывают глаза, когда на них направляют яркий свет, и т. п.). Если высушенную таким образом саламандру по прошествии семи дней вновь помещали в воду, то спустя продолжительное время она оживала; если же высушивание продолжалось дольше недели, погибало уже большинство подопытных животных. Под прямыми лучами солнца саламандры погибают уже спустя несколько часов. Других подопытных животных принудили в темноте и в очень сухой атмосфере вертеть вал. Спустя три часа производительность их труда начала падать, но вновь возросла после того, как их обильно обрызгали водой. Если такое обрызгивание повторялось часто, животные могли вертеть ручку в течение семнадцати, двадцати, а в одном случае – даже двадцати шести часов без перерыва, в то время как человек, над которым производился контрольный эксперимент, был почти обессилен этой механической деятельностью уже через пять часов. Из этих экспериментов мы можем сделать вывод, что саламандры вполне годны и для работ на суше, впрочем, при соблюдении двух условий: не подвергать их прямому воздействию солнечных лучей и периодически обрызгивать водой всю поверхность их тела. Вторая серия опытов касалась сопротивляемости саламандр – животных, первоначальным ареалом которых были тропики, – по отношению к холоду. При быстром охлаждении воды они погибали от катара кишок; однако при постепенной акклиматизации они легко привыкали к более холодной среде: спустя семь месяцев они оставались весьма бодрыми даже при температуре воды в 7 °С, при условии, что в их пище содержалось больше жиров (от 150 до 200 граммов на саламандру в день). Если температура воды опускалась ниже 5 °С, они впадали в оцепенение от холода (гелоз); в таком состоянии их можно было заморозить и хранить в глыбе льда в течение нескольких месяцев; после того как лед растаял и температура воды поднималась выше 5 °С, они опять начинали подавать признаки жизни, а при нагревании воды до 7–10 градусов уже бодро искали пищу. Отсюда следует, что саламандры довольно просто могут приспособиться и к жизни в нашем климате, вплоть до северной Норвегии и Исландии. Выяснить, могут ли саламандры быть полезными в полярном климате, помогут дальнейшие опыты. В противоположность этому, саламандры проявляют повышенную чувствительность по отношению к воздействиям химических веществ; в результате опытов с весьма разреженными щелочами, со сточными водами промышленных предприятий, дубильными веществами и т. п. у них отслаивалась кожа, и подопытные животные погибали в результате некоего подобия воспаления жабр. Из этого следует, что в наших реках саламандр практически нельзя использовать. В результате следующей серии опытов нам удалось установить, как долго саламандры могут выдержать без пищи. Они могут голодать три недели и даже дольше без появления каких-либо признаков, кроме определенной вялости. Одна подопытная саламандра голодала у меня около шести месяцев; в последние три месяца она постоянно спала и не двигалась; когда я наконец бросил ей в бак рубленую печенку, она никак

В конце концов, нет ничего неожиданного в том, что саламандры перестали быть сенсацией, когда их развелось на свете несколько сот миллионов. Интерес, который они возбуждали в публике, покуда их еще можно было считать чем-то новым, угасал и поддерживался разве что в кинематографических гротесках («Салли и Энди, две хорошие саламандры») и в кабаре, где куплетисты и певички, наделенные особенно противным голосом, выступали в неотразимо комической роли скрежещущих и коверкающих грамматику саламандр. После того как саламандры сделались явлением распространенным и будничным, изменилась и, если можно так выразиться, связанная с ними проблематика²⁵.

Итак, Великая Саламандровая Сенсация довольно скоро покрылась тиной, однако же на ее место пришло нечто иное и до известной степени более солидное, а именно – Сала-

на нее не прореагировала – настолько была слаба, – так что ее пришлось кормить искусственно. Спустя несколько дней она уже питалась нормально и ее можно было использовать в новых экспериментах. Последняя серия опытов касалась способности саламандр к регенерации. Если саламандре отрубить хвост, через две недели у нее вырастет новый; с одной саламандрой мы повторили подобный опыт семь раз – всегда с одним и тем же результатом. Отрастают у саламандр и отрубленные ноги. Одному подопытному животному мы отрубили все четыре конечности и хвост; месяц спустя оно было как новенькое. Если сломать у саламандры берцовую или плечевую кость, то у нее отломится вся больная конечность и вырастет новая. Точно так же новый глаз образуется на месте вытекшего, а новый язык – на месте отрезанного; интересно, что саламандра, у которой я отрезал язык, разучилась говорить, и ей пришлось учиться этому заново. Если же ампутировать у саламандры голову или перерезать ей туловище между шеей и тазом, то животное погибнет. Напротив, можно удалить у саламандры желудок, часть кишечника, две трети печени и другие органы – и при этом ее жизненные функции не будут нарушены; можно даже сказать, что почти полностью выпотрошенная саламандра все еще способна жить дальше. Ни одно другое животное не способно столь успешно сопротивляться какому бы то ни было ранению, как именно саламандра. В связи с этим она могла бы быть первоклассным, практически неуничтожаемым боевым животным; к сожалению, этому препятствует ее миролюбивый характер и отсутствие оружия, данного природой. Наряду с этими экспериментами мой ассистент д-р Вацлав Гинкель исследовал саламандр в качестве потенциального источника полезного сырья. Прежде всего, он обнаружил, что тело саламандр содержит необычайно высокий процент йода и фосфора; не исключено, что при необходимости эти ценные элементы можно было бы добывать из них в промышленных масштабах. Кожа саламандр сама по себе ни на что не годная, однако ее можно размолоть и спрессовать под высоким давлением. Полученная подобным образом искусственная кожа отличается легкостью, достаточной прочностью и могла бы служить заменой бычьей коже. Саламандровый жир употребляют в пищу невозможно из-за отвратительного вкуса, однако он пригоден в качестве технического смазочного средства, поскольку замерзает лишь при очень низких температурах. Мясо саламандр также считалось несъедобным и даже ядовитым: если есть его сырым, оно вызывает острые боли, рвоту и галлюцинации. Д-р Гинкель провел сам на себе множество опытов, в результате которых установил, что данные вредные последствия исчезают, если нарезанное мясо ошпарить кипятком (подобно тому, как это происходит с некоторыми видами мухоморов) и после тщательного промывания мариновать в течение суток в слабом растворе марганцевого калия. После этого его можно варить или тушить, – у него будет вкус плохой говядины. Таким образом нами была съедена саламандра, которую мы прозвали Гансом. Это было ученое и умное животное, обладавшее особыми способностями к научной работе; Ганс работал в отделении д-ра Гинкеля в качестве лаборанта, и ему можно было доверять и самые тонкие химические анализы. Долгими вечерами мы беседовали с ним, радуясь его безграничной любознательности. Нам пришлось с прискорбием расстаться с нашим Гансом, поскольку он ослеп в результате моих экспериментов с трепанацией черепа. Мясо у него было темным, ноздреватым, однако не вызвало никаких неприятных последствий. Очевидно, что в военное время мясо саламандр может служить необходимой и дешевой заменой говядины.

²⁵ Характерным доказательством этого может служить опрос газеты Daily Star на тему «Есть ли у саламандры душа?» Мы процитируем из этого опроса несколько ответов выдающихся деятелей (не гарантируем, впрочем, что они действительно это говорили): Dear sir, мы вместе с моим другом преподобным Х. Б. Бертрамом наблюдали саламандр долгое время при их работах по строительству плотины в Адене; дважды или трижды мы разговаривали с ними, но не встретили у них ни одного намека на наличие высших чувств, таких как Честь, Вера, Патриотизм или Спортивный Дух. А что, кроме этих чувств, хотелось бы спросить, мы по справедливости можем называть душой? Truly yours, полковник Джон У. Бриттон Я никогда не видел ни одной саламандры, но я убежден, что существа, у которых нет своей музыки, не имеют и души. Тосканини Бог с ней, с душой, – однако я хотел бы отметить, что, опираясь на мои наблюдения над Андриасом, я мог бы утверждать, что у него нет индивидуальности. Все они кажутся похожими друг на друга – все одинаково старательные, одинаково способные – и одинаково невыразительные. Короче говоря, они соответствуют идеалу современной цивилизации, а идеал этот – Посредственность. Андре д'Артуа Безусловно, у них нет души. В этом они подобны человеку. Ваш Дж. Б. Шоу Ваш вопрос ставит меня в трудную ситуацию. Я, например, знаю, что мой пекинец Биби обладает маленькой и милой душой; у моей персидской кошки Сиди Ханум тоже есть душа – какая она прекрасная и жестокая! Но саламандры? Конечно, эти бедняжки очень способны и умны, умеют говорить, читать и вообще очень полезны; но ведь они так безобразны! Ваша Мадлен Рош Да пусть хоть саламандры, черт с ними, главное, что не марксисты. Курт Хубер Души у них нет. Если бы она была, мы должны были бы считать их равными человеку в экономическом смысле, а это абсурдно. Генри Бонд У них нет никакого sex-appeal. А значит, и души у них нет. Мэй Уэст У них есть душа – как есть она у любого животного и растения, у всего живого. Тайна всего живого велика есть. Сандра-барата Нат У них интересная техника и стиль плавания, у них можно многому научиться – особенно для плавания на длинные дистанции. Джонни Вайсмюллер

мандровый Вопрос. Первым человеком, который поднял Саламандровый Вопрос, оказалась – отнюдь не впервые в истории прогресса человечества – женщина. Это была мадам Луиза Циммерманн, директор пансиона для девушек в Лозанне, которая с неумной энергией и неугаемым рвением проповедовала по всему свету свой благородный лозунг: «Дайте саламандрам нормальное школьное образование!» Долгое время она сталкивалась с непониманием со стороны общественности, несмотря на то что неустанно обращала ее внимание, с одной стороны, на прирожденную сообразительность саламандр, с другой – на опасность, которой могла бы подвергнуться человеческая цивилизация, если саламандры не получают надлежащего воспитания ума и чувств. «Подобно тому как римская культура погибла вследствие нашествия варваров, погибнет и наша цивилизация, если она станет островом в океане духовно угнетенных существ, которым отказано в доступе к высшим идеалам современного человечества» – так пророчески вещала она на шести тысячах трехстах пятидесяти семи лекциях, с которыми выступила в женских клубах по всей Европе и Америке, а также в Японии, Китае, Турции и других странах. «Если культуре суждено сохраниться, она должна стать достоянием всех. Мы не можем безмятежно пользоваться благами нашей цивилизации и плодами нашей культуры, пока вокруг нас существуют многие миллионы несчастных, униженных существ, которых намеренно удерживают в животном состоянии. Подобно тому как девизом девятнадцатого столетия стало Освобождение Женщины, лозунгом нашего века да будет: „ДАЙТЕ САЛАМАНДРАМ НОРМАЛЬНОЕ ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ!“» – и так далее. Благодаря своему красноречию и невероятному упорству мадам Луизе Циммерманн удалось мобилизовать женщин со всего мира и собрать достаточно средств, чтобы открыть в Болье (неподалеку от Ниццы) Первый лицей для саламандр, в которых головастики саламандр, которые работали в Марселе и Тулоне, обучали французскому языку и литературе, риторике, правилам поведения в обществе, математике и истории культуры²⁶.

Несколько меньший успех имела Женская гимназия для саламандр в Ментоне, где преподаватели курсов музыки, диетической кухни и тонкого рукоделия (мадам Циммерманн настаивала на включении их в учебную программу главным образом по педагогическим соображе-

²⁶ Подробности об этом можно почерпнуть из книги «M-me Louise Zimmermann, sa vie, ses idées, son oeuvre» (издательство «Алькан»). Приведем в качестве цитаты из этой публикации благоговейные воспоминания саламандры, которая была одной из первых учениц лицея: «Она читала нам вслух басни Лафонтена, сидя возле нашего простого, но чистого и удобного бассейна; конечно, она страдала от сырости, но не обращала на это внимания, полностью отдавшись нелегкому учительскому труду. Она называла нас „mes petits Chinois“, поскольку мы, подобно китайцам, не были способны выговорить звук „р“. Со временем, однако, она настолько привыкла к этому, что сама стала выговаривать свою фамилию как „мадам Циммельманн“. Мы, головастики, восхищались ею. Малыши, у которых еще достаточно не развились легкие, вследствие чего они не могли покидать воду, плакали оттого, что не имели возможности гулять вместе с ней по школьному саду. Она была столь дружелюбной и ласковой, что – насколько мне известно – рассердилась лишь однажды: в тот день, когда наша молодая учительница истории в жаркий летний день надела купальный костюм, залезла к нам в бассейн и, сидя по шею в воде, читала нам лекцию о борьбе Нидерландов за свободу. Вот тогда наша дорогая мадам Циммельманн сильно на нее разгневалась: „Немедленно идите вымойтесь, мадемуазель, идите, идите!“ – кричала она со слезами на глазах. Для нас это был деликатный, но весьма наглядный урок о том, что мы все же не являемся людьми; впоследствии мы были благодарны нашей духовной матери за то, что осознание этого она привила нам столь решительно – и вместе с тем столь тактично. Если мы хорошо учились, она читала нам в награду стихи современных авторов, например Франсуа Коппе. „Это, конечно, уж слишком современно, – говорила она, – но никуда не денешься – и это теперь необходимо для хорошего образования“. По окончании учебного года был устроен праздник последнего звонка. На нее пригласили господина префекта из Ниццы, а также других чиновников и видных деятелей. Наиболее способных и сильных учеников, у которых уже развились легкие, школьный сторож обсушил и одел в белые одежды, после чего, скрытые от публики тонкой занавесью (чтобы не напугать дам), они читали наизусть басни Лафонтена, решали математические задачи и перечисляли королей из династии Капетингов и годы их правления. После этого господин префект произнес длинную красивую речь, в которой выразил благодарность и низкий поклон нашей дорогой директрисе. Этим торжественный день и закончился. Помимо забот о нашем духовном развитии, в лицее заботились и о нашем теле. Ежемесячно нас осматривал ветеринар, а один раз за полгода нас взвешивали, чтобы определить, правильно ли мы набираем вес. Нашу дорогую руководительницу особенно заботило то, чтобы мы отказались от отвратительной, развратной привычки к лунным танцам; как ни стыдно мне в этом признаться, но некоторые из более зрелых учеников, несмотря на ее увещевания, тайком в полнолуние становились жертвами этой скотской похоти. Надеюсь, что наша дорогая подруга, ставшая для нас новой матерью, никогда не узнала об этом – это разбило бы ее большое, благородное, исполненное любви сердце».

ниям) столкнулись с очевидным недостатком смекалки, если не прямо с упрямым отсутствием интереса со стороны юных гимназисток. В противоположность этому, уже самые первые публичные экзамены молодых саламандр-юношей имели столь поразительный успех, что вскоре после этого (на средства обществ охраны животных) был учрежден Морской политехнический институт для саламандр в Каннах и Саламандровый университет в Марселе, где впоследствии саламандра впервые в истории получила степень доктора прав.

С тех пор вопрос о воспитании саламандр начал решаться быстро и нормальным путем. Прогрессивные педагоги высказали против образцовых *Écoles Zimmermann* множество принципиальных возражений. В частности, они утверждали, что для воспитания юных саламандр не годятся устаревшие и для человеческого юношества модели гуманитарного образования. Решительно отвергалась при этом необходимость преподавания литературы и истории. Педагоги рекомендовали уделять наибольшее внимание и выделять как можно больше учебных часов практическим и современным предметам – таким как естественные науки, трудовая практика в школьных мастерских, техническое обучение саламандр, физическая культура и так далее. Сторонников так называемой Реформированной школы, или Школы практической жизни, в свою очередь, яростно критиковали защитники классического образования, утверждавшие, что саламандр можно приобщить к культурным богатствам человечества лишь посредством изучения латинского языка и что недостаточно научить их говорить – необходимо, чтобы они умели цитировать поэзию и выступать публично с красноречием Цицерона. Завязался долгий и весьма ожесточенный спор, который в конце концов был разрешен тем, что школы для саламандр были национализированы, а школы для человеческой молодежи – преобразованы с тем, чтобы они в возможно большей степени соответствовали идеалам Реформированной школы для саламандр.

Вполне естественно, что и в других странах начали раздаваться призывы ввести обязательное и регулярное школьное образование для саламандр под государственным контролем. В конце концов к этому пришли во всех государствах, имеющих выход к морю (естественно, за исключением Великобритании); причем, поскольку саламандровые школы не были обременены старыми классическими традициями человеческих школ, они могли использовать в своей работе все новейшие методы психотехники, технологического воспитания, начальной военной подготовки и других последних достижений педагогической науки, – и в результате вскоре в них установилась самая современная и прогрессивная с научной точки зрения система обучения, которой по праву завидовали все педагоги, да и школьники-люди.

Наряду с образованием для саламандр встал и вопрос языка. Какой из мировых языков должны в первую очередь изучать саламандры? Самые первые саламандры с островов в Тихом океане, конечно же, говорили на пиджн-инглиш, которому они научились от матросов и туземцев; многие также говорили по-малайски или на иных местных языках. Саламандр, которых выращивали для сингапурского рынка, пытались приучить к тому, чтобы они говорили на Basic English, то есть на специально упрощенном английском языке, для общения на котором достаточно нескольких сотен устойчивых выражений без устаревших грамматических хитросплетений; этот реформированный стандартный английский даже начали называть *Salamander English*. В образцовых школах *Écoles Zimmermann* саламандры говорили на языке Корнеля; впрочем, причиной этому был не национализм, а то обстоятельство, что высшее образование немыслимо без знания французского; напротив, в реформированных школах их учили эсперанто как языку, наиболее доступному для понимания. Кроме того, в то время возникло еще пять или шесть новых универсальных языков, которые должны были прийти на смену вавилонской путанице языков человечества и дать всему миру – и людям, и саламандрам – единый родной язык. Впрочем, о том, какой из этих международных языков наиболее строен, благо-

звучен и универсален, велось множество споров. В конце концов получилось так, что среди каждой нации пропагандировался свой собственный универсальный язык²⁷.

После того как за дело образования саламандр взялось государство, все стало проще: в каждом государстве их просто-напросто обучали на соответствующем государственном языке. Хотя саламандры были достаточно способны к изучению иностранных языков и учили их с большим рвением, однако же их способности характеризовались некоторыми особыми недостатками, связанными как с устройством их органов речи, так и с причинами скорее психологического характера. Так, к примеру, саламандры лишь с большим трудом могли выговаривать длинные, многосложные слова и стремились сократить их до одного слога, который, в свою очередь, произносили резко, голосом, несколько напоминающим кваканье. Кроме того, вместо «р» они произносили «л», а вместо свистящих звуков – шепелявили. Кроме того, они пренебрегали грамматическими окончаниями, так и не смогли научиться различать «я» и «мы» и, наконец, не видели никакой разницы между мужским и женским родом (вероятно, в этом проявлялась половая холодность, присущая им всегда, кроме периода спаривания). Короче говоря, любой язык в их устах характерным образом изменялся и, так сказать, оптимизировался, принимая самые простые и рудиментарные формы. Необходимо отметить, что неологизмы саламандр, их произношение и грамматическая примитивность начали быстро распространяться – сперва среди низших слоев населения в портовых городах, а затем и в так называемом высшем обществе, а уже оттуда подобный способ выражаться перешел в газеты и наконец сделался всеобщим. В конце концов из речи многих людей тоже исчезла разница между грамматическими родами, начали отпадать окончания, вымерли падежи; золотая молодежь изгнала из своей речи «р» и научилась шепелявить; и даже среди образованных людей мало кто уже мог сказать, что значит «индетерминизм» или «трансцендентность», – просто потому, что эти слова и для людей стали слишком длинными и произносимыми.

Одним словом, как бы то ни было – но саламандры научились говорить почти на всех языках мира, в зависимости от того, на побережье какой страны они жили. В нашей печати (кажется, в «Народных листах») тогда вышла статья, в которой (не без основания) с горечью задавался вопрос, отчего саламандры не изучают также и чешский язык, если уж появились на свете те из них, кто умеет говорить по-португальски, по-голландски и на языках иных малых наций.

«У нашей нации, к сожалению, нет собственного выхода к морю, – признавал автор, – потому у нас нет и морских саламандр; но, даже если у нас нет своего моря, это еще не значит, что мы не вносим в мировую культуру такой же – а во многих отношениях еще больший – вклад, нежели многие нации, языкам которых обучаются тысячи саламандр. Справедливость восторжествовала бы, если бы саламандры познакомились и с нашей духовной жизнью; но как же они могут о ней узнать, если среди них нет никого, кто владел бы нашим языком?

²⁷ Помимо прочего, знаменитый филолог Курциус в труде *Janua linguarum aperta* предлагал принять в качестве единственного языка общения саламандр латынь золотого века Вергилия. «Ныне в нашей власти, – призывал он, – чтобы латынь, самый совершенный, самый богатый грамматическими правилами и самый изученный с точки зрения лингвистической науки язык, вновь стала живым и всемирным языком. Если образованное человечество не соблазнится такой возможностью, – используйте ее сами, о *Salamandrae*, *gens maritima*, изберите своим родным языком *eruditam linguam Latinam*, единственный язык, достойный того, чтобы на нем говорил *orbis terrarum*. Ваша заслуга, о *Salamandrae*, не погибнет в веках, если вы воскресите для новой жизни вечный язык богов и героев; ведь, приняв этот язык, вы, *gens Tritonum*, станете когда-нибудь и обладателями наследства Рима, властителя мира». Напротив, некий телеграфный чиновник из Латвии, по имени Вольтерас, наряду с пастором Менделиусом, изобрел и разработал специальный язык для общения саламандр, окрестив его «понтийским языком» (*Pontic lang*), для чего воспользовался элементами всех языков мира, в особенности африканских. Этот саламандровый язык (как его тоже называли) получил определенное распространение в особенности в Скандинавии – к несчастью, лишь среди людей. В Упсале даже была учреждена кафедра саламандрового языка, однако среди саламандр, насколько известно, не было никого, кто бы говорил на этом языке. По правде говоря, наибольшее распространение среди саламандр получил *Basic English*, который и стал впоследствии их официальным языком.

Не стоит ждать, что кто-нибудь на свете осознает свой культурный долг и создаст кафедру чешского языка и чехословацкой литературы в одном из учебных заведений для саламандр. Как сказал поэт: „Не верьте никому на белом свете, нет там у нас друзей – ни одного“. Необходимо исправить дело самим! – призывала статья. – Всего, чего мы до сих пор достигли в этом мире, мы добились своими собственными руками! Наше право и наша обязанность – стремиться к тому, чтобы найти себе друзей и среди саламандр; но, как представляется, наше министерство иностранных дел не слишком-то много внимания уделяет должной пропаганде нашей нации и наших товаров среди саламандр, между тем как иные нации, даже меньшие, чем наша, тратят миллионы на то, чтобы открыть свои культурные богатства для саламандр и при этом пробудить в них интерес к продукции своей промышленности».

Статья вызвала большой резонанс, главным образом в Союзе промышленников, и привела по крайней мере к одному практическому результату: было издано небольшое пособие «Говорим по-чешски с саламандрами» с отрывками из чехословацкой художественной литературы. Этому трудно поверить, но книжка в самом деле разошлась в количестве свыше семисот экземпляров – поистине выдающийся успех!²⁸

²⁸ В связи с этим приведем сохранившийся в коллекции пана Повондры очерк, написанный Яромиром Зейделом-Новоместским: Наш друг на Галапагосских островах Совершая с моей супругой, поэтессой Генриэттой Зейделовой-Хрудимской, путешествие вокруг света, дабы чудо многих новых и глубоких впечатлений хотя бы отчасти развеяло боль утраты нашей драгоценной тетушки, писательницы Богумилы Яндовой-Стрешшовицкой, мы очутились на затерянных в океане, овеянных многими легендами Галапагосских островах. У нас было всего два свободных часа, которые мы решили потратить на прогулку по берегам этого пустынного архипелага. – Взгляни, какой прекрасный сегодня закат солнца, – обратился я к своей супруге. – Не кажется ли тебе, будто бы целый небосвод тонет в волнах золота и крови? – Господин изволит быть чехом? – раздался вдруг за нами вопрос на чистом и правильном чешском языке. Мы удивленно обернулись на голос. Там никого не было, лишь большая черная саламандра сидела на камне, держа в руке предмет, похожий на книгу. За время нашего кругосветного путешествия мы уже видели нескольких саламандр, но у нас не было возможности поговорить с ними. Потому любезный читатель поймет наше удивление от того, что на столь пустынном побережье мы не просто встретились с саламандрой, но и услышали от нее вопрос на нашем родном языке. – Кто здесь говорит? – воскликнул я по-чешски. – Это я, мой господин, взял на себя смелость, – ответила, почтительно привстав, саламандра. – Я не мог совладать с собой, впервые в жизни услышав, как кто-то говорит по-чешски. – Но откуда же, – изумился я, – вы знаете чешский язык? – Как раз в эту минуту я был занят спряжением неправильного глагола «быть» – ответила саламандра, – этот глагол, кстати говоря, настолько неправильный, что спрягается по особым правилам во всех языках. – Как, где и зачем, – продолжал наседать я на него, – вы выучили чешский? – По воле случая мне в руки попала эта книга, – отвечала саламандра, указывая мне на книжку, которую она держала в руке. Это была «Говорим по-чешски с саламандрами», причем на ее страницах видны были следы частого и прилежного пользования пособием. – Сюда она попала в посылке, вместе с другими научно-популярными книгами. Можно было выбирать между «Геометрией для старших классов средних школ», «Историей военной тактики», «Путеводителем по Доломитовым Альпам» или «Основами биметаллизма». Я, однако, предпочел эту книжку – и она сделалась для меня верным другом. Я уже выучил ее всю наизусть, однако снова и снова нахожу в ней все новые источники познания и борьбы со скукой. Моя супруга и я выразили неподдельную радость и удивление по поводу правильного и даже почти во всем понятного произношения нашего собеседника. – К несчастью, здесь нет никого, с кем я мог бы поговорить по-чешски, – скромно поведал наш новый друг, – и мне даже не у кого уточнить, как все-таки правильно писать «также» – слитно или раздельно? – Слитно, – ответил я. – Нет-нет, раздельно! – тут же воскликнула моя супруга. – Не будете ли вы столь любезны сказать мне, – горячо спросил наш милый собеседник, – что нового в стобащенной матушке Праге? – Она растет, мой друг, – ответил я, обрадовавшись его живому интересу, и в нескольких словах описал ему расцвет нашей драгоценной столицы. – Какие радостные известия, – с нескрываемым удовлетворением произнесла саламандра. – А скажите мне, висят ли еще на Мостовой башне отрубленные головы казненных чешских панов? – Нет-нет, давно уже не висят, – ответил я, признаюсь, будучи несколько удивленным таким вопросом. – Ах, какая жалость, – сказала симпатичная саламандра. – Ведь это был редкостный памятник истории. Боже, как жаль, что столько замечательных достопримечательностей пало жертвой Тридцатилетней войны! Если я не ошибаюсь, чешская земля тогда была превращена в бесплодную пустыню, залитую слезами и кровью. Повезло еще, что тогда не погиб родительный падеж при отрицаниях. В этой книжке говорится, что он вот-вот отомрет. Это была бы великая утрата, мой господин. – Вы, следовательно, увлекаетесь и нашей историей?! – радостно воскликнул я. – Безусловно, – отвечала саламандра, – в особенности белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением. Я очень много читал о них в этой книге. Вы, должно быть, очень гордитесь своим трехсотлетним порабощением. У вас была великая эпоха. – Да, тяжелая эпоха, – подтвердил я, – время бед и унижений. – И вы стонали? – наш друг с жадным интересом пожирал нас глазами. – Стенали, невыносимо страдая под ярмом жестоких поработителей. – Ну слава богу, – с облегчением перевела дух саламандра. – В моей книжке именно так и написано. Я очень рад, что это оказалось правдой. Это замечательная книга, гораздо лучше «Геометрии для старших классов средних школ». Я был бы рад когда-нибудь побывать на историческом месте, где были казнены чешские паны, и на остальных знаменитых местах – свидетелях жестокого бесправия. – Приезжайте же к нам, – предложил я ему от всего сердца. – Благодарю вас за любезное приглашение, – поклонилась саламандра. – К сожалению, я не до такой степени свободен в своих перемещениях... – Мы можем вас купить! – воскликнул я. – То есть, я хотел сказать, что, вероятно, общенациональный сбор средств мог бы позволить вам... – Благодарю,

Вопросы образования и языка, впрочем, составляли лишь одну из граней большого Саламандрового Вопроса, который вырос, что называется, буквально на глазах у людей. Так, например, вскоре ребром встал вопрос: как относиться к саламандрам в смысле их жизни в обществе. В первые, можно сказать, доисторические годы Эпохи Саламандр различные общества защиты животных яростно боролись за то, чтобы уберечь саламандр от жестокого и бесчеловечного обращения; благодаря их неустанному вмешательству удалось добиться того, что власти практически повсюду следили за тем, чтобы по отношению к саламандрам полностью соблюдались полицейские и ветеринарные правила, установленные для иных видов домашнего скота. Помимо этого, принципиальные противники вивисекции подписали множество писем протеста и петиций, требуя запрещения научных опытов на живых саламандрах, и в ряде государств действительно были приняты подобные законы²⁹. Однако по мере роста образованности саламандр под все большее сомнение ставилось то, следует ли просто распространять на них правила по охране животных; по каким-то не вполне понятным причинам это казалось несколько неловким. Тогда была основана международная Лига защиты саламандр (Salamander Protecting League) под покровительством герцогини Хеддерсфильдской. Эта лига, насчитывавшая более двухсот тысяч членов, главным образом в Англии, проделала большую и выдающуюся работу по помощи саламандрам; например, она добилась того, чтобы на морских побережьях были устроены специальные площадки, на которых, вдали от любопытствующих зевак, саламандры могли бы собираться, чтобы устраивать «собрания и спортивные праздники» (тут имелись в виду, очевидно, тайные лунные танцы); далее, во всех учебных заведениях (и даже в Оксфордском университете) учащимся начали внушать, чтобы они не забрасывали саламандр камнями; определенные успехи были достигнуты на пути к тому, чтобы в саламандровых школах молодых головастика не слишком нагружали учебой; наконец, места работы и повседневной жизни саламандр были обнесены высокими дощатыми заборами, которые защищали саламандр от всяких беспокойств, а самое главное – в достаточной степени отделяли мир саламандр от мира людей³⁰.

горячо благодарю! – пробормотал наш друг, очевидно в растроганных чувствах. – Однако я слышал, что во Влтаве не очень хорошая вода. В речной воде мы страдаем от тяжелой формы поноса. – После чего саламандра ненадолго задумалась и добавила: – Кроме того, мне жаль было бы расставаться с моим любимым садиком. – Ах! – воскликнула моя супруга. – Я тоже любительница садоводства! Как я была бы вам благодарна, если бы вы показали мне дары здешней флоры! – С величайшим удовольствием, моя госпожа, – сказала саламандра, вежливо поклонившись. – Ежели, конечно, вас не смутит то обстоятельство, что милый моему сердцу сад находится под водою. – Под водой? – Да, на глубине двадцати двух саженей. – Какие же цветы вы там разводите? – Морские анемоны, – ответил наш друг, – несколько редких сортов. А кроме того, морские звезды и морские огурцы, не говоря уже о коралловых кустах. «Блажен, кто выпестовать смог для родины своей хоть розы куст, хоть черенок, держащийся корней», – как сказал поэт. Увы, пришла пора прощаться, поскольку наш пароход уже подавал сигналы к отправлению. – А что бы вы хотели передать, пан... пан... – запнулся я, не зная имени нашего любезного друга. – Мое имя Болеслав Яблонский, – смущенно произнесла саламандра, – по моему мнению, это красивое имя. Я его выбрал из моей книжки. – Что же вы, пан Яблонский, хотели бы передать нашему народу? Саламандра на мгновение задумалась. – Скажите своим соотечественникам, – с глубоким волнением произнесла наконец она, – передайте им... Да не предаются они старым раздорам среди славян... пусть хранят в своей благодарной памяти Липаны и в особенности Белую гору! Наздар! Честь имею кланяться! – внезапно оборвала саламандра свою речь, очевидно стремясь справиться с нахлынувшими чувствами. Мы сели в шлюпку и отчалили, растроганные и исполненные мыслей. Друг наш стоял на большом камне и махал нам рукой; нам почудилось, что он что-то кричал. – Что он кричит? – спросила моя супруга. – Не знаю, – ответил я, – но мне показалось, что он хотел сказать: «Передавайте привет господину пражскому мэру доктору Баксе».

²⁹ В частности, в Германии любая вивисекция была строго запрещена – впрочем, запрет распространялся только на ученых-евреев.

³⁰ По-видимому, свою роль здесь играли и некоторые нравственные императивы. Среди бумаг пана Повондры сохранилось много экземпляров изданного на разных языках «Воззвания», опубликованного, вероятно, в газетах всего мира и подписанного самой герцогиней Хеддерсфильдской. В нем говорилось: «Лига защиты саламандр обращается прежде всего к вам, о женщины, с призывом – во имя приличия и высокой морали – делом своих рук принять участие в большом предприятии, цель которого – снабдить саламандр подобающим платьем. Больше всего для этих целей подходят юбки, длиной 40 см, шириной в поясе 60 см, лучше всего сшитой резинкой. Рекомендуются юбочка, собранная в складки (плиссированная), которая хорошо сидит на саламандрах и допускает большую свободу движений. Для тропических стран достаточно фартука, который бы завязывался на поясе, изготовленного из самой простой материи, которую легко стирать, – возможно, из каких-нибудь остатков вашего старого гардероба. Этим вы поможете несчастным саламандрам, дабы они не должны были, работая в присутствии

Однако сих похвальных частных инициатив, целью которых было выстраивание отношений между человеческим обществом и саламандрами на основе моральных ценностей и гуманизма, вскоре оказалось недостаточно. Было довольно просто сделать саламандр, как говорится, винтиками производственного процесса, однако гораздо более трудной задачей оказалось каким-либо образом встроить их в существующий общественный порядок. Правда, люди консервативных взглядов утверждали, что говорить о каких-либо юридических или социальных проблемах здесь вовсе не стоит: саламандры, мол, всего-навсего собственность своего хозяина, который и отвечает за них, в том числе и за возможный ущерб, который они могли бы нанести; несмотря на всю свою очевидную разумность, саламандры – не что иное, как юридический объект, вещь или имущество, и потому каждое особое законодательное предписание, их касающееся, было бы грубым посягательством на священное право частной собственности. Напротив, другая сторона возражала, что саламандры как существа разумные и в значительной мере вменяемые могут по собственному умыслу и притом самыми разными способами нарушать действующее законодательство. Как же можно требовать от владельца саламандр нести ответственность за возможные правонарушения, которые допустят его саламандры? Подобный риск, безусловно, подорвал бы частную инициативу на рынке труда саламандр. В морях заборов нет, – говорили сторонники этой точки зрения, саламандр невозможно запереть, чтобы постоянно надзирать над ними. Потому необходимо законодательным путем обязать самих саламандр уважать законодательство людей и соблюдать предписания, которые будут установлены для них³¹.

людей, показываться вовсе без всякой одежды, что, несомненно, заставляет их стыдиться и в то же время оскорбляет чувства каждого приличного человека, в особенности каждой женщины и матери». Надо полагать, что это начинание не принесло желаемого результата: нам не известно ничего о том, чтобы саламандры согласились носить юбочки или фартуки; вероятно, одежда мешала им под водой или просто не держалась на них. Когда же саламандры впоследствии были отделены от людей прочными заборами, с обеих сторон исчезли какие-либо причины для того, чтобы стыдиться или оскорбляться в своих чувствах. Что касается нашего замечания о том, что необходимо было защищать саламандр от разного рода беспокойств, мы имели в виду главным образом собак, которые никак не могли смириться с самим существованием саламандр и бешено преследовали их даже под водой, – несмотря на то, что у собак, покусавших спасавшихся от них бегством саламандр, воспалялась слизистая оболочка пасти. Иногда саламандры давали отпор, так что немало породистых собак погибло под ударами мотыги или кирки. Вообще же между собаками и саламандрами возникла постоянная и даже смертельная вражда, которая ничуть не пошла на спад – напротив, скорее усилилась – после сооружения заграждений, отделивших их друг от друга. Так вообще нередко случается – и не только у собак. Кстати говоря, эти просмоленные заборы, тянувшиеся по морским побережьям иногда на сотни и сотни километров, использовались и в воспитательных целях: во всю длину они были покрыты большими надписями и лозунгами, полезными для саламандр, например такими: РАБОТА ДЕЛАЕТ УСПЕШНЫМ! ЦЕНИТЕ КАЖДУЮ СЕКУНДУ! В СУТКАХ ВСЕГО 86 40 ° СЕКУНД! КАЖДЫЙ СТОИТ РОВНО СТОЛЬКО, СКОЛЬКО ОН ЗАРАБОТАЕТ! ОДИН МЕТР ДАМБЫ ВЫ МОЖЕТЕ ВОЗДВИГНУТЬ ВСЕГО ЗА 57 МИНУТ! КТО ТРУДИТСЯ – ТОТ СЛУЖИТ ВСЕМ! КТО НЕ РАБОТАЕТ – ТОТ НЕ ЕСТЬ! И так далее. Если учесть, что дощатые ограды окаймляли по всему миру более трехсот тысяч километров прибрежных полос, то можно себе представить, сколько позитивных и общепользовательных лозунгов могло на них уместиться.

³¹ Интересен тут так называемый Первый саламандровый процесс, слушания по которому проходили в Дурбане. Мировая печать широко комментировала его (что видно из коллекции пана Повондры). Портное управление в А. приняло на работу дружину саламандр. Через какое-то время они так размножились, что в порту стало не хватать для них места; на окрестном побережье было создано несколько колоний головастика. Землевладелец Б., которому принадлежала часть этого побережья, потребовал от портного управления удалить своих саламандр из его частных владений, поскольку на берегу у него была оборудована купальня. Портное управление утверждало в ответ, что ему нет до этих жалоб дела, поскольку с тех пор, как саламандры расселились во владениях истца, они стали именно его, истца, частной собственностью. Пока переговоры между сторонами шли своим путем, саламандры (отчасти из-за врожденного инстинкта, отчасти вследствие трудового рвения, привитого им в процессе воспитания) начали без какого-либо указания и разрешения строить дамбы и бассейны во владениях мистера Б. Тогда последний подал на портное управление судебный иск об ущербе, причиненном его имуществу. В первой инстанции иск был отклонен, в обосновании говорилось, что строительство дамб не нанесло имуществу мистера Б. никакого ущерба, – напротив, улучшило его состояние. Вторая инстанция согласилась с истцом в том, что никто не обязан терпеть на своей земле домашних животных, принадлежащих соседу, и пришла к выводу, что портное управление является ответственным за любой ущерб, причиненный саламандрами, – подобно тому, как фермер обязан возмещать вред, который нанесет соседям разводимый им скот. Ответчик, однако, возражал, что не может ручаться за саламандр, поскольку не в его силах изолировать их в море. На это судья возразил, что, по его мнению, ущерб, причиненный саламандрами, необходимо рассматривать по аналогии с вредом, который нанесли бы курицы – их тоже невозможно изолировать, поскольку они умеют летать. Представитель портного управления спросил, каким же образом его клиент может выселить саламандр или заставить их самостоятельно покинуть частные прибрежные владения мистера Б. На это судья ответил, что суда этот вопрос не касается.

Насколько известно, Франция стала первой страной в мире, в которой были приняты специальные законы о саламандрах. Первый из них установил обязанности саламандр в случае мобилизации и войны; второй (так называемый закон Деваля) предписывал саламандрам селиться лишь на тех участках побережья, которые им укажет их владелец или администрация соответствующего департамента; третий закон установил, что саламандры должны безоговорочно подчиняться всем распоряжениям полиции; в случае, если они нарушат эту норму, полицейские власти будут иметь право наказывать их заключением в сухом и светлом месте и даже отстранением от работы на долгое время. После этого левые партии внесли в парламент проект свода социальных законов для саламандр, которые бы четко установили их трудовые обязанности и наложили на работодателей определенные обязанности по отношению к работающим саламандрам (в частности, двухнедельный отпуск в период весеннего спаривания). Крайние левые, между тем, требовали полного изгнания саламандр из общества – как врагов трудового народа, которые играют роль наймитов капитала, слишком много и практически даром работая и ставя тем самым под угрозу жизненный уровень рабочего класса. В поддержку этого требования были организованы забастовка в Бресте и массовые манифестации в Париже; в результате было много раненых, и кабинет Деваля вынужден был подать в отставку. В Италии саламандры были подчинены специальной Саламандровой корпорации, составленной из представителей работодателей и властей; в Голландии они находились в ведении министерства водных сооружений; словом, каждое государство решало Саламандровый Вопрос по-своему, не так, как другие. Однако повсюду власти принимали множество распоряжений, которые определяли обязанности саламандр перед обществом и надлежащим образом ограничивали их животную свободу.

Естественно, сразу вслед за принятием первых законов о саламандрах появились люди, которые во имя юридической логики начали доказывать, что, если человеческое общество устанавливает для саламандр определенные обязанности, оно должно также признать за ними и какие-то права. Государство, издавая законы для саламандр, признает их тем самым существами свободными и ответственными, субъектами права и даже своими гражданами или подданными; следовательно, необходимо каким-то образом упорядочить их взаимоотношения с государством, под юрисдикцией которого они находятся. Конечно, можно было бы считать саламандр иммигрантами, однако в этом случае государство не могло бы налагать на них определенные обязанности в случае мобилизации и войны, как это было сделано во всех цивилизованных странах (за исключением, конечно, Англии). В случае военного конфликта мы ведь наверняка потребуем от саламандр, чтобы они защищали наши побережья; но тогда мы не должны отказывать им в известных гражданских правах, как то избирательное право, свобода собраний, право быть представленными в различных выборных органах и так далее³².

Тогда представитель ответчика спросил, как его честь отнесся бы к тому, если бы портовое управление распорядилось перестрелять нежелательных саламандр. Судья на это ответил, что он, будучи британским джентльменом, считал бы это крайне неудачным подходом к делу – а помимо этого, еще и нарушением охотничьих прав мистера Б. Ответчик, таким образом, обязан, с одной стороны, удалить саламандр из частных владений истца, а с другой стороны – возместить ущерб, нанесенный истцу постройкой дамб и изменением прибрежной полосы, а именно привести данный участок побережья в первоначальное состояние. После этого представитель ответчика задал вопрос, можно ли будет к работам по устранению незаконных сооружений привлечь саламандр. Судья ответил, что, по его мнению, это никак невозможно – если на это не будет получено согласия истца, супруга которого чувствует к саламандрам отвращение и не может купаться на побережье, оскверненном ими. Ответчик возразил, что без помощи саламандр невозможно разрушить дамбы, построенные под водой, на что судья заявил, что суд не хочет, да и не может, решать технические вопросы – суды существуют для того, чтобы защищать права собственности, а не чтобы давать ответы на вопросы о том, что практически осуществимо, а что нет. С юридической точки зрения дело на этом закончилось. Осталось неизвестным, как портовое управление в А. смогло выйти из этого затруднительного положения; однако все это дело стало доказательством того, что Саламандровый Вопрос должен разрешаться в том числе и при помощи новых юридических средств.

³² Некоторые понимали идею равноправия для саламандр до такой степени буквально, что требовали для них права занимать любые публичные должности в воде и на суше (Ж. Курто), или же формирования из саламандр тяжеловооруженных подводных полков с собственными подводными же командирами (генерал Дефур), или даже легализации смешанных браков

Звучали даже требования, чтобы саламандрам была предоставлена своего рода подводная автономия, но эти и иные рассуждения оставались сугубо теоретическими, каких-то практических последствий они не имели, главным образом потому, что сами саламандры никогда и нигде не требовали для себя никаких гражданских прав.

Также без выраженного интереса со стороны саламандр и без их участия развивалась другая грандиозная дискуссия, которая крутилась вокруг вопроса, можно ли крестить саламандр. Католическая церковь с самого начала твердо держалась мнения, что это недопустимо ни в коем случае: поскольку саламандры не являются потомками Адама, они не были зачаты в первородном грехе, а следовательно, и не могут быть очищены от этого греха через таинство крещения. Святая церковь не желает высказывать никакого мнения по вопросу о том, имеют ли саламандры бессмертную душу или каким-то иным образом примут спасение и благодать Божию; благорасположение церкви к саламандрам может выражаться лишь в том, что она будет поминать их в специальной молитве, которая будет читаться в особые дни наряду с молитвой за души в чистилище и предстательством за неверующих³³. Протестантским церквям пришлось сложнее; они признавали за саламандрами разум, а следовательно, и способность понять христианское учение, однако же сомневались в том, стоит ли их принять в лоно церкви и тем самым признать их братьями во Христе. Поэтому они ограничились изданием (в сокращенном виде) Священного Писания для саламандр на непромокаемой бумаге и распространили его в десятках миллионов экземпляров. Думали и о том, чтобы составить для саламандр (по аналогии с Basic English) нечто вроде Basic Christian, то есть упрощенное изложение основных принципов христианского учения; однако все попытки как-то реализовать эту идею на практике вызвали столько теологических споров, что от нее пришлось отказаться³⁴. Менее щепетильными оказались некоторые религиозные секты (в особенности американские), которые направляли к саламандрам своих проповедников, чтобы учить их истинной вере и крестить по завету Писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Однако лишь немногим миссионерам удалось попасть за заборы, отделявшие саламандр от людей: работодатели запрещали проповедникам беспокоить саламандр, чтобы они своими рассказами не отрывали

между людьми и саламандрами (адвокат Луи Перро). Ученые-биологи, правда, утверждали, что подобные браки невозможны в принципе, однако мэтр Перро заявил, что речь не о биологической возможности, а о юридическом принципе – и что он сам готов жениться на саламандре с целью доказать, что реформа семейного права не останется только на бумаге (впоследствии Перро стал весьма популярным адвокатом со специализацией в бракоразводных делах). (Упомянем здесь – по принципу свободных ассоциаций – о том, что время от времени в печати, в особенности американской, появлялись сообщения о девушках, будто бы изнасилованных саламандрами во время купания. Из-за этих сообщений в Соединенных Штатах участились случаи, когда саламандр ловили и линчевали – чаще всего сжигали на костре. Тщетно ученые выступали против данного народного обычая, пытались доказать, что подобное преступление саламандры не могут совершить физически из-за своих анатомических особенностей; множество девушек под присягой подтвердило, что саламандры к ним приставали, и тем самым вопрос был решен для каждого нормального американца. Позднее любимое в народе сожжение саламандр было, по крайней мере, введено в некоторые рамки – линчевать саламандр теперь разрешалось только по субботам и под надзором пожарных. Тогда же возникло и Движение против линчевания саламандр, во главе которого встал чернокожий священник преподобный Роберт Дж. Вашингтон; в него вступили сотни тысяч человек – впрочем, почти все они были неграми. Американская печать начала утверждать, что это движение является политическим и преследует разрушительные цели; начались погромы негритянских кварталов, причем многие чернокожие, молившиеся в своих церквях за братьев саламандр, были сожжены. Ярость по отношению к чернокожим достигла высшей точки после того, как от подожженной негритянской церкви в Гордонвилле (штат Луизиана) загорелся целый город. Впрочем, это уже не имеет прямого отношения к истории саламандр.) Из общественных установлений и выгод, которые саламандры в конце концов действительно получили, упомянем хотя бы некоторые: каждая саламандра была записана в саламандровой метрической книге и зарегистрирована по месту своей работы; саламандры должны были получать от властей вид на жительство; они были обложены налогом с плательщика, который вносил за саламандр их владелец, впоследствии вычитавший соответствующий процент из выдаваемого им пропитания (поскольку саламандрам не платили жалованья); таким же образом саламандры должны были расплачиваться за аренду участков побережья, где они жили, взносы в муниципальную казну, платежи за сооружение заборов, школьные налоги и прочие обременения; короче говоря, необходимо честно признать, что в этом отношении на них распространялись те же правила, что и на других граждан, – то есть саламандры хотя бы в чем-то достигли равноправия.

³³ Этому была посвящена энциклика Святого отца под названием «Mirabilia Dei opera».

³⁴ По этому вопросу вышло столько литературы, что лишь ее библиографический указатель занял бы два толстых тома.

саламандр зря от дела. Так что нередко в разных местах можно было увидеть проповедника, стоящего у просмоленного забора и, вопреки яростному лаю собак, собравшихся по другую сторону преграды, тщетно, однако с большим воодушевлением излагающего слово Божие.

Насколько нам известно, среди саламандр относительно широко распространился монизм; некоторые из них верили также в материализм, золотой стандарт и иные научные постулаты. Популярный философ Георг Секвенц даже придумал своего рода религию для саламандр, главным и наивысшим догматом которой была вера в Великого Саламандра. Впрочем, среди саламандр эта религия совершенно не прижилась; зато у нее нашлось множество adeptов среди людей, в особенности в крупных городах, где буквально за одну ночь появилось множество тайных святилищ для отправления саламандрового культа³⁵.

Сами саламандры позже почти поголовно стали adeptами другой религии; так и не удалось выяснить, откуда она взялась и как распространилась среди них. Это было поклонение Молоху, которого они представляли себе в виде гигантской саламандры с человеческой головой; якобы у саламандр под водой были огромные идола из чугуна, которые они заказывали у Армстронга или Круппа. Однако подробности их религиозных обрядов, будто бы необычайно жестоких и тайных, так и остались неизвестными, ибо совершались они под водой. По-видимому, этот культ распространился среди них потому, что имя «Молох» напоминало им естественно-научное (molche) или немецкое (Molch) название для саламандры.

Из вышеизложенного следует, что Саламандровый Вопрос сначала и на протяжении достаточно долгого времени рассматривался лишь в смысле рассуждений о том, в состоянии ли саламандры (и если да, то до какой степени), как разумные и в значительной степени цивилизованные существа, пользоваться теми или иными правами человека – пусть даже будучи где-то на грани человеческого общества и заведенного им порядка; иными словами, это было внутреннее дело конкретных государств, разрешаемое в рамках гражданского права. Годами никому даже не приходило в голову, что Саламандровый Вопрос может иметь важнейшее международное значение и что с саламандрами, скорее всего, придется иметь дело не просто как с разумными существами, но и как с единым саламандровым коллективом или даже нацией саламандр. Вообще-то, первый шаг к такому пониманию Саламандрового Вопроса сделали как раз те самые эксцентричные христианские секты, которые пытались крестить саламандр, ссылаясь на слова Писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Тем самым впервые была высказана мысль о том, что саламандры представляют собой нечто вроде нации³⁶. Однако по-

³⁵ В бумагах пана Повондры сохранилась брошюрка весьма порнографического содержания, якобы составленная на основании полицейских рапортов города Б. Материалы данного «частного издания, выпущенного с научными целями», нельзя цитировать в приличной книге. Приведем потому лишь некоторые подробности: «Середину святилища саламандрового культа, расположенное в *** улице, дом номер ***, занимает большой бассейн, выложенный темно-красным мрамором. Вода в бассейне облагорожена благовонными эссенциями, подогрета и из глубины освещается огнями, цвет которых все время меняется. Другого освещения в святилище нет. С пением саламандровых литаний в радужный бассейн по мраморным лестницам спускаются полностью нагие верующие саламандры и саламандрии – то есть мужчины (с одной стороны) и женщины (с другой). Почти все они – из высшего общества, назовем здесь баронессу М., киноактера С., посланника Д. и множество иных выдающихся личностей. Вдруг голубой прожектор освещает огромную мраморную скалу, выступающую из воды. На ней лежит, тяжело дыша, большая старая черная саламандра, называемая Магистр Саламандр. После короткой паузы магистр начинает говорить. Он призывает верующих всей душой отдаться предстоящим обрядам Танца саламандр и отдать должное Великому Саламандру. После этого он поднимается и начинает извиваться верхней половиной тела, после чего верующие мужчины, погруженные в воду по шею, тоже начинают неистово раскачиваться и крутить телом, все быстрее и быстрее, – как считается, для того, чтобы создать Сексуальное Пространство. Саламандрии после этого начинают издавать резкие звуки наподобие „тс-тс-тс“, визжать и скрежетать. После этого огни под водой один за одним гаснут, и начинается всеобщий разврат». Мы, конечно, не можем ручаться за то, что это описание соответствует действительности. Однако доподлинно известно, что во всех крупных городах Европы полиция, с одной стороны, жестко преследовала эти саламандровые секты, а с другой – сбивалась с ног, пытаясь погасить пламя грандиозных скандалов в обществе, которые возникали в связи с этим. Можно, впрочем, констатировать, что культ Великого Саламандра хотя и был весьма распространен, однако же отправлялся в большинстве случаев вовсе не с таким баснословным великолепием, а среди бедняков – и вовсе на суше.

³⁶ Кстати, упоминавшаяся выше католическая молитва за саламандр давала им такое определение: Dei creatura de gente Molche (Твари Божии народа саламандр).

настоящему первое и воистину интернациональное и принципиальное признание саламандр в качестве нации содержалось в получившем широчайшую известность воззвании Коммунистического интернационала, подписанном товарищем Молоковым³⁷ и адресованном «всем эксплуатируемым и революционным саламандрам всех стран»³⁸.

Хотя само по себе это воззвание, кажется, не оказало на саламандр прямого воздействия, оно вызвало большую шумиху в мировой печати. У него появилось множество последователей, по крайней мере в том смысле, что на саламандр хлынули как из рога изобилия разнообразные пламенные призывы с самых разных сторон, – призывали их к тому, чтобы саламандры все, как одна, присоединились к той или иной идейной, политической или социальной программе, существующей в человеческом обществе³⁹.

После этого Саламандровым Вопросом занялось и Международное бюро труда в Женеве. Там столкнулись два противоположных мнения: сторонники одного из них признавали саламандр новым трудящимся классом и требовали распространить на них в полном объеме социальное законодательство, касающееся продолжительности рабочего дня, оплачиваемых отпусков, страхования по инвалидности и старости и так далее. Сторонники другого мнения, напротив, утверждали, что в лице саламандр растут опасные конкуренты для людей-трудящихся и что использование труда саламандр просто-напросто необходимо запретить как явление антисоциальное. Против этого предложения выступили не только представители работодателей, но и делегаты от рабочих, указав на то, что саламандры теперь уже являются не только новой трудовой армией, но и сделались крупными и все более важными потребителями. Они указали на то, что в последнее время в небывалом прежде объеме возросла занятость в металлообработке (орудия труда, машины и металлические идола для саламандр), в производстве вооружений, в химической (подводные взрывчатые вещества), бумажной (учебники для саламандр), цементной, лесной промышленности, в производстве искусственного корма (Salamander-Food) и во многих других отраслях; тоннаж торгового флота увеличился по сравнению с временами до открытия саламандр на 27 процентов, а добыча угля – на 18,6 процента. Косвенным образом – из-за роста занятости и уровня благосостояния людей – растет оборот и в других отраслях промышленности. Кроме того, в самое последнее время саламандры начали заказывать различные детали машин по чертежам, которые начертили они сами: под водой они монтируют из них пневматические дрели, молоты, подводные двигатели, печатные станки, радиопередатчики, передающие сигналы под водой, и другие механизмы их собственной конструкции. За эти детали саламандры платят повышенной производительностью труда. В наши дни уже пятая часть всей мировой продукции тяжелой промышленности и точной механики

³⁷ Игра слов: саламандра по-чешски – mlok. – Примеч. перев.

³⁸ Вот текст воззвания, сохранившийся среди бумаг пана Повондры: Товарищи саламандры! Капитализм нашел свою последнюю жертву. Когда его тирания начала окончательно и бесповоротно гнуться под революционным напором классово-сознательного пролетариата, загнивающий капитализм заставил служить себе вас, Труженики Моря, душевно поработил вас своей буржуазной цивилизацией, подчинил вас своим классовым законам, отнял у вас какую бы то ни было свободу и сделал все, чтобы безнаказанно и немилосердно эксплуатировать вас... (14 строк запрещено цензурой) Трудящиеся саламандры! Наступает минута, когда вы начинаете осознавать всю тяжесть того рабства, в котором вы живете... (7 строк запрещено)... и требовать соблюдения своих прав – классовых и национальных! Товарищи саламандры! Революционный пролетариат всего мира подает вам руку... (11 строк запрещено)... любыми средствами. Создавайте заводские советы, избирайте из своего числа доверенных лиц, создавайте забастовочные фонды! Рассчитывайте на то, что сознательный рабочий класс не оставит вас одних в вашей справедливой борьбе и плечом к плечу с вами пойдет в последний бой... (9 строк запрещено) Эксплуатируемые и революционные саламандры всех стран, соединяйтесь! Это есть наш последний и решительный бой! МОЛОКОВ

³⁹ В коллекции пана Повондры мы нашли лишь несколько подобных воззваний; остальные, вероятно, с течением времени пожигала пани Повондра. Из сохранившегося материала приводим здесь хотя бы некоторые обращения: (Пацифистский манифест) (Немецкая листовка)¹ Саламандры, долой евреев! (нем.) (Воззвание группы анархистов-бакунинцев) (Публичное обращение скаутов, занимающихся водным спортом) (Открытое письмо Центрального союза акваристических обществ владельцев водных домашних животных) (Воззвание Общества нравственного возрождения) (Воззвание фракции гражданских реформ в Дьеппе) (Общество взаимопомощи бывших моряков) (Клуб пловцов в Эгире) Особенно важным (если судить по тому, как пан Повондра тщательно подклеил эту вырезку) было, вероятно, воззвание, текст которого приводим здесь полностью:

зависит от заказов саламандр. Уничтожьте саламандр – и закроете тем самым пятую часть заводов; вместо сегодняшнего процветания вы получите миллионы безработных.

Международное бюро труда, безусловно, не могло не считаться с этими возражениями. В конце концов после долгих дискуссий был достигнут компромисс о том, что «вышеозначенные работники группы S (земноводные) могут быть заняты только под водой или в воде, на берегу же – лишь на расстоянии не более десяти метров от наивысшей черты прилива; они не имеют права добывать уголь или нефть на морском дне, не имеют права производить бумагу, текстильную продукцию или искусственную кожу из морских водорослей для сбыта на суше и так далее». Все ограничения, которые были наложены на саламандровое производство, были сведены в кодекс из девятнадцати параграфов. Подробности о них мы здесь не приводим, главным образом по той причине, что, разумеется, они никогда и нигде не соблюдались; однако в качестве образца всеобъемлющего и в прямом смысле слова международного решения Саламандрового Вопроса в его экономическом и социальном аспектах данный кодекс, безусловно, стал выдающимся и заслуживающим всяческих похвал документом.

Несколько медленнее продвигались дела с международным признанием саламандр в другой сфере, а именно в области культурных взаимосвязей. Когда в научном журнале под именем Джона Симэна вышла статья «Геологическое строение морского дна у Багамских островов», которую затем многократно цитировали в иных трудах, то никто еще не подозревал, что речь идет о работе ученой саламандры; когда, однако, научные конгрессы, различные академии и ученые общества стали получать сообщения и целые фундаментальные работы по вопросам океанографии, географии, гидробиологии, высшей математики и иных точных наук, подписанные исследователями-саламандрами, это всякий раз вызывало большое смятение, а иногда и отторжение, которое великий д-р Мартель выразил словами: «И эта пакость будет нас учить?» Японский специалист д-р Оношита, который осмелился процитировать сообщение одной саламандры (некто о развитии желткового мешка у головастика глубоководной морской рыбки *Argyropelecus hemigymnus* Cocco), подвергся бойкоту со стороны ученого сообщества и совершил харакири; для университетской науки было делом чести и корпоративной солидарности – не принимать во внимание ни одной научной работы саламандр. Тем большее внимание (если не сказать, возмущение) вызвал поступок Университетского центра в Ницце, пригласившего для чтения торжественной лекции д-ра Шарля Мерсье, высокоученую саламандру из тулонской пристани. Выступление д-ра Мерсье о теории сечений конусов в неевклидовой геометрии прошло с выдающимся успехом⁴⁰.

⁴⁰ В коллекции пана Повондры сохранилось довольно поверхностное, в духе газетных очерков, описание этого торжества; к сожалению, сохранилась лишь половина рассказа, вторая часть по неизвестным причинам куда-то запропала. Ницца, 6 мая. В красивом светлом здании Института по изучению Средиземноморья на Promenade des Anglais царит сегодня оживление. Два agents de police не пускают случайных прохожих на тротуар, давая дорогу приглашенным, которые по красному ковру поднимаются в гостеприимный амфитеатр, дышащий приятной прохладой. Мы видим здесь улыбающегося господина мэра Ниццы, господина префекта в цилиндре, генерала в ярко-голубой форме, господ с красными значками Почетного легиона, дам известного возраста (в этом сезоне в моде терракотовый цвет), вице-адмиралов, репортеров, профессоров и благородных старцев, представителей разных наций, которых на Côte d'Azur всегда множество. Вдруг – небольшой инцидент: некое странное создание робко и незаметно пытается пробраться через толпу почетных гостей; снизу доверху оно закутано в какую-то длинную черную пелерину или домино, на глазах у него огромные темные очки; оно суетливо и в то же время неуверенно ковыляет к переполненному вестибюлю. «Hé vous, – кричит один из жандармов, – qu'est-ce que vous cherchez ici?» – но мы уже видим, как к перепуганному гостю спешат университетские сановники, рассыпаясь в любезностях: Cher docteur, сюда, cher docteur, туда. Значит, это и есть д-р Шарль Мерсье, ученая саламандра, которая должна сегодня выступать перед цветом Лазурного Берега! Поспешим же, чтобы нам еще досталось местечко в торжественно-возбужденной аудитории! В президиуме восседают Monsieur le Maire, великий поэт Monsieur Поль Маллори, M-me Мария Диминьяну – делегат Международного бюро интеллектуального сотрудничества, ректор Института по изучению Средиземноморья и другие официальные лица. Сбоку от президиума – кафедра для докладчика, а за ней – ну да, эмалированная ванна. Самая обычная эмалированная ванна, какие бывают в ванных комнатах. Двое сотрудников института приводят на сцену робкое создание, закутанное в длинный балахон. Публика аплодирует как-то недружно. Д-р Шарль Мерсье застенчиво кланяется и неуверенно озирается, ища взглядом, куда бы ему сесть. «Voilà, monsieur, – шепчет один из сотрудников, указывая на ванну, – это для вас». Д-р Мерсье, очевидно, ужасно смущается, но не знает, как отклонить подобный знак внимания; он пытается наконец как можно незаметнее занять место в

На этом торжестве в качестве делегата от женевской организации присутствовала мадам Мария Диминяну. Эта блестящая, благородная дама была так тронута скромным поведением и ученостью д-ра Мерсье («*Pauvre petit*, – воскликнула она, – *il est tellement laid*»⁴¹), что сделала целью своей и без того деятельной и энергичной жизни принятие саламандр в Лигу наций. Напрасно государственные мужи объясняли красноречивой и пробивной даме, что саламандры, не имея нигде на свете ни государственного суверенитета, ни собственной территории, не могут быть членами Лиги наций. Мадам Диминяну начала пропагандировать идею, что в таком случае саламандры должны получить для себя свободную территорию, где могли бы основать подводное государство. Это предложение, однако, было сочтено нежелательным – если не сказать дерзким; но в конце концов было найдено счастливое решение: создать при Лиге наций особую Комиссию по изучению Саламандрового Вопросы, для участия в работе которой будут приглашены также два делегата от саламандр; одним из них по настоянию мадам Диминяну стал тот самый д-р Шарль Марсье из Тулона, вторым же оказался некий дон Марио, толстая ученая саламандра с Кубы, чьи научные интересы лежали в области планктона, а также

ванне, но запутывается в своем длинном балахоне и прямо-таки плюхается в ванну. Господа в президиуме обильно политы водой, но, впрочем, делают вид, будто бы ничего не случилось; в аудитории раздается истерический смехок, но зрители из первых рядов грозно озираются, шипя: «тсс!» В этот момент поднимается с места Monsieur le Maire et Député и берет слово: «Дамы и господа, я имею честь приветствовать на территории прекрасного города Ницца доктора Шарля Мерсье, выдающегося представителя научной жизни наших близких соседей, обитателей морских глубин. (Д-р Мерсье высовывается из воды до половины и отвешивает глубокий поклон.) Впервые в истории цивилизации земля и море протягивают друг другу руки для интеллектуального сотрудничества. До сих пор на пути духовной жизни стояла неодолимая преграда – ею был Мировой океан. Мы могли пересечь его, могли бороздить его на своих кораблях в любых направлениях, но в глубины его, дамы и господа, наша цивилизация проникнуть не могла. Маленький кусочек суши, на котором живет человечество, был вплоть до наших дней окружен девственным и диким морем; это великолепное обрамление, однако, также и извечная граница: с одной стороны, поднимающаяся вверх по ступеням развития цивилизация, с другой – вечная и неизменная природа. Теперь, мои дорогие слушатели, эта граница рушится. (Аплодисменты.) Нам, детям нынешнего великого времени, выпало на долю ни с чем не сравнимое счастье – быть очевидцами того, как растет наше духовное отечество, как переступает оно свои собственные рубежи, спускается в морскую пучину, проникает в самые глубины и соединяет старую культурную землю с современным и цивилизованным океаном. Какое великолепное зрелище! (Крики: «Браво!») Дамы и господа, только рождение океанской культуры, выдающегося представителя коей мы имеем честь приветствовать сегодня среди нас, сделало наш земной шар действительно – и во всей полноте – цивилизованной планетой! (Бурные аплодисменты. Д-р Мерсье приподнимается в ванне и кланяется.) Дорогой доктор и большой ученый! – обращается затем Monsieur le Maire et Député к д-ру Мерсье, который, опираясь на край ванны, растроганно и с трудом шевелит своими жабрами, – вы сможете передать своим соотечественникам и друзьям на дне морском наши приветствия, наше восхищение и самые восторженные симпатии. Скажите им, что в вашем лице, в лице наших морских соседей, мы приветствуем авангард прогресса и просвещения, тот авангард, который шаг за шагом будет покорять бескрайние морские просторы и создаст новый культурный мир на дне океана. Я уже вижу, как в морских глубинах вырастают новые Афины и второй Рим, вижу, как расцветает там новый Париж с подводными Сорбоннами и Луврами, Триумфальными арками и Могилами неизвестных солдат, с театрами и бульварами. Позвольте мне высказать и самую сокровенную мою мысль: я надеюсь, что и рядом с нашей дорогой Ниццей в голубых волнах Средиземного моря вырастет новая славная Ницца – ваша Ницца, – которая своими великолепными подводными проспектами, садами и променадами украсит наш Лазурный Берег. Мы хотим ближе познакомиться с вами и хотим, чтобы вы лучше узнали нас; сам я глубоко убежден, что более близкие научные и общественные контакты, которым мы положили сегодня начало под столь счастливой звездой, приведут наши народы ко все более тесному сотрудничеству – как культурному, так и политическому – в интересах всего человечества, ради мира во всем мире, процветания и прогресса. (Продолжительные аплодисменты.) Наконец встает д-р Шарль Мерсье и пытается в нескольких словах поблагодарить господина мэра и депутата от Ниццы; однако он, во-первых, слишком растроган, во-вторых, его произношение отличается некоторыми особенностями, так что из его речи мне удалось распознать лишь несколько с полным напряжением сил произнесенных слов, если не ошибаюсь, среди них были «для меня это большая честь», «культурные связи» и «Виктор Гюго». После чего в большом волнении д-р Мерсье опять укрывается в своей ванне. Слово получает Поль Маллори. О нет, это не речь, а настоящий поэтический гимн, озаренный глубокой философией. Он благодарит судьбу, говорит, что дожил до того времени, когда сбывается и подтверждается одна из самых прекрасных легенд человечества. «Это воплощение и подтверждение того, о чем говорилось в легендах, поистине удивительно: вместо мифической, погружившейся в пучину Атлантиды мы наблюдаем со священным восторгом новую Атлантиду – которая поднимается из пучины! Дорогой коллега Мерсье, вы, поэт пространственной геометрии, и ваши ученые друзья – вы первые посланники этого нового мира, который выходит из глубин морских, вы приходите к нам не как Афродита Пенорожденная, но как Паллада Анадиомена. Но гораздо более удивительной и ни с чем не сравнимой тайной является то, что кроме этого...» (Окончание отсутствует.)

⁴¹ Бедняжка, он такой безобразный! (фр.)

неритических и пелагических зон. С назначением делегатов саламандры достигли наиболее высокого на то время международного признания своего существования⁴².

Итак, саламандры энергично и неустанно развиваются. Их численность уже перевалила за семь миллиардов, но при этом чем выше они взбираются по лестнице цивилизации, тем сильнее падает у них рождаемость (до двадцати – тридцати головастиков на самку в год). Они заселили уже более шестидесяти процентов всех побережий земли; не добрались пока они до полярных берегов, однако саламандры из Канады уже начали колонизировать побережье Гренландии и даже оттесняют эскимосов во внутренние районы острова, начиная вместо них заниматься рыбной ловлей и торговлей рыбьим жиром. Наряду с их расцветом в материальной сфере продолжается и культурный прогресс; саламандры уверенно входят в число цивилизованных наций с обязательным школьным образованием, они могут гордиться сотнями собственных подводных газет, выходящих миллионными тиражами, великолепно оборудованными научно-исследовательскими институтами и так далее.

Конечно же, этот культурный подъем не всегда проходил гладко и без внутреннего сопротивления. Мы, правда, чрезвычайно мало знаем о внутренних делах саламандр, однако, судя по некоторым признакам (например, по найденным трупам саламандр с откушенными носами и головами), можно прийти к выводу, что под поверхностью моря долгое время бушевал страстный идейный спор между старосаламандрами и младосаламандрами. Младосаламандры, как представляется, стояли за прогресс без границ и преград, утверждая, что и под водой необходимо догнать сушу и сравняться с ней по уровню цивилизованности – со всем, что с этим связано, включая футбол, флирт, фашизм и половые извращения. Старосаламандры же, очевидно, консервативно цеплялись за природную сущность саламандр и не желали отказаться от старых добрых животных привычек и инстинктов; они безусловно осуждали лихорадочную погоню за новинками и видели в ней знамение упадка и предательство завещанных дедами саламандровых идеалов. Разумеется, они возмущались и чужеродными влияниями, которым слепо подчиняется нынешняя развращенная молодежь, и спрашивали, достойно ли гордых и уверенных в себе саламандр слепо обезьянничать за людьми⁴³. Можно себе представить, что выдвигались лозунги вроде «Назад к миоцену! Долой всяческое очеловечивание! Выступим за старую добрую саламандренность!» и так далее. Очевидно, существовали все предпосылки для острого конфликта между поколениями, придерживающимися разных мнений, и для глубоких духовных революций в развитии саламандр; очень жаль, что мы не можем привести здесь подробности, однако надеемся, что саламандры использовали из этого конфликта все, что только можно.

Итак, мы видим саламандр на пути к наивысшему расцвету; однако и человечество в это время небывалым образом процветает. Лихорадочно сооружаются новые берега, старые мели превращаются в новую сушу, посреди океана вырастают искусственные авиационные острова;

⁴² Среди документов пана Повондры сохранился несколько мутный газетный снимок, на котором оба делегата от саламандр поднимаются по лесенке из Женевского озера на набережную Монблан, чтобы отправиться на заседание комиссии. Можно предположить, что озеро и стало их официальной резиденцией в Женеве. Что касается женевской Комиссии по изучению Саламандрового Вопроса, то она проделала большую и заслуживающую уважения работу, главным результатом которой было то, что она весьма тщательно избегала обсуждения любых жгучих политических и хозяйственных вопросов. Она заседала постоянно в течение многих лет и провела свыше тысячи трехсот заседаний, на которых велись добросовестные дебаты о введении единой международной терминологии для обозначения саламандр. Дело в том, что в этой сфере господствовал безнадежный хаос: помимо научных терминов вроде *Salamandra*, *Molche*, *Batrachus* (которые начали казаться несколько некорректными) предлагалась целая куча других названий: саламандр предлагали называть тритонами, нептунидами, фетидами, нереидами, атлантами, океаниками, посеидонами, лемурами, пелагами, литоралями, понтиками, батидами, абиссами, гидрионами, сумаринами, жандемерами (от *Gens de Mer*) и т. д. Комиссия по изучению Саламандрового Вопроса должна была выбрать из всех этих названий наиболее подходящее – и занималась решением этой задачи горячо и добросовестно вплоть до самого конца Эпохи Саламандр, но так и не пришла к окончательному и единодушному решению.

⁴³ Пан Повондра включил в свою коллекцию две-три вырезки из газеты «Народни политика», посвященные современной молодежи; очевидно, лишь по невнимательности он принял их за статьи из прессы о саламандрах описываемого нами периода в развитии их цивилизации.

но все это лишь игрушки в сравнении с гигантскими техническими проектами полной перестройки нашего земного шара, ожидающие только разрешения вопроса о том, кто будет их финансировать. По ночам саламандры неустанно работают на всех морях и на побережьях всех континентов; кажется, что они всем довольны и не требуют для себя ничего, кроме возможности трудиться и сверлить под берегами норы и переходы своих темных жилищ. У саламандр есть свои подводные и подземные города, свои глубинные столицы, свои Эссены и Бирмингемы на дне морском, в двадцати или пятидесяти метрах под водой; есть у них свои перенаселенные фабричные кварталы, порты, транспортные линии и миллионные мегаполисы; иными словами, у них есть свой мир, более или менее незнакомый⁴⁴ людям, но, по-видимому, высоко-развитый с точки зрения технологии. Правда, у них нет доменных печей и металлургических заводов, однако люди поставляют им металлы в обмен на их работу. У них нет и собственной взрывчатки, однако и ее люди им продают. Источник энергии для них – море с его приливами и отливами, глубинными течениями и разницей температур; турбины, правда, у них тоже от людей, зато они научились их использовать, а что, в конце концов, такое цивилизация, если не умение пользоваться вещами, придуманными кем-то другим? Хотя у саламандр, надо признать, нет своих оригинальных идей, у них вполне существует собственная наука. Правда, у них нет своей музыки или литературы, но они прекрасно обходятся и без них, – так что и люди начинают приходить к выводу, что саламандры в этом удивительно прогрессивны и опережают свое время. Ну вот, настал момент, когда и люди уже могут чему-то научиться у саламандр, – и неудивительно: разве саламандры не достигают выдающихся успехов? И с кого же людям брать пример, если не с успешных... ммм... созданий? Никогда еще в истории человечества не производилось, не строилось и не зарабатывалось столько, как в эту великую эпоху. Воистину, вместе с саламандрами в мир явился гигантский прогресс и родился идеал именем Количество. «Мы люди Эпохи Саламандр» – эту фразу произносят с поистине заслуженной гордостью; куда до него обветшалой Эпохе Людей с ее медленной, мелочной, бесполезной возней, которую называли культурой, искусством, чистой наукой или как там еще! Утверждается, что сознательные люди Эпохи Саламандр не будут, как прежде, тратить свое время на раздумья о сути вещей; отныне их будет интересовать только их количество и массовое производство. Все будущее мира состоит исключительно в неуклонном повышении производства и потребления, потому и поголовье саламандр должно расти – чтобы они могли еще больше всего произвести, а затем еще больше сожрать. Короче говоря, саламандры – это и есть Количество; их эпохальное деяние заключается в том, что их так много. Только теперь человеческая смекалка и изобретательность могут работать в полную силу, поскольку работают они в космических масштабах, на пределе производственных мощностей и с рекордным оборотом капитала; в общем, это великая – великая! – эпоха.

Чего же еще недостает, чтобы к удовольствию всех наступил Дивный Новый Век, век всеобщего благоденствия? Что мешает рождению желанной Утопии, которая пожала бы плоды всех триумфов техники и открыла бы для благосостояния людей и усердия саламандр – все дальше и дальше, до бесконечности – все новые и новые великолепные возможности?

Воистину, ничего! Поскольку отныне Саламандровый Бизнес будет увенчан проникательностью государственных мужей, которые заранее позаботятся о том, чтобы устранить все помехи на пути колес Нового Века. В Лондоне собралась конференция государств, имеющих выход к морю, на которой разработана и одобрена Международная конвенция о саламандрах.

⁴⁴ Один житель Дейвиц рассказывал пану Повондре, что, купаясь в Катвейке-ан-Зее, в Голландии, он заплыл далеко в море – и вдруг служитель на пляже закричал ему, чтобы он вернулся. Этот господин (некий пан Пршигода, комиссионер) пропустил это мимо ушей и плыл дальше, тогда служитель прыгнул в лодку и быстро нагнал пловца. «Дружище, – сказал он, – здесь купаться запрещено!» – Почему? – спросил пан Пршигода. – Тут саламандры. – Ну, их я не боюсь, – отвечал пан Пршигода. – У них тут под водой какие-то фабрики или что-то такое, – проворчал служитель. – Тут, дружище, никто не купается. – Почему? – Саламандрам это не нравится.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются друг перед другом, что не будут направлять своих саламандр в суверенные воды других государств; что они не допустят того, чтобы их саламандры каким-либо образом нарушили территориальную целостность или границы международно признанной сферы влияния любого иного государства; что они никоим образом не будут вмешиваться во взаимоотношения других морских держав с их саламандрами; что в случае конфликта между своими и чужими саламандрами они подчинятся решению Гаагского арбитража; что они не будут предоставлять своим саламандрам оружие, калибр которого превышал бы калибр обыкновенного подводного пистолета для защиты от акул (т. н. Safráněk-gun или shark-gun); что они не допустят, чтобы их саламандры завязывали какие-либо тесные отношения с саламандрами, подчиненными суверенитету иного государства; что они не будут при помощи саламандр возводить новую сушу или расширять свою территорию без предварительного одобрения Постоянной морской комиссии в Женеве, и так далее (всего в документе было тридцать семь параграфов). Напротив, были отвергнуты:

- британское предложение – чтобы морские державы отказались от обязательного военного обучения саламандр;
- французское предложение – чтобы саламандры были интернационализированы и подчинены Международному саламандровому бюро по обустройству мировых вод;
- германское предложение – чтобы на каждой саламандре было выжжено клеймо государства, подданным которого эта саламандра является;
- еще одно германское предложение – чтобы каждому приморскому государству было позволено иметь лишь определенное число саламандр в соответствии с оговоренной квотой;
- итальянское предложение – чтобы государствам с переизбытком саламандр были предоставлены для колонизации новые участки побережья или участки морского дна;
- японское предложение – чтобы над саламандрами (черными от природы) международный мандат осуществляла японская нация, как представительница народов цветных рас⁴⁵.

Обсуждение этих предложений было отложено до следующей конференции морских держав, которая, однако, в силу разных причин уже не состоялась.

«Данный международный акт, – писал в «Le Temps» М. Жюль Зауэрштоф, – обеспечивает будущность саламандр и мирный прогресс человечества на долгие десятилетия вперед. Поздравим лондонскую конференцию с успешным завершением трудных переговоров. Поздравим и саламандр с тем, что принятый статут предоставляет им защиту Гаагского суда; теперь они могут спокойно и с полным доверием отдаваться своей работе и своему подводному прогрессу. Необходимо отметить, что деполитизация Саламандрового Вопросы, выражением которой стала лондонская конвенция, есть одна из важнейших гарантий мира во всем мире; в особенности разоружение саламандр снижает вероятность подводных конфликтов между государствами. Необходимо признать, что – несмотря на многочисленные пограничные и геополитические конфликты почти на всех континентах – всеобщему миру теперь не грозит никакая немедленная опасность, по крайней мере со стороны моря. Но и на суше, как представляется, мир сейчас обеспечен в куда большей мере, чем когда-либо в истории. Приморские государства заняты по горло сооружением новых берегов; они могут расширять свои территории за счет мирового океана, вместо того чтобы пытаться раздвинуть свои сухопутные границы. Нет уже необходимости при помощи смертоносного железа и газов бороться за каждый клочок земли: лопат и мотыг саламандр достаточно для того, чтобы каждое государство построило себе столько территории, сколько ему надо, – и эту мирную работу саламандр во благо мирового спокойствия и процветания всех наций гарантирует именно лондонская кон-

---

⁴⁵ Это предложение, очевидно, было связано с широкомасштабной политической пропагандистской кампанией. Благодаря склонности пана Повондры к коллекционированию, мы располагаем чрезвычайно важным документом, связанным с ней. В документе говорится буквально следующее:

венция. Никогда еще наша планета не была так близка к прочному миру и хотя и мирному, но внушительному расцвету, как именно сейчас. Вместо Саламандрового Вопроса, о котором столько писали и говорили, отныне, можно полагать, люди с полным правом будут говорить о Золотом Саламандровом Веке».

Глава 3

Пан Повондра снова читает газеты

Ни на ком так хорошо не замечен бег времени, как на детях. Куда подевался маленький Франтик, которого мы (кажется, совсем недавно!) покинули сидящим над учебником с левыми притоками Дуная?

– Куда опять подевался этот Франтик? – ворчит пан Повондра, разворачивая свою вечернюю газету.

– Да как всегда... – отвечает пани Повондра, склонившись над шитьем.

– К девчонке своей пошел! – негодует Повондра-отец. – Гадкий мальчишка! Ему всего-то тридцать, а уже ни одного вечера дома посидеть не может!

– Из-за своей беготни сколько носков изнашивает! – вздыхает пани Повондра, натягивая очередной безнадежный носок на деревянный гриб. – Ну вот что с ним поделаешь? – размышляет пани Повондра, осматривая огромную дыру на пятке, по форме похожую на остров Цейлон. – Хоть возьми да выброси! – критически оценивает она результаты осмотра, однако после новых стратегических размышлений бескомпромиссно вонзает иглоку в южное побережье Цейлона.

Наступает благородная семейная тишина, столь дорогая Повондре-отцу. Только шуршит газета, и отвечает ей быстро продергиваемая нитка.

– Ну что, поймали? – спрашивает пани Повондра.

– Кого?

– Ну, этого убийцу, который зарезал женщину.

– Да ну его, твоего убийцу, – ворчит, защищаясь, пан Повондра. – Тут вот пишут, что между Японией и Китаем обострились отношения. А это дело серьезное. Там у них все дела серьезные.

– Наверное, не поймают его уже, – замечает пани Повондра.

– Кого?

– Да убийцу. Когда женщин убивают, то убийц почти никогда не могут поймать.

– Японцы, понимаешь ли, недовольны, что Китай регулирует Желтую реку. Вот такая вот геополитика. Пока там Желтая река творит свои черные дела, в Китае все время наводнения, голод, а от этого Китай слабеет, понимаешь? Дай-ка мне, мать, ножницы, я это вырежу.

– Зачем?

– А тут пишут, что на этой Желтой реке работает два миллиона саламандр.

– Это много, да?

– Ну да, наверное. За них, конечно, платит Америка, это ясно. Поэтому микадо хочет там насадить своих саламандр. Ну и вот, надо же!

– Что там такое?

– Да вот «Пти паризьен» пишет, что Франция этого не потерпит. Все правильно. Я бы тоже не потерпел.

– Чего бы ты не потерпел?

– Чтобы Италия расширяла остров Лампедуза. Это чрезвычайно важная стратегическая точка, понимаешь? Итальянцы оттуда могли бы грозить Тунису. Вот посмотри, «Пти паризьен» как раз пишет, что итальянцы будто бы хотят устроить на Лампедузе морскую крепость первого класса. Говорят, там тысяч шестьдесят вооруженных саламандр. Тут уж шутки кончаются.

Шестьдесят тысяч, мать, это ведь три дивизии. Я всегда говорил: на Средиземном море когда-нибудь рванет, это к бабке не ходи. Дай-ка я вырежу.

Цейлон тем временем под усердной рукой пани Повондровой уже исчез, сократившись примерно до размеров острова Родос.

– А вот еще и Англия, – рассуждает Повондра-отец, – у них тоже все не слава богу. В палате общин говорили, что Великобритания будто бы отстаёт от других государств по части этих самых водных сооружений. Мол, другие колониальные державы между собой соревнуются – кто больше построит новых берегов и континентов, а британский кабинет из-за своих консервативных предрассудков против саламандр... Ну да, мать, все правильно. Англичане страшно консервативны. Знавал я одного лакея из британского посольства, так вот он, ей-богу, ни разу не взял в рот нашего чешского холодца. У них, говорит, такого никто не ест – ну вот и он не будет есть. Так что ничуть не удивляюсь, что другие страны их обогнали. – Пан Повондра с серьезным видом покачал головой. – А Франция вот расширяет свои берега у Кале. Вот газеты в Англии и шумят, что Франция сможет их обстреливать через Ла-Манш, если пролив сузится. Это им за их глупость. Они ведь сами могли расширить берега у Дувра и преспокойно обстреливать Францию.

– Да зачем им вообще обстреливать? – спросила пани Повондра.

– Ну, ты это вряд ли поймешь. По военным соображениям. Не удивлюсь, если там однажды начнется мясорубка. Там или еще где-нибудь. Ты, мать, пойми, что теперь, из-за этих саламандр, ситуация в мире совсем другая. Совершенно другая!

– Так что же, ты считаешь, что война будет? – встревожилась пани Повондра. – А как же тогда... Как же наш Франтик – как бы ему не пришлось идти...

– Война? – задумался Повондра-отец. – Должно быть, без мировой войны не обойтись, чтобы державы могли поделить между собой море. Но мы останемся нейтральными. Кто-то же должен оставаться нейтральным, чтобы поставлять тем, кто воюет, оружие и все остальное. Ну да, так и будет! – решил пан Повондра. – Но вы, женщины, в этом ничего не смыслите.

Пани Повондра поджала губы и быстрыми стежками принялась довершать удаление острова Цейлон с носка Повондры-сына.

– А если вспомнить о том, – заговорил Повондра-отец, с трудом скрывая гордость, – что, если бы не я, вся эта угрожающая ситуация и вовсе бы не возникла! Не приведи я тогда того капитана к пану Бонди, вся история сложилась бы по-другому. Другой швейцар просто не пустил бы его на порог, но я решил: нет, приму удар на себя. И вот что вышло: теперь из-за этого проблемы у таких стран, как Англия, Франция! И кто знает, что еще нас ждет... – Пан Повондра в волнении лихорадочно задымил своей трубкой. – Такие дела, дорогуша моя. Во всех газетах только и пишут что о саламандрах. Вот опять... – Повондра-отец отложил трубку. – Пишут, что у города Канкесантурай на Цейлоне саламандры напали на какую-то деревню, будто там туземцы до того убили несколько саламандр. «Была вызвана полиция и взвод туземных войск, – прочитал вслух пан Повондра, – после чего завязалась полномасштабная перестрелка между саламандрами и людьми. Среди солдат было несколько раненых...» – Повондра-отец отложил газету. – Мне все это, мать, совсем не нравится.

– Почему? – удивилась пани Повондра, заботливо и удовлетворенно постукивая рукояткой ножниц по тому месту, где когда-то был остров Цейлон. – Что такого случилось-то?

– Не знаю, – пробормотал Повондра-отец и в волнении начал ходить туда-сюда по комнате. – Но это мне совсем не нравится. Нет. Не нравится. Перестрелка между людьми и саламандрами... Этого просто нельзя было допускать!

– А может, саламандры просто защищались, – успокаивающим голосом сказала пани Повондра, отодвинув носки в сторону.

– Вот именно! – проворчал пан Повондра в беспокойстве. – Если эти твари начнут защищаться, то дело швах. В первый раз ведь такое произошло... Черт, мне это совсем не нра-

вится! — Пан Повондра остановился в раздумьях. — И вот что... может быть... наверное, не нужно мне было пускать этого капитана к пану Бонди!

Книга третья

Война с саламандрами

Глава 1

Бойня на Кокосовых островах

В одном пан Повондра ошибся: перестрелка у города Канкесантурай была уже не первым столкновением между людьми и саламандрами. Первый известный в истории конфликт произошёл за несколько лет до того, ещё в золотой век пиратских набегов на саламандр, на Кокосовых островах. Впрочем, и это был не первый подобный инцидент, в тихоокеанских портах ходило достаточно историй о разных прискорбных случаях, когда саламандры тем или иным способом энергично сопротивлялись – не только пиратам, но и нормальной S-Trade; о таких банальностях, впрочем, в учебниках истории не пишут.

На Кокосовых же островах (которые называют также островами Килинг) дело было так. Туда для обычной охоты на саламандр типа «Макароны» приплыло пиратское судно «Монроз» под командой капитана Джеймса Линдлея, принадлежавшее известной гарримановской Тихоокеанской торговой компании. На Кокосовых островах располагалась известная и богатая саламандровая бухта, заселенная ещё капитаном ван Тохом, однако затем из-за своего отдалённого положения предоставленная, как говорится, промыслу Божию. Нельзя упрекать капитана Линдлея в неосторожности – и даже в том, что он отправил своих людей на берег невооружёнными. (В то время грабительская торговля саламандрами уже вошла в определённую колею. Надо отметить, что в прежние времена пиратские суда и команды были вооружены пулемётами и даже легкими орудиями, – впрочем, не против саламандр, а из-за опасности недобросовестной конкуренции со стороны других пиратов. На острове Каракелонг однажды произошла стычка между командой гарримановского парохода и экипажем датского судна, капитан которого считал Каракелонг своим охотничьим угодьем. Обе команды тогда свели между собой старые счёты, порожденные спорами по вопросам торговли и престижа: они оставили саламандр в покое и начали палить друг в друга из ружей и «гочкисов»; на суше датчане одержали верх, бросившись врукопашную, вооружённые ножами, однако затем гарримановский пароход с успехом обстрелял из пушек датское судно, послав его ко дну со всеми потрохами, не исключая и капитана Нильса. Все это называли «Каракелонгским инцидентом». Тогда в дело пришлось вмешаться официальным учреждениям и правительствам соответствующих государств; в конце концов пиратским кораблям запретили пользоваться пушками, пулемётами и ручными гранатами; кроме того, флибустьерским компаниям пришлось разделить между собой так называемые свободные охотничьи угодья, так что каждая колония саламандр отныне посещалась только определённым пиратским судном. Это джентльменское соглашение крупных пиратов действительно соблюдалось и уважалось, причем и мелкими пиратскими фирмочками.) Вернемся, однако, к капитану Линдлею. Он действовал полностью в духе обычных для того времени торговых и морских обычаев, отправляя своих людей охотиться на саламандр на Кокосовых островах, вооружив их лишь дубинками и веслами, – так что служебное расследование после инцидента полностью оправдало покойного капитана.

Командой, которая высадилась в ту лунную ночь на Кокосовых островах, руководил капитан-лейтенант Эдди МакКарт, весьма опытный в облавах подобного рода. Правда, стадо саламандр, которое он обнаружил на берегу, было необычайно многочисленным, насчитывая, на глаз, от шестисот до семисот взрослых сильных самцов, в то время как под командой МакКарта было всего-то шестнадцать человек; но нельзя ставить ему в вину то, что он не отказался

от своего предприятия, – хотя бы потому, что офицерам и команде грабительских судов по обычаю выплачивалась премия за каждую пойманную саламандру. В ходе последующего расследования морское ведомство признало, что «лейтенант МакКарт, безусловно, несет ответственность за прискорбное происшествие», однако же «при данных обстоятельствах, вероятно, никто не действовал бы иначе, чем он». Напротив, несчастный молодой офицер проявил недюжинную смекалку, приказав вместо медленного окружения саламандр (которое при данном соотношении сил не могло быть полным) неожиданно напасть на них, с целью отрезать саламандр от моря, загнать их вглубь острова, а там одну за другой оглушать ударами дубинок и весел. Увы, при атаке рассыпным строем цепочка моряков была прорвана и около двухсот саламандр смогли прорваться к воде. Пока атакующие обрабатывали саламандр, отрезанных от моря, за их спинами затрещали выстрелы подводных пистолетов (shark-guns); никто, конечно, не мог предположить, что нецивилизованные, «дикие» саламандры с Кокосовых островов снабжены пистолетами для защиты от акул, – и, кстати говоря, так никогда и не выяснилось, кто же именно поставил им это оружие.

Матрос Майкл Келли, которому удалось выжить в этой катастрофе, рассказывал: «Когда загрели выстрелы, мы подумали, что по нам стреляет какая-то другая команда, тоже высадившаяся на берег для охоты на саламандр. Лейтенант МакКарт тут же обернулся и крикнул: „Эй вы, козлы, что, не видите, тут люди с «Монрозы»!“ Тут он был ранен в бок, но все же вытащил свой револьвер и начал стрелять. Второе ранение он получил в шею, после чего упал. Только тогда мы увидели, что на самом деле в нас стреляют саламандры, которые явно хотят отрезать нас от моря. Тогда Длинный Стив схватил весло и с криком: „Монроз! Монроз!“ бросился на них. Все остальные тоже кричали: „Монроз!“ и колотили этих тварей веслами изо всех сил. Человек пять наших остались там лежать, но остальным все же удалось пробиться к морю. Длинный Стив кинулся в воду, чтобы вброд добраться до шлюпки, но на нем повисли несколько саламандр и утащили его на дно. Чарли тоже утопил, он вопил: „Парни, ради Христа, спасите, спасите!“ – но мы уже никак ему помочь не могли. Эти свиньи стреляли нам в спину. Бодкин обернулся – и ему прилетело в живот, он сказал только: „Что за?...“ – и упал. Пришлось нам искать спасения опять в глубине острова, все наши весла и дубинки мы уже разбили об эту сволочь, так что нам приходилось просто бежать, как зайцам. К тому времени нас оставалось всего четверо. Мы боялись убежать далеко от берега, опасаясь, что тогда не сможем попасть обратно на корабль; спрятавшись за камнями и кустами, мы должны были молча смотреть на то, как саламандры добивают наших парней. Их топили в воде, как котят, а тех, кто еще мог плавать, били ломом по затылку. Только тогда я почувствовал, что у меня вывихнута нога и дальше я идти не могу».

Капитан Джеймс Линдлей, оставшийся на «Монрозе», как представляется, услышал стрельбу на острове; мы не знаем, решил ли он, что началась какая-то заварушка с туземцами, или что на острове вдруг оказались другие охотники на саламандр, но только он взял кока и двух механиков (больше на судне никого уже и не было), велел спустить на шлюпку станковый пулемет, который – вопреки строгому запрету – предусмотрительно прятал у себя на пароходе, и отправился на помощь своей команде. Капитан был достаточно осторожным для того, чтобы не высаживаться на берег; он только подвел к нему шлюпку, на носу которой был установлен пулемет, и встал «со скрещенными на груди руками». Впрочем, дадим опять слово матросу Келли:

«Мы не хотели громко звать капитана, чтобы саламандры нас не обнаружили. Мистер Линдлей поднялся со скрещенными на груди руками и крикнул: „Что здесь происходит?“ Саламандры обернулись к нему. На берегу их оставалось около двухсот, кроме того, из моря все время вылезали новые, окружая шлюпку. „Что тут происходит?“ – повторил капитан, и тут одна большая саламандра подошла к нему поближе и сказала: „Отправляйтесь домой!“

Капитан посмотрел на нее, помолчал минутку и спросил наконец: „Вы саламандра?“

„Мы саламандры, – ответила саламандра. – Отправляйтесь обратно, сэр!“

„Я хочу знать, что вы сделали с моими людьми“, – сказал наш старина-капитан.

„Не нужно было им на нас нападать, – говорит саламандра. – Возвращайтесь на свой корабль, сэр!“

Капитан еще минутку помолчал, а потом – очень спокойно – сказал: „Ну ладно. Дженкинс, огонь!“

И механик Дженкинс начал стрелять по саламандрам из пулемета».

(При позднейшем расследовании всего дела морское ведомство дословно заявило: «В этом отношении капитан Джеймс Линдлей действовал так, как должно ожидать от британского морского офицера.»)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.